ВОЙНА И МЫ

Артем Драбкин

Я дрался с панцерваффе

«Двойной оклад — тройная смерть»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Драбкин А . Я дрался с Панцерваффе . «Двойной оклад – тройная смерть!». – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – 352 с. – (Война и мы). Тираж 10 000 экз. ISBN 978-5-699-20524-0. / По материалам сайта «Я помню» www.iremember.ru. Литературная обработка текстов С. Анисимова. В книге использованы фотографии из личных архивов и рисунки художника В. Реукова.

Аннотация издательства: «Ствол длинный, жизнь короткая», «Двойной оклад – тройная смерть!», «Прощай, Родина!»… Какими только эпитетами не награждались бойцы и командиры, которые воевали в артиллерии, стоявшей на прямой наводке сразу позади, а то и впереди порядков пехоты. На долю артиллеристов орудий калибра 45, 57 и 76 миллиметров легла самая ответственная и смертельно опасная задача – выбивать немецкие танки. Каждый бой, каждый подбитый танк давался кровью. Каждая смена позиции – потом. Победа в противостоянии бронированного и хорошо вооруженного танка с людьми, спрятавшимися за щитом орудия, требует от последних колоссальной выдержки, отваги и мастерства. Такие герои у нас были, и именно они входили в поверженный Берлин. В этой книге вы встретитесь всего с десятью бойцами и командирами, каждый из которых внес свой посильный вклад в дело нашей Победы, но именно их рассказы помогут понять, как складывалась война для многих тысяч воинов-артиллеристов.

- Драбкин Артем (автор-составитель)
  -
  - Горячий снег «пакфронта»
  - Ульянов Виталий Андреевич
  - Марков Николай Дмитриевич
  - Борисов Михаил Федорович
  - Назаров Борис Васильевич
  - Дорман Моисей Исаакович
  - Зимаков Владимир Матвеевич
  - Шишкин Николай Константинович
  - Волошин Алексей Прохорович
  - Черномордик Михаил Александрович
  - Рогачев Александр Васильевич

Драбкин Артем (автор-составитель)

Я дрался с Панцерваффе.

«Двойной оклад – тройная смерть!»

Сайт «Военная литература»: militera.lib.ru

Издание: Драбкин А . Я дрался с Панцерваффе. – М.: Яуза, Эксмо, 2007.

Книга на сайте: http://militera.lib.ru/memo/russian/drabkin_ay4/index.html

Книга одним файлом: http://militera.lib.ru/memo/0/chm/russian/drabkin_ay4.zip

Иллюстрации: http://militera.lib.ru/memo/russian/drabkin_ay4/ill.html

OCR, правка: Андрей Мятишкин (amyatishkin@mail.ru)

Дополнительная обработка: Hoaxer (hoaxer@mail.ru)

[1] Так помечены страницы, номер предшествует.

Драбкин А. **Я дрался с Панцерваффе**. «Двойной оклад – тройная смерть!». – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – 352 с. – (Война и мы). Тираж 10 000 экз. ISBN 978-5-699-20524-0. / По материалам сайта «Я помню» www.iremember.ru. Литературная обработка текстов *С. Анисимова.* В книге использованы фотографии из личных архивов и рисунки художника *В. Реукова.*

Аннотация издательства: «Ствол длинный, жизнь короткая», «Двойной оклад – тройная смерть!», «Прощай, Родина!»… Какими только эпитетами не награждались бойцы и командиры, которые воевали в артиллерии, стоявшей на прямой наводке сразу позади, а то и впереди порядков пехоты. На долю артиллеристов орудий калибра 45, 57 и 76 миллиметров легла самая ответственная и смертельно опасная задача – выбивать немецкие танки. Каждый бой, каждый подбитый танк давался кровью. Каждая смена позиции – потом. Победа в противостоянии бронированного и хорошо вооруженного танка с людьми, спрятавшимися за щитом

орудия, требует от последних колоссальной выдержки, отваги и мастерства. Такие герои у нас были, и именно они входили в поверженный Берлин. В этой книге вы встретитесь всего с десятью бойцами и командирами, каждый из которых внес свой посильный вклад в дело нашей Победы, но именно их рассказы помогут понять, как складывалась война для многих тысяч воинов-артиллеристов.

Драбкин А . Я дрался с Панцерваффе . «Двойной оклад – тройная смерть!». – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – 352 с. – (Война и мы). Тираж 10 000 экз. ISBN 978-5-699-20524-0. / По материалам сайта «Я помню» www.iremember.ru. Литературная обработка текстов С. Анисимова. В книге использованы фотографии из личных архивов и рисунки художника В. Реукова.

Аннотация издательства: «Ствол длинный, жизнь короткая», «Двойной оклад – тройная смерть!», «Прощай, Родина!»… Какими только эпитетами не награждались бойцы и командиры, которые воевали в артиллерии, стоявшей на прямой наводке сразу позади, а то и впереди порядков пехоты. На долю артиллеристов орудий калибра 45, 57 и 76 миллиметров легла самая ответственная и смертельно опасная задача – выбивать немецкие танки. Каждый бой, каждый подбитый танк давался кровью. Каждая смена позиции – потом. Победа в противостоянии бронированного и хорошо вооруженного танка с людьми, спрятавшимися за щитом орудия, требует от последних колоссальной выдержки, отваги и мастерства. Такие герои у нас были, и именно они входили в поверженный Берлин. В этой книге вы встретитесь всего с десятью бойцами и командирами, каждый из которых внес свой посильный вклад в дело нашей Победы, но именно их рассказы помогут понять, как складывалась война для многих тысяч воинов-артиллеристов.

Эта книга с сайта «Военная литература», также известного как Милитера. Проект «Военная литература» – некоммерческий. Все тексты, находящиеся на сайте, предназначены для бесплатного прочтения всеми, кто того пожелает. Используйте в учёбе и в работе, цитируйте, заучивайте… в общем, наслаждайтесь. Можете без спросу размещать эти тексты на своих страницах, в этом случае просьба сопроводить сей акт ссылкой на сайт «Военная литература», также известный как Милитера

Горячий снег «пакфронта»

Бойцам и командирам противотанковой артиллерии был посвящен один из самых сильных и правдивых фильмов о войне – «Горячий снег». Он был снят по одноименной повести Ю. В. Бондарева. Хотя он описывает действительно драматичный момент войны, отражение попытки прорваться извне к окруженной армии Паулюса в декабре 1942 года, такие эпизоды могли иметь место до самого конца войны. Противотанкисты часто воевали при численном превосходстве противника, прикрывая фланги главной ударной группировки фронта или армии.

Противотанковая артиллерия появилась вскоре после выхода на поле боя танков. Сначала это были орудия полевой артиллерии, выделенные для стрельбы по танкам. В качестве бронебойного снаряда выступала шрапнель, поставленная на удар. После Первой мировой войны пришло время противотанковых орудий специальной разработки. Свежеиспеченная Рабочее-Крестьянская Красная армия не осталась в стороне от этого процесса. Протоколом заседания Революционного Военного совета Союза ССР от 22 мая 1929 года была утверждена «Система артиллерийского и пехотного вооружения РККА». Согласно этому документу в состав батальонной артиллерии вводилась 37-мм пехотная противотанковая пушка «для борьбы с бронированными машинами противника». Поскольку подходящего своего орудия в производстве не было, оно было закуплено за границей, у фирмы «Рейнметалл». Пушка была принята на вооружение под наименованием «37-мм противотанковая пушка обр. 1930 г.» Эволюция этого орудия в 1930-х годах привела к появлению 45-мм пушки 53-К, известной как «45-мм противотанковая пушка образца 1937 г.» Так появилась хорошо известная многим «сорокапятка». Производство пушки было налажено на заводе № 8 им. Калинина в подмосковных Подлипках.

Особенностью противотанкового орудия является необходимость высокого темпа стрельбы. Малокалиберные противотанковые пушки были эффективны на дальностях в несколько сотен метров, и у противотанкистов было очень мало времени на поражение до выхода танков на их позиции. Поэтому 45-мм противотанковая пушка была оснащена клиновым полуавтоматическим затвором. После выстрела тело орудия откатывалось назад, противооткатные устройства возвращали его в исходное положение. В конце цикла наката автоматика

открывала затвор и выбрасывала стреляную гильзу. Затвор оставался открытым, и заряжающий мог, не тратя времени на открывание затвора, заряжать орудие. Досылаемый заряжающим унитарный выстрел сбивал затвор с лапок выбрасывателя гильзы, он закрывался, и наводчик снова мог послать снаряд в цель. Жизненно необходимыми для противотанкового орудия были раздвижные станины. Такая конструкция вместо однобрусного лафета позволяла иметь широкие углы горизонтальной наводки для переноса огня по разным целям. Поскольку танки могли использовать складки местности для обхода позиций противотанкистов или прорваться на участке соседнего подразделения, орудия должны были быть готовы менять направление огня. На легких малокалиберных орудиях такая манипуляция сложностей не представляла. На тяжелых противотанковых пушках (57-мм, 76-мм и выше) у каждой станины стоял номер расчета, готовый разворачивать орудие. «Сорокапятки» получили высокую оценку японцев, столкнувшихся с ними на Халхин-Голе – единственном конфликте с применением крупных масс танков обеими сторонами до начала Великой Отечественной войны, в котором участвовала Красная армия. Японцы говорили о высокой точности и эффективности советского орудия.

«Сорокапятка» была простым в производстве и недорогим (около 10 тыс. рублей) орудием. Это привело к быстрому насыщению частей и соединений РККА 45-мм орудиями. К 1941 году войска были полностью укомплектованы 45-мм пушками по требованиям мобилизационного плана (МП-41), и они даже были сняты с производства. Возобновление выпуска предполагалось только с началом войны для восполнения потерь в объемах, предусмотренных МП-41. Следует отметить, что противотанковые орудия были не единственным средством борьбы с танками. Бронебойные снаряды входили в боекомплект дивизионных 76-мм пушек, зенитных орудий и полковой артиллерии.

Организация частей противотанковой артиллерии Красной армии до войны не отличалась разнообразием. До осени 1940 года противотанковые орудия входили в состав стрелковых, горно-стрелковых, мотострелковых, моторизованных и кавалерийских батальонов, полков и дивизий. Противотанковые батареи, взводы и дивизионы были, таким образом, вкраплены в организационную структуру соединений, являясь их неотъемлемой частью. Стрелковый батальон стрелкового полка довоенного штата № 04/401 имел взвод 45-мм орудий (две пушки). Стрелковый полк штата № 04/401 и мотострелковый полк штата № 05/86 имели батарею 45-мм пушек (шесть орудий).

В первом случае средством тяги были лошади, во втором – специализированные гусеничные бронированные тягачи «Комсомолец». В состав стрелковой дивизии штата № 04/400 и моторизованной дивизии штата № 05/70 входил отдельный противотанковый дивизион из восемнадцати 45-мм пушек. Что интересно, противотанковая часть дивизионного подчинения имела механическую тягу как в случае стрелковой, так и в случае моторизованной дивизии. Средством тяги были все те же «Комсомольцы». Моторизованная противотанковая часть должна была обеспечить командиру дивизии возможность быстро выдвигать средства борьбы с танками на опасное направление. Впервые противотанковый дивизион был введен в штат советской стрелковой дивизии в 1938 году.

Однако маневр противотанковыми орудиями был возможен в тот период только внутри дивизии, а не в масштабах корпуса или армии. Командование имело весьма ограниченные возможности по усилению противотанковой обороны на танкоопасных направлениях. Дивизия, занимающая фронт на танконедоступной местности, и дивизия на направлении вероятного удара танков противника имели одинаковое количество противотанковых орудий. В том и другом случае в распоряжении командира соединения были только 54 штатные 45-мм пушки. На танконедоступной местности они были избыточны, а на опасном участке – недостаточны. Усиление противотанковой обороны могло быть произведено за счет артиллерии, формально не являющейся противотанковой – зенитных и корпусных орудий. Характерной чертой предвоенной противотанковой артиллерии Красной армии также было отсутствие противотанковых орудий в танковой дивизии.

Первая попытка дать в руки командования средство качественного усиления противотанковой обороны последовала в 1940 году. Изучая опыт боевого применения танковых войск Германии в 1939-1940 годах, советские военные теоретики пришли к выводу о необходимости качественного и количественного усиления противотанковой обороны. Опытной организационной формой стал пушечный артполк резерва Главного командования, вооруженный 76-мм дивизионными пушками Ф-22 и 85-мм зенитными пушками. 14 октября 1940 года Нарком обороны СССР обратился в СНК СССР и ЦК ВКП (б) с предложением по новым организационным мероприятиям в Красной армии в первой половине 1941 года. В числе прочего предлагалось:

«Сформировать 20 пулеметно-артиллерийских моторизованных бригад, имеющих мощное пушечное и

пулеметное вооружение, предназначенных для борьбы и противодействия танковым и механизированным войскам противника. Дислокацию бригад иметь: а). ЛВО – 5 бригад,

б). ПрибОВО – 4 бригады,

в). ЗапОВО – 3 бригады,

г). КОВО – 5 бригад,

д). ЗабВО – 1 бригада,

е). ДВФ – 2 бригады…».

Предложение о формировании бригад было получено 4 ноября 1941 года. Предполагалось сформировать их к 1 января 1942 года. Наименование «пулеметно-артиллерийская» было при формировании опущено и бригады формировались как моторизованные. Всего в бригаде предполагалось иметь: 6199 человек, 17 танков Т-26, 19 бронемашин, пушек: 45-мм противотанковых – 30, 76-мм Ф-22-42, 37-мм автоматических зенитных – 12, 76-мм или 85-мм зенитных – 36. Введение в штат бригады 17 Т-26 в каком-то смысле опережало время: возрастание роли танков как средства борьбы с себе подобными имело место уже к концу Второй мировой войны.

Однако первый опыт создания противотанкового соединения РГК был признан неудачным. В феврале – марте 1941 года два десятка бригад были расформированы. Последним перед войной мероприятием по формированию противотанковых бригад стало последовавшее 23 апреля 1941 года постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 1112-459сс «О новых формированиях в составе Красной армии». По этому постановлению к 1 июня 1941 года предполагалось сформировать десять противотанковых артиллерийских бригад РГК. По штату в каждой бригаде должно было быть сорок восемь 76-мм пушек, сорок восемь 85-мм зенитных пушек, двадцать четыре 107-мм пушки, шестнадцать 37-мм зенитных пушек. Штатная численность бригады составляла 5322 человека. К началу войны формирование бригад не было завершено. Большинство из них не имело положенных по штату автомашин, тягачей и другой техники. 107-мм орудия М-60 повсеместно заменялись на 85-мм зенитки. В мае 1941 года фактический статус противотанкового соединения получили неукомплектованные танками механизированные корпуса. Вместо танков они получали 76-мм дивизионные пушки и должны были стать подвижным средством борьбы с бронетехникой противника.

С началом Великой Отечественной войны противотанковые возможности советских войск подверглись жестоким испытаниям. Во-первых, чаще всего стрелковым дивизиям приходилось вести бой, занимая превышающий уставные нормативы фронт обороны. Во-вторых, советским войскам пришлось столкнуться с немецкой

тактикой «танкового клина». Она заключалась в том, что танковый полк танковой дивизии Вермахта наносил удар на очень узком участке обороны. При этом плотность атакующих танков составляла 50-60 машин на километр фронта. Такое количество танков на узком фронте неизбежно насыщало противотанковую оборону. Значительно облегчалась задача насыщения советской ПТО ее линейностью, т.е. равномерным расположением орудий по фронту обороны. Свою роль также сыграли технические сложности: ряд партий 45-мм бронебойных снарядов был перекален. Термообработанные с нарушением технологии снаряды не пробивали немецкие танки даже на тех дистанциях, на которых должны были это делать по ТТХ. Спасением в условиях кризиса стали 76-мм дивизионные и полковые орудия. Короткоствольные 76-мм полковые пушки образца 1927 года были ближе всего по весу и габаритам к противотанковым пушкам. При этом их бронебойный или даже шрапнельный выстрел был достаточно эффективным против немецких танков 1941 года.

Организационные трудности и общий неблагоприятный ход боевых действий не позволили первым противотанковым бригадам реализовать свой потенциал. Однако уже в первых сражениях бригады продемонстрировали широкие возможности самостоятельного противотанкового соединения. Уже в конце июня было принято решение о формировании отдельных противотанковых артиллерийских полков РГК. Вооружались эти полки двадцатью 85-мм зенитными пушками. В июле – августе 1941 года сформировали 35 таких полков. В августе – октябре последовала вторая волна формирования противотанковых полков РГК. Эти полки вооружались восемью 37-мм и восемью 85-мм зенитными пушками. 37-мм зенитный автомат обр. 1939 года еще до войны создавался как противотанково-зенитный и имел отработанный бронебойный снаряд. Важным преимуществом зенитных орудий также был лафет, обеспечивающий круговое вращение орудия. Для защиты расчета переквалифицированные в противотанковые пушки зенитки оснащались противоосколочным щитом.

Большие потери противотанковых пушек в начале войны привели к снижению количества противотанковых орудий в стрелковой дивизии. Стрелковая дивизия штата №4/600 от 29 июля 1941 года имела всего восемнадцать 45-мм противотанковых пушек вместо пятидесяти четырех по предвоенному штату. По июльскому штату были полностью исключен взвод 45-мм пушек из стрелкового батальона и отдельный противотанковый дивизион. Последний был

восстановлен в штате стрелковой дивизии в декабре 1941 года. Кавалерийская дивизия нового штата 1941 года имела всего шесть 45-мм пушек вместо шестнадцати по предвоенному штату. Нехватку противотанковых пушек в какой-то мере восполняли недавно принятые на вооружение противотанковые ружья. В декабре 1941 года в стрелковой дивизии штата № 04/750 взвод ПТР был введен на полковом уровне. Всего в дивизии по штату было 89 ПТР.

Бронированные гусеничные тягачи «Комсомолец» были большей частью потеряны летом 1941 года, их производство было свернуто в пользу танков. Средством тяги 45-мм противотанковых пушек стали лошади и автомашины. Существенно улучшилась ситуация со средствами тяги противотанковой артиллерии с поступлением по ленд-лизу автомобилей повышенной проходимости. Знаменитые «Виллисы» были не только автомашинами командиров, но и тягачами для 45-мм пушек.

В области организации артиллерии общей тенденцией конца 1941 года было наращивание числа самостоятельных противотанковых частей. На 1 января 1942 года в действующей армии и резерве Ставки ВГК имелись: одна артиллерийская бригада (на Ленинградском фронте), 57 противотанковых артиллерийских полков и два отдельных противотанковых артиллерийских дивизиона. По итогам осенних боев пять артиллерийских полков ПТО получили звание гвардейских. Два из них получили гвардию за бои под Волоколамском – они поддерживали 316-ю стрелковую дивизию И. В. Панфилова. Зенитные орудия постепенно изымались из противотанковых полков и возвращались в систему ПВО. Все большую роль в советской противотанковой артиллерии стала играть 76-мм дивизионная пушка ЗИС-3. Немцы называли советские 76-мм пушки «ратш-бум»: снаряд попадал в цель («ратш!») быстрее, чем долетал звук выстрела («бум!»).

1942 год стал периодом наращивания числа и укрупнения самостоятельных противотанковых подразделений. 3 апреля 1942 года последовало постановление Государственного Комитета Обороны о формировании истребительной бригады. По штату в бригаде было 1795 человек, двенадцать 45-мм пушек, шестнадцать 76-мм пушек, четыре 37-мм зенитные пушки, 144 противотанковых ружья. Следующим постановлением от 8 июня 1942 года двенадцать сформированных истребительных бригад были объединены в истребительные дивизии, по три бригады в каждой. Истребительные дивизии предполагалось использовать: 1-ю – на Юго-Западном, 2-ю – на Брянском, 3-ю – на Западном и 4-ю – на Калининском фронтах. Вскоре 1-я истребительная дивизия

прошла крещение огнем под ударами операции «Блау».

Укрупнению подверглись даже подразделения противотанковых ружей. В апреле 1942 года было сформировано четыре отдельных батальона ПТР. Каждый состоял из трех-четырех рот по 27 противотанковых ружей в каждом. В целом 1942 год стал расцветом противотанковых ружей как средства борьбы с бронетехникой противника в Красной армии. По мартовскому штату стрелковой дивизии № 04/200 на уровне полка была рота ПТР (27 ружей), по роте ПТР получил также каждый из батальонов стрелкового полка (вместо довоенных 45-мм противотанковых пушек), еще одна рота ПТР была в противотанковом дивизионе. Всего штат предусматривал 279 ПТР в стрелковой дивизии. Эффективность ружей, конечно, оставляла желать лучшего, но их массированное применение давало определенные результаты. Кроме того, поток крупнокалиберных пуль заставлял командиров немецких танков отказываться от наблюдения через открытый люк командирской башенки и обозревать поле боя только через триплексы смотровых щелей. Ограничение обзора экипажа танка облегчало задачу противотанкистов, использовавших более эффективные 45-мм и 76-мм пушки.

Этапным для противотанковой артиллерии Красной армии стал приказ НКО СССР № 0528 за подписью И. В. Сталина, гласивший:

«В целях улучшения качества борьбы с танками противника, создания и накопления кадров артиллеристов-истребителей танков, повышения их квалификации и выделения противотанковых артиллерийских частей из других видов артиллерии приказываю: 1. Легкие и противотанковые артиллерийские полки РГК, противотанковые дивизионы стрелковых дивизий и батареи 45-мм пушек стрелковых полков переименовать в истребительно-противотанковые артиллерийские полки, дивизионы и батареи.

2. Установить начальствующему составу этих частей и подразделений полуторный, а младшему начальствующему и рядовому составу – двойной оклад содержания.

3. Весь начальствующий состав истребительно-противотанковых артиллерийских частей и подразделений, до командира дивизиона включительно, взять на особый учет и использовать только в указанных частях.

4. Командирам орудий и заместителям командиров орудий (наводчикам) этих частей присвоить военное звание «старший сержант» – «сержант» соответственно и ввести должность заместителя наводчика с присвоением ему военного звания

«младший сержант».

5. Начальствующий, младший начальствующий и рядовой состав истребительно-противотанковых артиллерийских частей и подразделений, находящийся на излечении в госпиталях, после излечения направлять только в указанные части.

6. Установить для всего личного состава истребительно-противотанковых артиллерийских частей и подразделений специальный нарукавный знак, согласно прилагаемого описания, носимый на левом рукаве шинели и гимнастерки.

7. Установить премию за каждый подбитый танк в сумме: командиру орудия и наводчику – по 500 рублей, остальному составу орудийного расчета – по 200 рублей.

8. Количество подбитых орудием танков отмечать цифрой на фигуре танка, нарисованной в правом верхнем углу внутренней стороны щита орудия. Фигуру танка рисовать черной, а цифру, показывающую число подбитых танков, – белой краской.

9. В целях использования истребительно-противотанковых артиллерийских частей для решения задач непосредственной поддержки пехоты личный состав этих частей обучать не только стрельбе по танкам прямой наводкой, но и стрельбе по другим целям с открытых и закрытых огневых позиций.

10. Пункт 2 настоящего приказа не распространяется на противотанковые артиллерийские части Дальневосточного, Забайкальского и Закавказского фронтов» (Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2-2). – М.: ТЕРРА, 1997. С. 263-264).

Отличительным знаком противотанкистов стал нарукавный знак в виде черного ромба с красной окантовкой со скрещенными орудийными стволами. Повышению статуса противотанкистов сопутствовало формирование новых истребительно-противотанковых полков. Уже 16 июля 1942 года постановлением Государственного Комитета Обороны № 2055сс началось формирование при учебных артиллерийских центрах десяти легких артиллерийских (по двадцать 76-мм пушек) и пяти противотанковых артиллерийских полков (по двадцать 45-мм пушек) со сроком готовности 30 июля.

Расчет «сорокапятки» ведет огонь.

26 июля последовало постановление на формирование еще 35 полков – 20 по двадцать 76-мм пушек и 15 по двадцать 45-мм пушек. Полки были сформированы в короткие сроки и сразу же брошены в бой на угрожаемых участках фронта. В сентябре 1942 года постановлением Государственного Комитета Обороны № 2259сс формировались еще десять истребительно-противотанковых полков по двадцать 45-мм пушек. Также в сентябре 1942 года в наиболее отличившиеся полки была введена дополнительная батарея из четырех 76-мм орудий. В ноябре 1942 года часть истребительно-противотанковых полков была объединена в истребительные дивизии. К 1 января 1943 года в составе истребительно-противотанковой артиллерии Красной армии насчитывалось 2 истребительные дивизии, 15 истребительных бригад, 2 тяжелых истребительно-противотанковых полка, 168 истребительно-противотанковых полков, 1 истребительно-противотанковый дивизион.

Усовершенствование системы советской противотанковой обороны было отмечено противником. По итогам зимней кампании 1942-1943 гг. командир 17-й танковой дивизии писал 24 апреля 1943 года:

«Тактика танков, которая принесла огромные успехи в 1939, 1940 и 1941-м, может быть оценена как устаревшая. Если сейчас еще возможно прорывать противотанковую оборону концентрацией танковых сил в нескольких волнах, следующих одна за другой, мы можем полагать исходя из опыта, что это приводит к большим потерям, что уже не может быть переносимо ситуацией с производством. Эти действия, часто работавшие с

успехом, приводит к быстрому уменьшению танковых сил» (Jentz T. Panzertruppen. The Complete Guide to the creation and Combat Employment of Germany's Tank Force. 1939-1942. Atlegen: Schiffer Military History. 1996, p. 43).

Усовершенствованная система противотанковой обороны Красной армии получила у немцев наименование «пакфронт» (Pakfront). РАК – это немецкая аббревиатура для обозначения противотанкового орудия – Panzerabwehrkannone. Вместо линейного расположения орудий по обороняемому фронту в начале войны они объединялись группами под единым управлением. Это позволяло концентрировать на одной цели огонь нескольких орудий. Основой противотанковой обороны являлись противотанковые районы. Каждый противотанковый район состоял из отдельных противотанковых опорных пунктов (ПТОПов), находящихся в огневой связи друг с другом. «Находиться в огневой связи друг с другом» – означает возможность ведения соседними ПТОПами огня по одной цели. ПТОП насыщался всеми видами огневых средств. Основой огневой системы ПТОПа являлись 45-мм орудия, 76-мм полковые орудия, частично пушечные батареи дивизионной артиллерии и истребительно-противотанковые артиллерийские части. Каждым ПТОПом руководил комендант, назначенный из числа командиров артиллерийских частей, входивший в его состав. Как правило, комендантом назначался командир истребительно-противотанкового полка или дивизионного артиллерийского полка (командир артиллерийского дивизиона).

Очередным этапом в развитии советской противотанковой артиллерии стало введение на вооружение снарядов нового типа. Первой новинкой стал подкалиберный снаряд. Он представлял собой твердосплавный сердечник, вставленный в поддон катушечной формы из мягкой стали. Для улучшения аэродинамики этой конструкции сверху поддон закрывался баллистическим наконечником. Принцип его действия заключался в увеличении начальной скорости (за счет легкого корпуса-катушки) и увеличении поперечной нагрузки пробивающего броню элемента. Сердечник 45-мм снаряда имел диаметр 20 мм, 57-мм снаряда – 25 мм и 76-мм снаряда – 28 мм. При попадании снаряда в броню ее пробивал сердечник, а легкий поддон оставался снаружи. Сердечник в силу своих малых размеров не мог нести разрывного заряда. Однако напряжения, возникавшие в сердечнике при пробитии брони, часто приводили к его разрушению за броней и дроблению на раскаленные осколки, поражавшие экипаж и внутреннее оборудование танка.

Первым был разработан 45-мм подкалиберный снаряд. Он

был разработан в феврале – марте 1942 года группой инженеров под руководством военинженера 1-го ранга И. Бурмистрова. На вооружение новый боеприпас был принят постановлением Государственного Комитета Обороны от 2 апреля 1942 года. К созданию нового снаряда подоспела модернизация «сорокапятки». В январе – марте 1942 года ОКБ завода № 172 спроектировало 45-мм противотанковую пушку с удлиненным стволом. В августе – сентябре 1942 года опытный образец прошел испытания и с апреля 1943 года был запущен в массовое производство. При дальности стрельбы 300 и 500 метров и угле встречи с броней 90 градусов 45-мм подкалиберный снаряд, выпущенный из новой пушки, пробивал 95 мм и 80 мм брони соответственно. Основным недостатком новых боеприпасов была их дороговизна за счет использования для изготовления сердечника дефицитного вольфрама. Сердечник изготавливался методом порошковой металлургии путем спекания карбида вольфрама. В связи с этим пришлось даже закупать вольфрам за границей – около 4000 тонн было получено в 1942 году из Китая.

Следующим этапом совершенствования боеприпасов стала разработка 76-мм и 57-мм подкалиберных снарядов. Они также были разработаны группой Бурмистрова и приняты на вооружение постановлениями Государственного Комитета Обороны № 3187 от 15 апреля и № 3429с от 26 мая 1943 года соответственно. 57-мм подкалиберный снаряд при начальной скорости 1270 м/с пробивал на дистанции 300 м 165 мм брони, а на дистанции 500 м – 145 мм брони. Это позволяло ему эффективно бороться с появившимися у немцев тяжелыми танками до самого конца войны. 76-мм подкалиберный снаряд пробивал на дальности 300 м 105 мм брони, а на дальности 500 м – 90 мм брони. Такие характеристики позволяли противотанковым частям бороться с появившимися в 1943 году на поле боя немецкими тяжелыми танками «тигр». В первую очередь подкалиберные снаряды поступали именно в истребительно-противотанковые части.

Одним из неприятных сюрпризов 1941 года стало применение немцами кумулятивных боеприпасов. На подбитых танках обнаруживались пробоины с оплавленными краями, поэтому снаряды получили название «бронепрожигающих». Теоретически такого эффекта можно было достичь высокотемпературными термитными смесями. Они на тот момент уже применялись, например, для сварки рельсов в полевых условиях. Но попытка летом 1941 года воспроизвести «бронепрожигающий» снаряд по описанию его действия провалилась. Прожигание брони термитными шлаками

проходило слишком медленно и не достигало нужного эффекта.

Ситуация изменилась, когда были захвачены немецкие кумулятивные боеприпасы. Сам по себе кумулятивный эффект был известен давно. Отмечалось, что выемка в заряде взрывчатого вещества, обращенная к преграде, облегчает пробивание этой преграды. Однако практическое применение этого эффекта для пробивания брони поначалу столкнулось с рядом непреодолимых препятствий. Изюминка была в облицовке выемки и взрывателе мгновенного действия. 23 мая 1942 года на Софринском полигоне были проведены испытания кумулятивного снаряда к 76-мм полковой пушке, разработанного на основе трофейного немецкого снаряда. По результатам испытаний 27 мая 1942 года новый снаряд был принят на вооружение. В 1942 году также был создан 122-мм кумулятивный снаряд, принятый на вооружение 15 мая 1943 года. Кумулятивные боеприпасы были средством повышения возможностей артиллерии, изначально не предназначенной для борьбы с танками. Вследствие короткого ствола 76-мм полковой пушки разогнать в нем бронебойный снаряд до высокой скорости было затруднительно. Спасением в этом случае был не зависящий от начальной скорости снаряда кумулятивный эффект. 122-мм кумулятивные снаряды были средством самообороны дивизионных гаубиц. Кумулятивный снаряд к 76-мм полковому орудию имел более широкое применение. Особенно эффективными были полковушки в городском бою. Кумулятивные боеприпасы делали их тактическим аналогом послевоенных станковых гранатометов.

Звездным часом истребительно-противотанковой артиллерии стало сражение на Курской дуге летом 1943 года. На тот момент 76-мм «ратш-бумы» были основным орудием истребительно-противотанковых частей и соединений. «Сорокапятки» составляли около трети общего числа противотанковых орудий на Курской дуге. Длительная пауза в боевых действиях на фронте позволила улучшить состояние частей и соединений за счет поступления техники от промышленности и доукомплектования противотанковых полков личным составом. Истребительно-противотанковые полки были укомплектованы материальной частью и личным составом почти полностью (по материальной части – 93%, по личному составу – до 92%). Недостаточно было средств тяги (по количеству моторов на орудие вместо штатных 3,5 показатель колебался от 1,5 до 2,9), причем главным образом эти средства были представлены грузовыми автомобилями грузоподъемностью от 1,5 до 5 тонн, а тягачей и автомобилей повышенной проходимости типа «Виллис», «Додж» и ГАЗ-64 не хватало. Маршал артиллерии Н. Н. Воронов в своем докладе по

итогам Курской битвы даже утверждал, что от 30 до 40% истребительно-противотанковых полков и бригад имели лишь конную тягу.

Расчет 76-миллиметрового орудия ЗИС-3 в бою.

На советскую противотанковую оборону под Курском обрушились массированные удары танков, артиллерии и авиации противника. За счет оголения остальных участков фронта немцы собрали на северном и южном фасах Курского выступа крупные силы авиации. Одним из важнейших средств борьбы, с помощью которого немцы стремились добиться успеха, стало массированное применение танков новых типов. На южном фасе дуги действовали 200 «Пантер», около 100 «Тигров», на северном – 90 «Фердинандов» и 40 «Тигров». Позиции советской противотанковой артиллерии на Центральном фронте подвергались даже атакам радиоуправляемых танкеток «Боргвард».

Маршал Воронов писал:

«В ходе боев немецкие танковые части применили в ряде случаев новую тактику… Их танки поддержки пехоты, пользуясь большой дальностью прямого выстрела, часто действовали как самоходная артиллерия, обстреливая с места с расстояния 500-600 м обнаружившие себя позиции наших огневых точек, оставаясь за пределами дальности поражения нашей ПТА. Практически все новые немецкие танки не пробиваются в лоб существующей батальонной, полковой, дивизионной противотанковой артиллерией калибра 45-мм и 76-мм на дистанции действительного огня. Тяжелые танки «Тигр» оказались неуязвимы для орудий указанных типов. Имеющиеся

подкалиберные 76-мм и 45-мм снаряды могут быть эффективны только против бортовой брони танка «Тигр» и лобовой брони новых немецких средних танков Т-3 и Т-4 лишь с малых дистанций (не свыше 200 м)». (Макаров М. Пронин А. Противотанковая артиллерия Красной армии. 1941-1945 гг., М.: Стратегия КМ, 2003. С. 67).

Следует сказать, что Н.Н. Воронов в своем докладе несколько сгустил краски. Командующий артиллерией 1-й танковой армии И. Ф. Фролов по итогам сражения на Курской дуге писал:

«45-мм орудия в борьбе с танками противника являются достаточно эффективным средством – благодаря большой скорострельности, маневренности и наличию подкалиберных снарядов. Имеется целый ряд фактов, когда эти системы успешно вели борьбу и уничтожали танки Т-6 (т.е. Pz.Kpfw.VI «Тигр» – *А. И* .) (35 и 538 ИПТАП-ы)» (ЦАМО РФ, Ф. 1 ТА, оп. 3070, д. 164, л. 22).

Новая матчасть к сражению на Курской дуге, можно сказать, не успела. Производство 57-мм противотанковых пушек ЗИС-2, выпускавшихся с мая 1941 года, было свернуто в ноябре 1941 года в связи с ее дороговизной и избыточной бронепробиваемостью для условий начального периода войны. Появление у немцев тяжелых танков заставило восстановить производство ЗИС-2. Орудие было вновь принято на вооружение постановлением Государственного Комитета Обороны от 15 июня 1943 г. под наименованием «57-мм противотанковая пушка образца 1943 года ЗИС-2». К началу сражения на Воронежском фронте не было ни одной части с ЗИС-2, а на Центральном фронте было всего четыре истребительно-противотанковых полка, вооруженных новой материальной частью. Считалось, что немцы нанесут главный удар на северном фасе Курского выступа, и поэтому именно Центральный фронт под командованием К. К. Рокоссовского получил полки с новыми орудиями. При недостатке новых орудий задача борьбы с танками противника ложилась на новые самоходки. Так, СУ-152, разработанная как средство поддержки пехоты, стала «зверобоем» и применялась против новых немецких танков.

Последним этапом эволюции противотанковой артиллерии Красной армии стало укрупнение ее частей и появление в составе противотанковой артиллерии самоходных орудий. К началу 1944 года в истребительно-противотанковые бригады были переформированы все истребительные дивизии и отдельные истребительные бригады общевойскового типа. На 1 января 1944 года в истребительно-противотанковой артиллерии числились 50 истребительно-противотанковых бригад и 141 истребительно-

противотанковый полк. Приказом НКО № 0032 от 2 августа 1944 года в состав пятнадцати истребительно-противотанковых бригад вводилось по одному полку СУ-85 (21 САУ). Реально самоходные орудия получили только восемь бригад. В начале 1944 года также был утвержден штат отдельного самоходно-артиллерийского дивизиона стрелковой дивизии в составе трех батарей по четыре СУ-76 в каждой. В качестве штабной машины в дивизионах часто использовались танки Т-70. Дивизионы самоходок были включены в состав нескольких десятков стрелковых и воздушно-десантных дивизий вместо отдельных истребительно-противотанковых дивизионов с буксируемыми пушками. Дивизионы САУ даже получали по наследству номер истребительно-противотанкового дивизиона соединения, в которое они включались.

На 1 января 1945 года в составе истребительно-противотанковой артиллерии числилось 56 истребительно-противотанковых бригад и 97 истребительно-противотанковых полков.

Один из последних докладов немецких танковых частей, отчет I батальона 24-го танкового полка, датированный январем 1945 года, гласит:

«Противотанковые пушки являются основным противником танков на восточном театре военных действий. Русские используют противотанковые орудия массово в обороне или продуманным подтягиванием их за атакующими, чтобы быстро ввести их в дело. Термин «Pakfront» не отражает полностью условия боя, с которыми столкнулся батальон, поскольку противник использовал это оружие сосредоточенным в так называемых Paknest (противотанковые гнезда. – *А.И.)* для достижения фланкирования на дальних дистанциях. Иногда Paknest состоял из 6-7 противотанковых пушек на окружности всего в 50-60 метров. Вследствие превосходной маскировки и использования местности – иногда колеса были сняты с орудий для уменьшения их высоты – русские легко добивались внезапного открытия огня на средних и коротких дистанциях. Пропуская двигающиеся в первом эшелоне танки, они старались открыть огонь нам во фланг». (Jentz T. Panzertruppen. The Complete Guide to the creation and Combat Employment of Germany's Tank Force. 1939-1942. Atlegen: Schiffer Military History. 1996, P.223).

Немецкие танки стали одним из главных символов побед Германии в Польше 1939 года, Франции 1940 года, СССР в 1941-1942 годах. Основную тяжесть борьбы с танками вынесла противотанковая артиллерия. На ее долю приходится почти три

четверти потерь танков во Второй мировой войне. Авиация, ручное противотанковое оружие и мины ответственны за единицы процентов потерь бронетехники. Хребет покорившим пол-Европы танковым войскам Германии сломали советские противотанкисты.

Алексей Исаев

Ульянов Виталий Андреевич

Перед войной, окончив 6 классов киевской средней школы, я работал на заводе «Арсенал», который производил 45-мм орудия. Их устанавливали в башни танков Т-70, на подводных лодках, а также на лафет для использования в роли противотанкового орудия. Летом 1941 года завод эвакуировался в Воткинск, а вместе с ним уехал и я. В 1942 году на заводе родилась идея создать воинское подразделение, вооружить его сорокапятками и отправить на фронт. Руководство написало письмо Сталину, а вскоре была получена телеграмма от его имени, которая и сейчас хранится в музее завода, разрешающая сформировать дивизион за счет орудий, произведенных сверх плана. Через некоторое времени таких орудий оказалось 12, хотя глубоко убежден, что сверх плана выпустить что-либо было невозможно. План был очень жесткий, за его выполнение боролись всеми силами, стараясь работать в соответствии с лозунгом: «Все для фронта! Все для победы!» Как бы то ни было, но 174-й Отдельный артиллерийский истребительно-противотанковый дивизион имени Комсомола был создан. Запись в этот дивизион шла на добровольных началах. Среди добровольцев был и я со своим двоюродным братом Вилом. Поскольку желающих было много, то отбор личного состава проходил в горкоме комсомола. Вил вышел из комнаты, в которой заседала комиссия. Я спрашиваю: «Виля, как?» – «Зайдешь, узнаешь». Вошел и оказался в большой комнате, посредине которой стоял табурет. На таких же

табуретках вдоль стен сидели члены бюро райкома. В углу комнаты на единственном стуле сидел председатель. Я уселся посреди комнаты и начался опрос: «Как зовут? Год рождения?» И вот тут я соврал: прибавив себе годик, сказал, что с 24-го, хотя сам родился в 25-м. Опрос продолжался: «Кто твои родители? Где они находятся?..» Мне приходилось крутиться на этой табуретке, поскольку вопросы сыпались из разных углов. И вдруг кто-то сзади спросил: «А ты маму на фронте не позовешь?» Такой вопрос, брошенный в спину, мог задать только трус, который побоялся спросить в лицо. Я обернулся в ту сторону, откуда исходил вопрос – у всех сосредоточенные лица, у некоторых даже с печатью интеллекта – и сказал: «Я не позову! А ты?!» Этот ответ решил дело в мою пользу, и меня зачислили в дивизион.

Однако председатель заводского комитета комсомола, хорошо знавшая меня и мою бабушку (матери у меня не было, а отец был на фронте), случайно узнала от нее, что мне еще только будет семнадцать лет. Буквально на следующий день после собеседования я не нашел своей фамилии в списках личного состава дивизиона. Я пошел искать правду в комитет комсомола. Несмотря на посыпавшиеся на меня обвинения во вранье, я начал доказывать, что мое присутствие на фронте необходимо для Победы, ведь без меня там не справятся. Когда я понял, что их не прошибить, я выложил свой последний козырь – сказал, что все равно убегу на фронт, но так бы я поехал с братом, а так придется ехать одному.

Сработало! Они решили не связываться со мной и отпустить вместе с братом. Вот так я попал в дивизион.

Расчет, впрягшись в лямки, сменяет позицию. Командир орудия (с биноклем) «висит» на стволе, чтобы уравновесить массу станин.

Дивизион был трехбатарейного состава. Каждая батарея

состояла из двух огневых взводов по два орудия в каждом. Кроме расчетов в батарее было 24 лошади и 12 ездовых, а также одна полуторка, на которой возили продукты. Учили нас в Воткинске, для чего набрали солдат-запасников. Мы располагались в здании школы и ходили строем в столовую. Люди собирались на нас посмотреть, ведь в строю шли их дети, друзья, знакомые, а наш старшина думал, что это пришли смотреть, как он командует, и измывался над нами, как мог… Обучение было недолгим, мне присвоили звание младший сержант, и я стал наводчиком орудия. Я помню, что в Кубинке на полигоне нам дали первый раз выстрелить бронебойным снарядом по закопанному танку. Я попал и с трудом упросил сделать еще один выстрел. Вскоре мы уже ехали в эшелоне, который прибыл на Воронежский фронт. Форсировали Дон, воевали вместе с танкистами за Кантемировку.

Первый бой… Как в песне поется: «Последний бой, он трудный самый…» Неправда! Самый трудный – первый бой, потому что еще ничего не знаешь. Знаешь, как на фронте считалось? Если в первом бою живой остался – молодец! Во втором бою. – фронтовик! А после третьего – бывалый солдат! Уже все знаешь, где присесть, где прилечь, где пробежать, что съесть, а что оставить. Последний бой – самый страшный, ведь не хочется умереть в последнем бою, домой хочется…

Так вот первый бой… Как я узнал уже после войны, нас бросили затыкать прорыв группы Манштейна, которая шла на выручку Паулюсу. Мы снялись с занимаемых нами позиций и, совершив марш, к вечеру подошли к населенному пункту, не помню сейчас его название, находившемуся на пригорке. На его дальней окраине шла перестрелка, в низинке, в которую спускалась центральная улочка, было тихо и темно, только скрипели полозья да пофыркивали лошади, тянувшие в горку наши орудия, рядом с которыми шли их расчеты. Стало как-то жутковато. На пригорке нас встретил командир взвода младший лейтенант Курбатов. Показал на хату, крытую соломой, в конце улицы и сказал, что с ее крыши бьют снайпер и автоматчик. Мы отцепили пушку с передка и, скатившись с дороги, установили орудие возле колодца. Это было большой ошибкой, поскольку пространство вокруг колодца было покрыто ледяной коркой, образованной расплесканной из ведер водой. Я установил прицел «на осколочный», навел, выстрелил. Снаряд попал в стропила (если бы он попал в солому, то просто пролетел бы насквозь) и разворотил крышу.

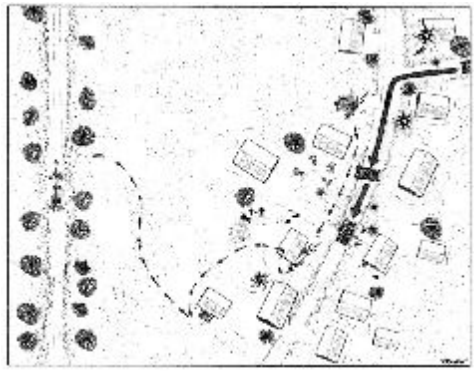


Схема боя в деревне. Февраль 1943 г.

Больше с нее никто не стрелял. Некоторое время мы просидели за щитом орудия, не видя других целей, как вдруг впереди раздалась очередь. Я выглянул поверх щита. Горело несколько домов, отбрасывая на дорогу желтоватые блики. В свете пожаров я увидел впереди, метрах в двадцати пяти, немца в белом маскхалате, державшего в руках наперевес пулемет. Видимо, он поднялся осмотреться. Пока я наводил орудие, он уже опустился. Почему я долго наводил? Да потому, что при переходе на зимнюю смазку мы схалтурили и остатки летней смазки замерзли. Но я по тому месту, где он был, сделал два-три выстрела. В это время командир взвода Курбатов подал команду отходить. Как же так? Мы еще не навоевались, только чуть-чуть стрельнули, и отходить! Сидя схватились за станины, на попе ерзаем, а сдвинуть пушку не можем – ноги проскальзывают на льду. И тогда я выскочил за щит, на сторону немцев, и толкнул орудие, сдвинув его с наледи на утоптанный снег дороги. Пулеметная очередь, простучав по щиту, разбила коробку, в которую укладывался прицел (я еще выругался, ведь в ней был ключ от прицела), но меня не зацепила. Не дожидаясь, пока немцы еще раз откроют огонь, я нырнул за щит и вместе, сидя и упираясь ногами, мы смогли оттащить орудие. Когда почувствовали, что вокруг стало стихать, развернули орудие и покатили его по улице. За спиной мы услышали шум танка – рев двигателя и клацанье гусениц. Кто-то крикнул: «Слышу шум мотора!» Справа, метрах в десяти, стоял сарай, но до него еще надо было добраться по слегка влажному снегу глубиной выше колена. Вспомнился фильм «Александр Невский» и врезавшаяся в память фраза: «Помирай, где стоишь». Я так и сказал. Слава богу, на меня никто не обратил внимание. Расчет подхватил орудие и покатил. Однако нижний щиток, расположенный между колесами, стал загребать снег, и через полтора метра толкать пушку вперед стало невозможно – она встала перед ею же образованным снежным валом. Матчасть я знал отлично, даром

что работал в отделе технического контроля. У меня было личное клеймо номер 183, и на многих частях этого орудия стояло именно оно. Я говорю: «Стойте!» Нагнулся, снял защелку и поднял щиток. Пушка пошла, а я был реабилитирован за свою выходку. Мы подкатили ее к сараю, развернули в сторону танка, который не замедлил появиться. Чуть впереди нас стоял дом, к которому собирали раненых. Проходя мимо них, было слышно, как они шутили и смеялись – они уже отвоевались, знали, что скоро их отправят в тыл. Танк развернулся поперек дороги напротив этого дома и начал их расстреливать из пулемета. Я навел орудие, выстрелил. Снаряд пролетел сантиметров на пятнадцать выше башни. Позже, анализируя свой промах, я пришел к выводу, что, когда я стрелял по дому и фрицу с пулеметом, я установил прицел «на осколочный», а тут я стрелял бронебойным, у которого начальная скорость в два раза больше и траектория полета другая. Я не сообразил изменить прицел! После выстрела, так как сошняки были не подкопаны, пушка отскочила назад. Второй выстрел! Тоже мимо! Танк развернулся. Идет на нас. Стреляет из пулеметов, пули бьют по щиту. Выстрелил из пушки, но не точно – мы были в низинке, и снаряд пролетел выше. Меня же после второго выстрела, поскольку сошники не были подкопаны, левым колесом прижало к сараю. Пришлось переступить через станину и наводить орудие по стволу.

В общем, только пятым снарядом с расстояния в десять метров я в него попал, и он загорелся. Я вскочил, руками машу, кричу: «Танк горит!!!» В это время из-за танка, выбежали немцы в белых халатах и рванулись в противоположную от нас сторону через дорогу, за дом, и оттуда начали поливать нас из автоматов. А поскольку нижний щиток был поднят, меня ранило в правую ступню, а заряжающего Толю Шумилова в колено. Командир орудия Дыдочкин, которого до этого я не видел, скомандовал: «Отходите во двор». Мы отошли во двор и вбежали в сарай. Двери в нем не было, и я сел у притолоки напротив дверного проема. За мной в сарай вбежал Шумилов, а бежавший за ним Голицын был убит автоматной очередью у самого порога.

В дверной проем мне был виден стоявший метрах в тридцати круглый, сплетенный из ивовых прутьев курятник. Из-за него высунулся немец, начал что-то кричать. Я взял карабин у Толи Шумилова, поскольку мой остался на передке. И хотя я знал, что стрелять нельзя, чтобы не обозначить себя, но он так нагло кричал, что я не выдержал, прицелился и выстрелил. Немец клюнул носом. Второй, не соображая, подскочил к нему, подставив под мой второй выстрел спину. Из-за курятника начали

стрелять. Я спрятался за притолоку. В перестрелке уложил еще двоих. Начал перезаряжать карабин, патрон перекосился, и я, вместо того, чтобы вытащить его, загнал в ствол, таким образом приведя карабин в небоеспособное состояние. Когда я понял, что с карабином мне не справиться, я поднял голову и увидел, что ко мне бегут два немца. Вдруг справа выскочил командир нашего орудия Дыдочкин, остановился перед сараем, начал ковыряться, достал гранату РГД, встряхнул ее, как градусник, и бросил немцам под ноги. Один из них нагнулся, наверное, решив бросить ее обратно, но граната взорвалась у него в руках, и они развалились в разные стороны. А Дыдочкин, пробежав мимо двери, скрылся. Мы решили спрятаться в сарае за железной бочкой. Толя еще как-то за ней поместился, а я нет. Во дворе немцы, что-то кричат… Вдруг в дверях появляется здоровый немец с автоматом. Спрашивает: «Рус, люди есть?» Я думаю, сейчас Шумилов застонет – он стонал до этого – немец полоснет, и все, и кончатся мои денечки в этом чертовом сарае, но тут последовала команда и немец исчез. Через некоторое время немцы во двор притащили своих раненых, которых вскоре увезли. Бой стал затихать. Я говорю: «Толя, надо уходить». – «Надо, Витя. Пошли?» – «Пошли». Лежим, проходит некоторое время. Я говорю: «Пошли?» – «Пошли». Мы опять лежим. Когда я ему в третий раз сказал: «Ну, пошли». Он меня спросил: «Витя, ты куда ранен?» – «В ногу». – «В одну?» – «В одну». – «А я в две. Так что тебе идти первому». – «Хорошо». Выполз я из сарая, а поскольку был в шинели (ситцевый белый маскхалат был страшно неудобный, и мы его не одевали), решил для маскировки обваляться в снегу. Покатался по снегу – бесполезно. Шинели были добротными – никакой снег не приставал. Поняв всю бессмысленность затеи, встал на коленки и побрел. Добрался до курятника, в сторону убитых старался не смотреть – страшно. Повернул левее в сторону кирпичного здания, возле которого виднелась копна сена. Подле этой копны, в свете горящих построек села, я увидел сидящего старика. Одна женщина сидела перед ним на коленях, а вторая как маятник ходила неподалеку и стонала. Я спросил, что произошло. Оказалось, что эта семья сидела в погребе. Какой-то немец, подняв крышку люка, спросил: «Рус, люди есть?» Они ему снизу отвечают: «Е. Тут мирные жители». Он взял и бросил туда гранату. Старуху убило. Деда сильно ранило, а женщине, что ходила, покалечило грудь. Только одна осталась невредимой, а может, просто не почувствовала еще, находясь в шоке. Я у них спрашиваю: «Немцы впереди есть?» – «Е». – «А слева?» – «Есть». – «А сзади?» – «Есть. Они всюду». Тогда я их попросил переодеть меня в гражданскую одежду и спрятать, пока придут наши. На что

получил в ответ: «Какое нам дело до вас?» Ну, подумал я, надо уходить, иначе сдадут. Кстати, Толя, которого я потом встретил в госпитале, рассказал, что, выждав с полчаса, он пополз по моему следу, и эти люди переодели его и скрывали у себя двое суток. Видно, совесть у них проснулась. А я скатился по склону бугра в низину, встал на колени, сделал несколько шагов. И вдруг совсем рядом раздался выстрел. Я кожей почувствовал, как рядом с головой пролетела пуля. Я мгновенно упал на правый бок и затих. Снег был глубокий и сыроватый. Слышу звук шагов: «Хрып, хрып». Тишина. На поясе у меня финский нож с деревянной ручкой, но я лежу на правой руке, могу его взять только левой рукой. А что я могу ею сделать? Решил притвориться убитым и ударить врага ножом в лицо, когда он нагнется, прекрасно понимая, что в моем положении пробить шинель или любую другую верхнюю одежду не удастся. Затаил дыхание, чтобы не шел пар, но мне все время казалось, что сердце стучит так громко, что его слышно за несколько метров. Опять заскрипел снег под ногами и… тишина: «Ты же должен подойти и нагнуться. Тогда у меня будет один-единственный шанс…» Опять заскрипел снег. По звуку я понял, что человек стоит и качается справа налево, пытаясь рассмотреть меня. Вдруг шаги стали удаляться. Кто это был? Я не знаю до сих пор, но я думаю, что это был не немец. Это был наш, и когда он увидел, что убил своего солдата, подходить не стал и ушел. А я остался лежать. Мне уже стало тепло, уютно, и я понял, что замерзаю. Тогда я резко поднялся на колени. Думаю: «Пусть стреляет!» Но выстрела не последовало, а я боялся оглянуться. На четвереньках по небольшому кустарнику я взобрался на противоположный склон лощины, по краю которого проходила дорога. Слышу, что-то скрипит, смотрю, показалась упряжка, тянущая 45-ку. Ездовые ведут под уздцы лошадей. Двое рядом с пушкой, и один сзади. Очень дисциплинированно и строго. Все наше, но солдаты в касках, а мы, пижоны, каски не носили: «Мы же не пехота!» Такой у нас был дурацкий кураж. И командира на нас не было, который бы заставил. Проехали они мимо меня. Когда я понял, что еще немножко, и они уйдут, тогда я изо всех сил, которые у меня были, крикнул: «Товарищи!!!» А сам бросился вправо. Ну как бросился? Куда я мог, истекающий кровью, броситься по глубокому снегу?! Прополз я немного, наверное, метра два, а может быть, и меньше. Слышу окрик: «Кто там?» И когда я его услышал и понял: «НАШИ!», силы оставили меня. Я не мог не то что еще раз крикнуть – пошевелиться не мог. Они остановились, побежали, увидели кровавый след, тянувшийся за мной, и меня вытащили. Это был расчет из взвода лейтенанта Боу. Меня положили на станину и доставили в госпиталь.

За этот бой я, первым из дивизиона, был награжден медалью «За Отвагу».

После госпиталя меня направили в запасной полк. По дороге мы с товарищем решили, что нечего нам в этом полку делать, и пересели во встречный эшелон, шедший на фронт. Правда, старший нашей группы нам сказал: «Я вам документы не дам. Считайте, что вы дезертировали». Но нам было все равно – нам хотелось на фронт. По пути я своего приятеля как-то потерял. Ну а когда приехали под Воронеж, где формировалась часть, меня никто не спрашивал, как я оказался в эшелоне. Только спросили мою воинскую специальность и тут же определили наводчиком во взвод противотанковых пушек 1-го батальона 280-го стрелкового полка 92-й стрелковой дивизии. Командиром моего орудия был старший сержант Коробейников – мужик, примерно вдвое старше меня. До войны он работал в МТС, прошел Сталинград. Подносчик Максим Строгов – москвич, жил на Стромынке, до войны был таксистом и, насколько я помню, успел отсидеть немножко за хулиганство. Заряжающим был мой погодок Юра Воробьев, так же как и я имевший опыт боев.

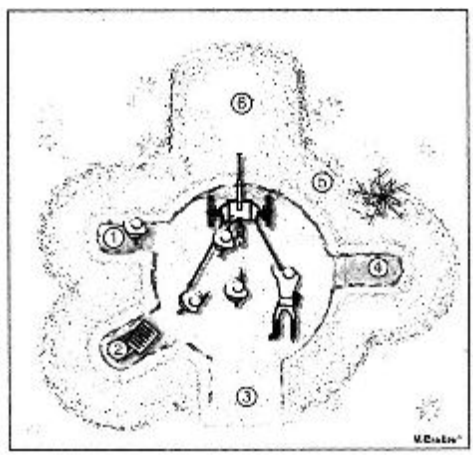
В апреле 1943 года нас перебросили в район Корочи. Разместились мы в небольшом лесу. Наметили и оборудовали на опушках огневые позиции. Через несколько дней поступил приказ – подготовить ломы, кирки, лопаты, промыть и наполнить свежей водой фляги. На следующий вечер наш взвод под командованием лейтенанта Сердюка, оставив на месте четырех часовых, выступил к месту проведения работ. Шли в темноте. Нас предупредили, чтобы мы не курили и громко не разговаривали. Через какое-то время (часов ни у кого не было) нас встретил офицер и повел за собой. Когда пришли на место, он показал на вбитые в землю колышки, трассировку и сказал:

– Это огневая позиция с укрытием для 45-мм орудия. Работы необходимо закончить до рассвета. Позицию замаскировать и ждать. За вами придут.

Как оборудовалась позиция для «сорокапятки»? Отрывался круг диаметром примерно метра три и глубиной 40-50 сантиметров, вокруг которого из выкопанной земли насыпался бруствер. Впереди позиции делалась ниша для орудия, перекрытая бревнами, в которую в случае обстрела или бомбежки закатывалось орудие. Слева от орудия отрывалась ячейка командира орудия, а чуть сзади ровик для снарядных ящиков. Справа от пушки отрывался ровик для орудийного расчета.

Работа была тяжелой. Землю мы долбили кирками (их было две) и подчищали лопатами. Перерывов не делали: только подменяли друг друга, чтобы передохнуть. К рассвету мы успели,

и когда пришел офицер, мы уже покуривали, укрывшись плащ-палатками. Он осмотрел все, что мы сделали, сказал «молодцы» и показал, куда нам следовало идти. В указанном месте сбора нас проверили, и мы двинулись в обратный путь. К себе вернулись, когда солнце взошло. Получили завтрак и до обеда спали. С наступлением темноты – снова вперед. Так мы ходили неоднократно: готовили огневые позиции для противотанковой артиллерии, рыли окопы. Когда освоились, увидели, что на параллельных курсах туда и обратно движутся колонны по одному или два человека в ряд. В лунном свете поблескивали лопаты в положении «на плечо». Оказывается, подобных нам «землекопов» было предостаточно. Готовили вторую полосу обороны.



Позиция «сорокапятки»: 1 — командир орудия, 2 — ровик со снарядными ящиками, 3 — аппарель, 4 — ровик для расчета, 5 — бруствер окопа, 6 — укрытие для орудия.

По окончании работ готовились сами: отрабатывали действия по приведению орудия к бою, производили выверку орудия. На стрельбы уходили подальше в тыл, в глубокие балки. Нашими целями были макеты немецких танков и самоходок. Кроме того, изучали по цветным памяткам, сложенным «гармошкой», уязвимые места немецкой бронетехники. Готовились хорошо.

В ночь на 5 июля, в той стороне, где находились Короча и Белгород, на небе заиграли сполохи зарниц, послышался гул, похожий то ли на гром, то ли на артиллерийскую стрельбу. Утром нам приказали готовиться к маршу, и вскоре мы уже стояли в колонне, прижавшись к опушке леса. Подъехали машины, из которых вышла группа людей. К нам приблизились два генерала в красивой форме и еще несколько военных. Они сказали, что началось сражение, что нам тоже придется

принимать в нем участие. Потом они спросили нас:

– Знаете ли вы, что у немцев появились «тигры», «пантеры», «фердинанды»?

– Знаем! – ответили мы.

– А уязвимые места, куда их надо поражать?

– Тоже знаем!

Командующий армии и член военного совета (мы вычислили их статус из разговора генералов и офицеров между собой) выступили, выразили уверенность, что мы не дрогнем перед танками, уверяли нас, что мы на поле боя будем не одни.

Тут командир орудия Коробейников заявил:

– Когда пойдут танки, я сам встану за прицел.

Я парировал словами:

– Если во время боя кто-либо сунется к прицелу – застрелю!

Один из генералов нас остановил:

– Ну зачем же так! Нужно доверять друг другу. А танков в бою на всех хватит.

Пожелав нам успеха, генералы уехали, а минут через 30-40 мы пошли и к рассвету уже устраивались на огневой позиции, может быть, даже на одной из тех, которые тогда ночью сами и оборудовали.

Мы расположились на северном скате большой лощины, обращенном к немцам. Внизу в лощине и на обращенном к нам, более низком, южном скате никого не было видно. Противоположный скат лощины плавно переходил в ровную, как стол, степь, просматривавшуюся на многие километры. На левом фланге, далеко в лощине, чернел лес. Перед ним, на опушке, была развернута батарея 76-мм пушек. Справа и сзади от нас находилась посадка, в которой расположились наши тыловые службы. Если говорить о нашей позиции, то она была неудачная. Конечно, заметить нас было сложно, поскольку позиции были хорошо замаскированы, но после открытия огня мы были лишены возможности маневрировать, так как катить орудие по склону на виду у противника было равноценно гибели. Готовясь к бою, мы расположились у своего орудия. Открыли крышки снарядных ящиков, протерли и уложили снаряды, в том числе и подкалиберные, поступившие к нам недавно. Завершив все приготовления, мы осмотрелись. Тогда-то я и увидел впервые бой, как говорят, со стороны. На батарею 76-мм пушек шло примерно двадцать немецких танков. Мое внимание привлекла вот какая деталь. Когда в идущий танк попадал снаряд, он останавливался. Но следовавший за ним танк тоже останавливался, не делая при этом никаких попыток объехать препятствие. Оба танка стояли как вкопанные! Еще одно

наблюдение. Когда танк второго ряда загорался, он еще некоторое время продолжал двигаться, а потом вдруг рассыпался на глазах. И мы поняли, что немцы в целях устрашения пошли на хитрость. Они создавали видимость большого числа машин, прицепляя к настоящему танку еще и деревянный макет! Иначе мы никак не могли объяснить себе увиденные странности. Бой закончился тем, что немецкие танки отступили.

Ночью в лощине разгорелся бой, в котором участвовала наша пехота. Мы ничего не могли рассмотреть, потому что склон, на котором мы стояли, скрывал ближнюю к нам часть лощины. Когда рассвело, Отрогов и Воробьев сходили туда и потом рассказали, что там было несколько немецких автомашин. По-видимому, немцы шли без разведки и неожиданно напоролись на наших, которые, кстати, тоже не отличились особой бдительностью. Ребята принесли автомобильное сиденье, которое пристроил в свой окоп командир орудия Коробейников.

На рассвете приехала кухня, привезла завтрак. В термосе был гороховый суп с американской колбасой. Мы ели, сидя в укрытии для орудия, оставив Максима Строгова наверху в качестве наблюдателя. Вдруг он сказал:

– Танки появились!

– Ну, сколько?

Он начал считать:

– Один, два, три…

Мы поняли: раз он так считает, значит, на горизонте все время появляются новые бронемашины. Когда Максим дошел до тридцати, он выматерился и воскликнул:

– Да сколько их!

Мы высунулись из укрытия. Танки были видны как на ладони. Казалось, что ими был занят весь горизонт. Утро было солнечным, и над степью стояло марево. «Тигры» и «пантеры» беззвучно будто бы плыли в этом мареве: четко выделялись стволы, антенны. Между большими, похожими на корабли, танками сновали маленькие, по сравнению с ними, легкие танки. Вся эта армада перла на нас. Считать мы их не стали – это было бесполезно.

Мы ничего не говорили, и так было понятно, что будет жарко и вряд ли нам удастся уцелеть. Танки приблизились к нам метров на восемьсот. Коробейников приказал:

– Огонь!

Я говорю:

– Рано!

– Огонь!

– Рано!

Я знал, что мы им ничего не сделаем. Пушка была заряжена подкалиберным снарядом, который неэффективен на такой дистанции. Коробейников потянулся за автоматом, как бы напоминая, что может принять ко мне какие-то меры. И опять скомандовал:

– Прицел 5!

Это значит, что он определил расстояние в 500 метров. Я понимал, что если поспешить с открытием огня, то только обнаружишь себя раньше времени. И еще одна мысль промелькнула в тот момент. «Почему никто не стреляет? Что, никого нет? Когда начнут?» Мне пришлось подчиниться: навел и выстрелил. Снаряд попал в танк. В месте попадания поднялось облачко пыли. Коробейников скомандовал:

– Второй!

Я выпустил второй снаряд, тоже попал. Пятьсот метров – небольшое расстояние. Опять возникло облачко. Это уже я потом узнал, что немцы покрывали танки антимагнитным составом. А тогда я только удивился.

Танки огонь не открывали. Еще было тихо. Приблизившись к противоположному краю лощины, они не пошли на нас. Часть танков свернула вправо, а часть ушла в левую сторону, где была дорога. Возможно, немецкие танкисты оценили крутизну подъема, ведущего к нашей позиции, и поняли, что преодолеть его им не удастся. Поэтому начали расходиться веером в разные стороны. А потом, если бы они начали подниматься, они бы подставили нам днище. Они же не глупые были.

…И тут началось. Заработала артиллерия. Появились самолеты – наши и немецкие. Они летали над полем боя на невероятно малой высоте. Наши самолеты проносились над немецкими танками, расстреливая их огнем реактивных снарядов и сбрасывая небольшие бомбы. Немецкие же самолеты прижимали нас к земле пушечным и пулеметным огнем. Все грохотало, стреляло и взрывалось. Правильно говорят: «Земля встала дыбом». Танки, ведя огонь, обтекали нас справа и слева. Они преодолели лощину и скрылись за рощей – там, где раньше стояли кухни. Зайдя за рощу, они развернулись и пошли на нас справа. Видимо, решив незаметно выйти на нас сбоку на близком расстоянии. Если бы это у них получилось, то я не уверен, что мы смогли бы быстро развернуться и встретить их огнем. Но они немножко промахнулись. Это на учениях все экипажи действуют слаженно, все отработано до мелочей.

Я не помню, кто крикнул:

– Танки справа!

Я повернулся и увидел: ниже нас справа идут три «пантеры»,

с направленными вперед стволами. Нас они не видят, иначе бы развернулись для стрельбы. Они шли как бы уступом, один – впереди. Расстояние до них было метров 40-50, и я видел каждую заклепочку на их корпусах, каждый шов. Я был совершенно спокоен, как сейчас, когда мы с тобой сидим и разговариваем.

Первый танк, который шел впереди всех, вошел в поле зрения прицела башней, и как только он закрыл собой перекрестие, я выстрелил. Снаряд попал в башню. Я это видел четко. Танк не остановился. На той же скорости он продолжил движение влево по склону. Я понял, что броню его не пробил. Я посмотрел вправо. Шли еще два: один ближе, второй сзади и чуть ниже по склону. Я затаился за орудием, зная, что нужно навести в борт. И как только эта часть танка вошла в прицел, я выстрелил. Танк остановился не сразу. Немного прошел влево от нас и загорелся. Из его нутра пыхнуло огнем. Второй танк подошел поближе. От него пахнуло жаром. Я выстрелил ему в башню. Он дернулся и встал напротив нашего орудия. Я понял, что не пробил. Его башня стала медленно поворачиваться в нашу сторону. Я крикнул: «Юра, давай!» Лязгнул затвор. Надо опустить ствол орудия, а я не могу! Опять выстрелил в башню. Почему я так сделал? Не знаю… Наверное, потому, что она занимала все поле прицела. Я успел сделать несколько выстрелов: наводил и стрелял в башню автоматически. Я не мог заставить себя опустить ствол ниже, чтобы попасть в борт. Я еще раз повторяю, что страха в этот момент я не испытывал. Я был целиком поглощен задачей уничтожения этого танка. Танк выстрелил. Снаряд прошел над нами. Стрелял он бронебойным. Сзади нас были сложены термосы и шинели: все это полетело в воздух.

После первого выстрела немецкого танка мы забежали в ровик. А немец остался на месте. Через некоторое время мы подползли к пушке, зарядили ее. В прицел я видел боковую часть его ствола: «Раз вижу ствол, значит, снаряд пройдет мимо». Я опять выстрелил в башню танка и спрятался в ровик. Танк выстрелил – мимо. Так я успел сделать три выстрела. Когда снова вылез и посмотрел в прицел – боковой части ствола видно не было. Черное жерло уставилось прямо на меня. Я немного довел перекрестие прицела в это жерло – и выстрелил. Потом – провал. Когда я очнулся и привстал (а я лежал на спине), орудие мое было опрокинуто на бок, левого колеса не было. На том месте, где стоял я, лежали мой автомат, противотанковая и обычная гранаты, зияла воронка. Справа от меня в самых разных позах лежали Строгов и Воробьев. Слева в ровике, спиной кверху, затих командир орудия Коробейников. Голова его была повернута, и он будто бы смотрел на меня. Когда я пришел в себя, то понял, что

вижу только правым глазом. Провел рукой по левому. Увидел на пальцах серое вещество – мозги. Боли я не чувствовал и ничего не соображал. Еще раз протер глаз. Он стал видеть. Я Коробейникову сказал: «Танки подбиты». А он молчит. Я его взял за плечо. А у него голова крутанулась и оторвалась от тела. Ровик, в котором он находился, из которого смотрел на поле боя и подавал команды «В укрытие!», «К орудию!», находился меньше чем в метре и точно напротив колеса. Болванка, которым стрелял немецкий танк, попала в коробку подрессоривания, отбила ее вместе с колесом и разметала все, что находилось рядом. Эти части орудия, мой автомат и две гранаты могли его смертельно ранить, снеся ему полчерепа.

Я выглянул с опаской. Первый танк, пройдя чуть левее по склону, стоял неподвижно. Кто его добил, я не знаю. Второй жарко горел, третий стоял с опущенным и развороченным стволом. Экипажа этого танка не было. Люк башни был открыт. Других немецких танков тоже не было, а бой шел уже позади нас.

Ребята начали приходить в себя. Юра был ранен в шею, с левой стороны, под левую подмышку и в левую ногу. Я всего себя ощупал, вроде не задело. Цел был и Максим Строгов. Надо было уходить.

Юра идти не мог. Я сказал:

– Я понесу тебя на себе.

Хоть и было жарко, но надел на себя шинель – не бросать же казенное имущество. Одели шинель и на Юру. Строгов сказал:

– Я уйду вправо. Там, знаю, могут быть наши санитары. И я их найду и отправлю к вам.

Я встал на четвереньки, повесил на шею автомат. Юра с помощью Строгова взобрался на меня, и я на четвереньках начал с ним передвигаться. Передвигались медленно, шинель лезла под колени, мешала. Мы ползли напрямую по полю, через гребень. Юра помогал мне правой рукой. Вдруг слева появилась машина с немцами, которая шла в том же направлении, что и мы. Немцы нас заметили. Начали стрелять, но ни меня, ни Юру не зацепило. Пуля лишь пробила ремень автомата. Машина остановилась, и несколько немцев спрыгнули с нее и побежали в нашу сторону. Мы затаились. Вдруг раздался взрыв, послышались крики. Потом возникла какая-то суета. Видимо, немцы собирали своих раненых. Вскоре машина уехала. Когда я осмотрелся, то увидел табличку: «Мины». Оказывается, немцы напоролись на наше минное поле. Было ли заминировано все поле или только у дороги, я не знаю. Повезло, что немцам было не до нас. Теперь мы стали ползти осторожно, внимательно осматриваясь. Так мы переползли через гребень. Спустились вниз и забрались в какой-то блиндаж. Юра,

поскольку идти не мог, попросил оставить его в блиндаже. Сам же я вышел на проходившую неподалеку дорогу. Пройдя немного по ней, я наткнулся на штаб батальона. Начальник штаба спросил:

– Где орудие?

– Орудие разбито, а Воробьева я оставил вон там. Строгов пошел к вам.

Мне сказали, что Строгов уже здесь был. Я хотел объяснить, как найти Воробьева, и показать место. Но мне сказали, что туда ходить не надо, так как за Воробьевым пошли. Потом мои родные, проживавшие в Воткинске, получили от Воробьева письмо, которое, к сожалению, было утеряно.

Мы начали отходить группой и видели, как по ходу нашего движения, в лощине слева, от танка пыталась уйти упряжка с 76-мм пушкой, однако была раздавлена вместе с расчетом. Нас накрыл огонь артиллерии, и снаряды начали рваться совсем близко. Был ранен начальник штаба батальона, и мы с шага перешли на бег, перемещаясь от укрытия к укрытию. Прятались за домами и деревьями, в кюветах вдоль дороги.

Я не стану перечислять всего, что видел. Но будучи потом еще в боях, говорю: отступление – тягостное и страшное дело. Люди становятся не похожи на людей, бегут, готовые растоптать, убить один другого. Лучше месяц наступать, чем вот так несколько часов бежать. А мы бежали километров 15-20. Потом остановились и вернулись обратно.

«Сорокапятки» не было. Командир орудия Коробейников убит. Раненого Юру Воробьева отправили в медсанбат. Мы с заряжающим Максимом Строговым на время прибились к минометчикам. В течение всего следующего дня я подносил мины на огневую позицию. А еще через день я уже командовал отделением во взводе разведки. Командиром взвода был младший лейтенант Беляев Лаврентий Семенович, 1911 года рождения, коммунист, храбрый человек и опытнейший разведчик, впоследствии Герой Советского Союза. У него было чему поучиться. Один раз я был с ним в разведывательном поиске. Ночью вышли на немецкий наблюдательный пункт, взяли документы, три пулемета, автоматы. Все доставили в штаб. Потерь с нашей стороны не было.

Вскоре я уже командовал, как мне кажется, остатками полка. Случилось так, что после одного боя мы остановились на ночь в овраге. Нас было человек 60-70. В сумерках на этот овраг вышли немцы и сверху открыли огонь. Их было человек 15-20. Отстреливаясь, мы выскочили наверх. С криком: «За Родину! За Сталина!» и матом – бросились на немцев. Не ожидая, что в

овраге окажется столько русских, они побежали. Мы гнались за ними, стреляя, что-то крича и ругаясь. В этом крике было все: и страх, который еще не прошел, и обида, и злость, и вина, что так получилось, что погибли товарищи, а мы, бежавшие, чудом остались живы.

Я тоже бежал с винтовкой – и не стрелял. Я хотел догнать хотя бы одного немца и ткнуть его штыком. Мне казалось, что если я его убью выстрелом, то это слишком малая плата за пережитое, за товарищей, погибших в овраге. Что это было, я не знаю. Гнали мы их недолго. Они добежали до своих окопов, из которых нас начали обстреливать находившиеся там немцы.

Мы остановились, легли на землю. Лопат не было, копать было нечем. Я залег в старую танковую колею и попытался спрятать в ней хотя бы голову. Это было инстинктивное желание, Я помню, что не боялся смерти. Страшно было то, что я перестану быть солдатом, бойцом. Еще я помню, боялся попасть в плен.

Итак, я залег в танковый след. Попытался спрятать голову. Достал из мешка баночку с американской колбасой. Открыл ее, вынул и во что-то завернул колбасу, а баночкой начал ковырять землю. Но она не ковырялась. До меня почему-то тогда не доходило, что земля уплотнена танком. Другие тоже нашли какие-то подручные средства: копали ножами, углубляли свои «укрытия».

Так мы «укреплялись», пока не стемнело. Когда стемнело, мне доложили, что есть несколько саперных лопат. Я приказал копать ячейки для стрельбы лежа, передавая лопатку соседу. На душе повеселело: окопаемся – выстоим. Немцы, понимая это, пошли в атаку. Их заметили на фоне чуть более светлого западного неба. Кто-то из солдат закричал:

– Немцы идут!

Поднялась стрельба. Стреляли все без какой-либо команды. Со стороны наступавших слышались крики и ругань на русском и немецком языках. Враг подошел к нам почти вплотную. Вот тут было страшно. Тем более что у нас частенько раздавались крики: «Командир! Винтовка не стреляет!» Многие наши солдаты, находившиеся в свежевыкопанных ячейках, побросали обоймы на землю, а потом пытались загнать в патронник патроны, перепачканные землей. Тем не менее хоть и с большим трудом, но мы отбили ту атаку. Что было делать? После боя я нашел у солдат масленку, индивидуальный пакет и обошел всех. Всем представился. Каждому давал кусочек бинта и ваты. И каждый при мне протирал и смазывал патронник маслом. Одновременно я потребовал подготовить место для патронов и гранат, выкопать для них ячейку, накрыть землю плащ-палаткой.

Нас было всего двадцать два человека. Мы были вооружены нашими винтовками, немецкими и нашими автоматами и патронами к ним, противотанковым ружьем с несколькими патронами, пулеметом Дегтярева. Немцы ходили в атаку, как по расписанию, – два раза в день: утром и вечером. Причем по тому, как они шли, было видно, что делали они это без особого энтузиазма, явно не надеясь на успех. Когда немецкие цепи появлялись вновь, мы все стреляли по ним из винтовок. Стреляли плохо и неэффективно. Когда немцы подходили ближе, я командовал:

– Автоматы, огонь!

Разница между одиночным и автоматным огнем огромна. Немцы тут же откатывались, а мы прекращали стрельбу: экономили патроны. К тому же не было продовольствия, и мне, как командиру, приходилось принимать нелегкие решения: «Кто пойдет за пищей, кого послать?» Время приезда кухни и немецкие атаки почти совпадали. Вот и думай, кого посылать на кухню, а кого оставить для боя. Нужно, чтобы бойцы и пищу принесли вовремя, и заняли свое место в окопе, если идет бой.

Иногда один или два солдата не выдерживали напора немецких атак и оставляли свои позиции. Приходилось стрелять им вслед, чтобы остановить. Один солдат не подчинился и ушел, но его остановили сзади нас в овраге и вернули на позиции. Тогда мы и узнали, что за нами все же кто-то есть.

На второй день поступило пополнение. Прислали девять человек – ездовых и поваров из хозяйственного взвода, неопытных, необстрелянных. Они принесли с собой банки с колбасой и всех подкормили. Но самое главное – они принесли лопаты. Я приказал отрывать окопы в полный рост, передавая лопаты друг другу, как эстафету.

Закончив рытье окопов, мы соединили их ходом сообщения – траншеей. У нас получилась оборудованная по всем пехотным правилам позиция. Я же остался в ячейке для стрельбы лежа, к которой с двух сторон подходил ход сообщения. Помочь мне не догадались, а заставить кого-то даже мысли не появилось.

Вскоре появился немецкий легкий танк и начал ходить перед нашими траншеями, пытаясь вызвать огонь на себя, обнаружить расположение наших пулеметов. Один из вновь прибывших выскочил из окопа. Снаряд малокалиберной танковой пушки попал ему в левую руку, перебив ее. Он достал нож, подошел к товарищу, попросил: «Подержи». Тот оттянул болтающуюся часть, этот перерезал сухожилие. На культю ему наложили жгут, обрубок он сунул за пазуху, со всеми попрощался и пошел в тыл, радостный, сияющий, довольный – жив остался! Не знаю, дошел

он, не дошел – кровь из руки хлестала, – но он пошел радостный.

Помню, еще по вечерам как обстрел начинается, видно, как из окопов руки-ноги торчат. Многие надеялись таким образом уйти от войны. Конечно, не все, но не все и на амбразуру бросались, на таран шли. Люди есть люди. Вот, например, мой командир взвода «сорокапяток» младший лейтенант Сердюк. Где он во время того боя с «пантерами» был, я не знаю, но жив остался. В какой-то момент мы пошли вместе с ним на передовую, как простые пехотинцы, и он сбежал. Шли вдоль кукурузного поля. Стоял жуткий трупный запах. Он мне говорит: «Ты тут постой». – «Я подожду». Автомат на плечо и жду, а солнце печет. Простоял я несколько часов, но так его и не дождался. Прошло некоторое время, бои уже закончились. Меня как-то спрашивают: «А как ты остался жив? Твой взводный Сердюк сказал, что между вами разорвался снаряд, его контузило, а ты упал. Он не знает, ты жив или нет». Я говорю: «А где вы его видели?» – «Он пришел, весь трясется, контуженный. Его увезли в тыл, в госпиталь». Кончилась война, я уже стал комбатом. Однажды нас собрали у командира дивизии на совещание. Когда оно началось, пришел офицер и что-то сказал комдиву. Тот встал и говорит: «Товарищи, нас, меня и начальника политотдела, приглашают в горком партии по серьезному вопросу. Совещание продолжит командующий артиллерией дивизии полковник Сердюк». Встает высокий такой полковник и начинает говорить. Как только он начал говорить, я понял: «Боже мой, это же мой Сердюк, мой командир взвода!» Так глупо никто больше не мог говорить. Это же ужас был! Приехал с этого совещания, пошел к командиру полка и рассказал, что за птица этот Сердюк, как он сбежал, а сейчас у него на груди куча колодок, указания дает, здоровый такой, холеный. Попросил разобраться, посмотреть его личное дело, где он потом воевал. Прошло какое-то время я спрашиваю: «Ну что?» – «Разбираются». Прошло еще 10 дней. Я спрашиваю: «Ну что с Сердюком, разобрались?» – «А он уехал в Германию». Спрятали его. Вот и вся мораль… и вся честь.

Несколько дней мы держали свой рубеж. Однажды после отбитой атаки я заснул ночью в своей ячейке, не ужиная. Не знаю, отчего я проснулся, но, когда я увидел над собой несколько чужих человек, меня охватил ужас. Попался немцам или власовцам! Начал шарить в темноте, пытаясь найти оружие, но под рукой его не было. Но, слава богу, командир представился. Оказалось, это пришла смена – люди из подразделений 89-й дивизии. Он попросил обрисовать обстановку, что и как. Я все рассказал и показал тот рубеж, который мы занимали. Мне сказали:

– Строй своих и веди их вниз, в овраг. Там тебе скажут, куда

идти.

Попросили меня оставить противотанковое ружье и пулемет. Я сказал, что патроны к ним почти закончились, но у них были свои, а вот оружия не хватало. Сначала я узнал, смогу ли отчитаться за оружие. Они успокоили, и мы отправились в тыл на перевооружение и отдых.

После летних боев 1943 года 1-й батальон 92-й Гвардейской стрелковой дивизии, 280-го Гвардейского стрелкового полка, в котором я служил, пополнили. В мой взвод, который в батальоне, видать, из-за моего норова, называли «дикая ПТО», пришли ребята из Барнаульского пехотного училища. С собой они принесли новую песню: «Я по свету немало хаживал…», которая нам очень понравилась. Когда полк в сентябре совершал марш от Харькова к Днепру, в первую же ночь мы ее запели. Мы шли и пели, а вернее орали. Что с нас взять? – молодые же были. К тому же мы чувствовали, что у нас здорово получается. Когда песня кончалась, мы запевали ее вновь, и буквально через двадцать минут наш взвод окружила толпа солдат. Народ все подходил, выравнивал свой шаг вровень с нашим и слушал песню, пока не вмешались командиры и не отправили всех в свои подразделения, установив, по сколько человек и в какое время могут идти с нами и петь. Вскоре песню перенял весь полк.

Почему я командовал взводом, не будучи офицером? Потому что я отказывался, я не хотел быть офицером. Я лежал в госпитале и видел такую картину. Раненого солдата или сержанта выписывают домой на шесть месяцев с перекомиссией. Он едет к себе домой, через шесть месяцев он должен прийти на комиссию, а там, может, его отправят в армию. Во-первых, он это время живет дома. Во-вторых, он может пойти на работу и получить бронь. А офицер в военкомат и в ОПРОС или еще куда-то в «пожарную команду». Офицеров домой не отпускали. Я что, храбрее других, что ли? Я тоже хотел, в случае ранения, уехать домой.

Марш к Днепру был очень тяжелым. Он начинался вечером, как только немного смеркалось, и продолжался до рассвета, а то и до середины дня. За ночь мы в своих ботинках с обмотками проходили по 40 километров. Мы шли по дороге, разбитой нашими ногами и конными повозками в мельчайшую пыль, оседавшую на одежде, мешавшую дышать. Через несколько дней пошли дожди, превратившие эту пыль в непролазную грязь, каждый шаг по которой давался с огромным трудом. На промокших, выбивающихся из сил лошадей и людей жалко было смотреть. Вскоре мы не только перестали петь, но нам запретили курить и громко разговаривать. Так мы и шли молча, только

бряцали котелки и оружие. Кто-то в рукав курил самокрутку, на него шикали, ругались, что он демаскирует колонну. Грязь налипала на повозки, образуя огромные комья возле ступиц колес. Солдаты согнулись под тяжестью мокрых шинелей и амуниции. Я не представляю, как расчеты станковых пулеметов или 82-мм минометов могли нести не только личное оружие и вещи, но и тяжеленные плиты или стволы минометов, станки и тела пулеметов по этой грязи! Впрочем, и у нас, артиллеристов, даже мысли не возникало облегчить свою ношу и положить карабин или вещмешок на передок или станины орудий – лошадей было жалко. Я, помню, шел за орудием, сцепив пальцы рук над обрезом ствола орудия и положив на них подбородок, спал на ходу. Некоторые, уснув, сбивались с дороги и падали в придорожные кюветы. Упадет такой воин, вскочит и начинает метаться от страха, не понимая, что произошло, где его подразделение.

Кормили нас вечером и на рассвете. Вряд ли кто контролировал повара и ту бурду, которую он варил. Бывало, дадут чечевичный суп, а в котелке одна чечевица за другой летает – ни мяса, ничего. На орудие давали буханку хлеба, которую веревочкой старались разрезать на равные части, по числу человек. Один отворачивался, другой накрывал ладонью порцию и спрашивал: «Кому?», а отвернувшийся называл фамилию. А ты в это время глотаешь слюну и мечтаешь о том, чтобы тебе досталась горбушка – в ней больше хлеба. Правда, один раз нам сварили рисовую кашу с молоком. Если кому-то из фронтовиков сказать – не поверят. Я такой белой, вкусной каши никогда больше не ел. Как она пахла!

Днем устраивали привал в населенных пунктах или перелесках. Все спали мертвецким сном. Немцев поблизости не было, да и авиация их не появлялась. Только однажды утром, мы еще шли мимо каких-то садиков, низко над ним и вдоль нашей колонны пронесся, сверкая на солнце, двухмоторный самолет. Я разглядел нарисованного на носу дракона и летчика, грозившего нам кулаком. Мои солдаты говорят: «Командир, чего у тебя лицо белое?» – «Ничего. Рубанул бы он по нам, мы бы тут все легли». Повезло. Он прошелся, сделал вираж и ушел, ни разу не выстрелив. Может, патронов не было, а может, выполнял более важное задание. Стрелять из винтовок начали только ему вслед. Видать, не я один испугался…

Чем ближе подходили к Днепру, тем чаще встречали разрушенные села, поваленные деревья. Немцы старались оголить левый берег, чтобы подходящие к реке войска не могли укрыться.

Помню, как вышли к реке. Я сам киевлянин, и роднее реки,

чем Днепр, для меня нет. В детстве я переплывал его, но только в определенных местах, где течение могло вынести тебя на отмель противоположного берега. А в этот раз переплывать мне его пришлось трижды. Не от храбрости и не по собственному желанию. Числа 10-12 сентября личный состав полка выстроился на косогоре. Было пасмурно, промозгло и сыро. Шел мелкий и нудный дождь. К месту построения все шли как-то тихо, понуро, не слышно было разговоров, шуток и почти никто втихаря не курил. Бойцы в набухших от влаги тяжелых шинелях скользят, обмотки разматываются. В последнее время заметно увеличилось число построений и количество выступающих на них. Появились какие-то новые ораторы, которых я раньше не видел. Но в этот раз оказалось, что новый командир полка Плутахин, заменивший погибшего в летних боях, приехал для вручения наград личному составу. Что-то он говорил, я почти не слышал. Вдруг меня толкают: «Иди, тебя». – «Чего?» И тут слышу: «Младший сержант Ульянов к ордену Отечественной войны первой степени».

Пехота на марше. Впереди движется 45-миллиметровое орудие.

Я в мокрой шинели иду по косогору. Подхожу, докладываю, что прибыл для получения награды, а командир полка вытянул руку перед собой и крутит орден, разглядывая его: «Какой красивый!» Я его рукой хвать: «Служу Советскому Союзу!» Повернулся и пошел в строй. Ребята по плечам хлопают, просят орден показать. Радостно, конечно! Настроение стало отличным. Все было хорошо.

Ночью пошли на марш. Ребятам я разрешал идти по сухой обочине, а сам, как уже говорил, шел за орудием. Пойми, мне

было восемнадцать, я был самым молодым командиром взвода, а управлять приходилось людьми и в два раза меня старше. Все, что происходит во взводе, все зависит от командира взвода. Надо себя так поставить, чтобы солдаты знали, что ты за хорошее похвалишь, за плохое взыщешь, что ты не поощряешь доносы и не любишь «сачков». Взвод надо было беречь, следить, чтобы личный состав всегда был сыт, чтобы всегда были снаряды и корм для лошадей. Надо правильно занять огневые позиции. На каждой остановке я заставлял выверять орудия, поэтому мы и стреляли хорошо. Все зависит от командира взвода! Был такой случай, когда я своему другу, Ване Фролову, как раз перед форсированием Днепра прострелил ногу. Получилось так, что меня вызвал к себе командир батальона. Надо сказать, комбат, Иван Аникеевич Звездин, был очень толковый мужик. Ходил слух, что он бывший полковник, разжалованный за амурные дела, потому что так командовать, так распоряжаться, пользоваться таким авторитетом, по нашему мнению, мог только полковник. На самом деле образования у него было всего 8 классов и курсы младших лейтенантов, но зато он имел опыт боев на Хасане и Финской, что, видимо, и позволяло ему грамотно управлять батальоном. Так вот я ушел, когда ребята начали готовить ужин. Возвращался я от него, когда батальон уже выходил на марш. Я подошел к нашей палатке. Мои бойцы сидят внутри, а перед ними на рогатинах висит эмалированное ведро, в котором варился борщ, распространяя сумасшедший запах. Я им крикнул: «Вы почему не собрались?» – «Командир, что ты шумишь? Садись, поешь. Смотри, какой борщ мы сварили!» Вот тут я психанул. Выхватил пистолет и выстрелил в этот борщ, решив продырявить ведро и показать, что дисциплина важнее. Получилось так, что пуля рикошетом попала Ивану в икру. Слава богу, кость была не задета, а ребята согласились дело замять, но я его еще несколько дней на пушке возил, поскольку ходить он не мог.

Так вот среди ночи по колонне разнеслось: «Командир полка, командир полка». Обернулся, справа за деревьями вижу два всадника на лошадях. Потом они куда-то исчезли. Дошли до привала. Дорога поворачивала над обрывом влево, образуя сухой выступ, на котором мы поставили пушку. Я спросил, что на ужин – перловая каша, а я ее и в мирное-то время не ел. «Все! – говорю. – Ребята, я сплю». Бросил на землю плащ-палатку, лег и тут же уснул. Вдруг слышу: «Встать, командир полка!» Я слышу, понимаю, что надо встать, но не могу. У меня нет сил встать. Вдруг я слышу: «Я командир полка». Я говорю: «Да пошел ты на…!» И с этими словами открыл глаза. Вижу – действительно стоит ординарец командира полка и сам командир, который

пытается откинуть полу плащ-палатки, чтобы достать пистолет. Когда я это увидел, я потянулся и взял автомат, лежавший рядом. Он все понял, повернулся, и они ускакали. Ребята говорят: «Что ты наделал?» – «А что? Я же не знал, что это командир полка, думал вы разыгрываете». Марш продолжился. Под утро мы остановились у какой-то деревни. День выдался солнечным, мы развесили свое барахло подсушиться. Среди дня появились два подтянутых сержанта: «Кто Ульянов?» – «Я». – «Назови себя». – «Сержант Ульянов». – «Собирайся, пойдем». – «Что брать?» – «А что хочешь, можешь ничего не брать» – «А куда пойдем?» – «В штаб полка». Смотрю, лица у всех кислые. Я говорю: «Давайте, ребята, на всякий случай попрощаемся».

Привели в штаб, начальник которого знал меня еще по Сталинграду. Он меня спрашивает: «Ты чего здесь делаешь?» – «Вот привели». – «Так это ты вчера начудил?» – «Ничего я не чудил. Обознался просто спросонья». – «Ладно. Пойдем». Зашли во двор дома, посередине которого стоял стол, два стула и табуретка. На одном стуле висела гимнастерка и портупея, на другом сидел сам командир полка в нижней рубашке, в подтяжках и начищенных сапогах, попивая чай из стакана с подстаканником: «Товарищ подполковник, сержант Ульянов по вашему приказанию прибыл». Он задает мне вопрос: «Это ты меня вчера послал?» – Что я могу сказать? Ответил, что я. – «Я тебе орден вручил такой красивый, а ты меня на х… посылаешь?!» – «Орден я заслужил, когда вас в полку еще не было». Тогда он, обращаясь к начальнику штаба, говорит: «Отведи его». Меня отвели в соседний двор, где таких, как я, собралось сто четырнадцать человек. Кто-то сказал: «Мы штрафная рота». Суда не было, документы и ордена не отбирали. После войны в архиве я нашел документ, в котором мы были названы «добровольцами». Нам выдали гранаты, патроны и сказали: «Пойдете на тот берег и захватите плацдарм. Как только высадитесь, пойдут основные силы. На этом ваша задача будет выполнена». Поплыли ночью. Обошлось без стрельбы. Высадились. А что там делать? Перед нами стена правого берега, от которой до воды метров сорок. Вот и весь плацдарм. Немцы сверху стали нас поливать огнем, и к вечеру, когда пришел приказ возвращаться на левый берег, нас осталось не более десятка. Оставшихся в живых отпустили по своим подразделениям. Полк спустился вниз по течению и начал переправу. Подошли к Днепру вечером. На противоположном берегу были видны церковь и колокольня. Комбат приказал мне открыть огонь по этой церкви, решив, что там наверняка сидит наблюдатель.

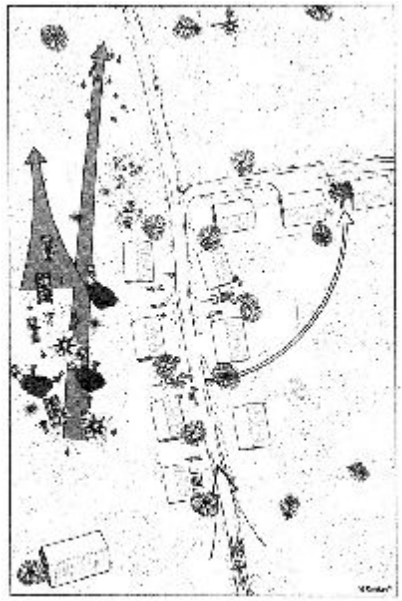


Схема переправы в бою В. А. Ульянова

Пушку мы скатили к воде. Я прекрасно понимал, что если я сделаю выстрел, то по мне сейчас же ударят как минимум из пулеметов. Чтобы замаскировать орудие, я приказал рубить прибрежные кусты и втыкать срубленные ветви в песок вокруг пушки. Когда орудие оказалось закрытым, я приказал натянуть над стволом плащ-палатку, чтобы закрыть от наблюдателей вспышку выстрела. Мы определили, что дистанция до колокольни превышает 700 метров, на которые был рассчитан прицел «сорокапятки». Зная, что один оборот подъемного механизма дает увеличение дистанции выстрела на 300 метров, я выставил 1400 метров. Выстрелил и впервые услышал шелест удаляющегося снаряда. В колокольню я не попал. Снаряд, не долетев до нее, разорвался, подняв белое облако пыли. Причем мы сначала увидели это облачко, а потом до нас донесся взрыв и крики немцев. На следующий день мне говорили побывавшие там разведчики, что у немцев под этой колокольней были выкопаны траншеи и стоял пулемет. Снаряд точно накрыл это пулеметное гнездо. Пушку мы выкатили обратно на дорогу и по грунтовой дороге, обрамленной посаженными ивами, пошли к месту переправы. Вскоре мы увидели предназначавшийся нам плот. Вообще-то это надо обладать фантазией, чтобы так назвать несколько связанных бревен, с настилом из досок размером примерно 3 на 3 метра. От воды нас отделяла полоса мокрого речного песка с рисунком волн на нем. Как только передок, на котором у нас всегда стояло 14-16 ящиков со снарядами, выехал на песок, его колеса проваливались почти по ступицу. Ездовые

колошматили лошадей так, что металлические кольца, привязанные на концах их хлыстов, высекали искры, попадая по костям несчастных животных. Погрузка сопровождалась отборной бранью и криками ее руководителей: «Быстрее! Вперед!», взрывами немецких снарядов и мин.

С огромным трудом удалось закатить передок и орудие на плот, поставить лошадей.

Оттолкнулись и поплыли… Тем, кто там не был, не понять, что такое «форсирование Днепра». Это надо видеть, в этой обстановке надо быть. Надо почувствовать хлипкий настил плота, шатающийся на волнах, поднятых взрывами снарядов, увидеть фонтаны воды, поднимающиеся вверх с обломками паромов или лодок, с человеческими телами и с шумом оседающие обратно. Надо услышать хрипы шарахающихся от каждого взрыва лошадей, которых держит под уздцы ездовой. Надо испытать сумасшедшее напряжение и страх ожидания «своего» снаряда, который ты не услышишь, поскольку те снаряды, что свистят и воют, они летят мимо, твой же прилетит бесшумно. И вот ты стоишь и примериваешься, за что схватиться, куда плыть – назад или вперед, сможешь ли ты барахтаться или так и пойдешь на дно в шинели, телогрейке и ватных брюках, которые не снял, спасаясь от осеннего холода.

И все же по нам не попали… Плот ткнулся в правый берег, и лошади вынесли ездовых на песок. Мы скатили пушку, передок, подогнали упряжку. Сверху по нам стреляли, но на пули особо никто внимание не обращал. С трудом по раскисшей дороге, поднимавшейся от реки на крутой берег Днепра, выбрались наверх. Каким-то чудом мы в этом хаосе, творившемся на берегу, нашли свой батальон. Комбат меня обнял, говорит: «Ну, все, сынок, теперь живем». Все же мы главная ударная сила батальона!

Ну а дальше пошли бои уже на правом берегу Днепра. Сбив оборонявшихся на берегу немцев, батальон вошел в преследование. В одном из боев я подбил немецкую самоходку «Артштурм». Позицию, правда, в этот раз я выбрал не очень удачную. Дорога шла по краю песчаного карьера, который образовывал как бы ступеньку перед спуском в низину. Я поставил оба орудия в карьер, на эту ступеньку. Таким образом вспышка выстрела камуфлировалась светлой песчаной стеной за нашими спинами, но в то же время мы были крайне стеснены в маневре. В лощине перед нами росли остатки сада, а чуть левее стоял танк Т-34, рядом с которым обосновался немецкий снайпер. По приказу комбата я сделал несколько выстрелов по этому танку, и снайпер замолчал. После боя я подошел посмотреть на этот танк – он стоял, полностью загруженный боеприпасами,

внутри чистенький. Почему он там остановился? Почему его бросил экипаж? Не знаю. Но после того, как я заставил замолчать снайпера, на нас с противоположного ската лощины пошли две самоходки. Не знаю, заметили ли они нас, но все же сделали по одному выстрелу, и осколком разорвавшегося снаряда был ранен в ягодицу подносчик Вася Лебедочкин. Надо сказать, что я хоть и командовал взводом, но так и не сдал никому должность командира первого орудия. Вторым орудием командовал Вася Фролов. Он мне кричит: «Витя, стреляй!», но я не спешил. Я был уверен, что, когда они спустятся в лощину, они не смогут по нам стрелять, а мы, опустив стволы орудий, расстреляем их сверху. Так и получилось. Я отчетливо видел в прицел сверху кормовую часть передней самоходки. Выстрел! Самоходка остановилась. К ней сзади подошло второе орудие. Мы не видели, но, видимо, немцы накинули трос и задним ходом потащили подбитый «Артштурм» на исходные позиции. Стрелять по ним уже не стал, ведь задача была выполнена, немцы не прошли.

Помню, был бой, мы наступали. В горячке, с парабеллумом в руке я вскочил в железнодорожную будку. Передо мной немец, я не растерялся, выстрелил, он свалился. В окно увидел, как один немец побежал от будки. Я бросился за ним. Он бежит, хромает, видно, был ранен, на ходу сбросил ранец, потом сбросил куртку. Вдруг сзади крики и выстрелы. Я остановился. Смотрю, два солдата направили на меня винтовки и кричат: «Куда ты, гад!» Они решили, что я убегаю к немцам. Я остановился: «Старший сержант, мы думали, что ты к ним бежишь». Я говорю: «Эх… немца упустили».

Свернув орудия в батальонной колонне, мы пошли дальше. Под вечер заняли оборону возле холма. Местность была сильнопересеченная – справа и слева от нас возвышались такие же холмы, впереди была небольшая равнина, а за ней опять возвышенности. Тут произошел курьезный эпизод. Мы стояли у нашего холма, возле которого шла дорога, вдруг видим, что к нам приближается немецкая плавающая машина. Она подошла практически вплотную к нам, развернулась. Немец, сидевший рядом с водителем, крикнул: «Русиш швайн». Начальник штаба выхватил противотанковую гранату, хотел бросить, но его остановили. Куда бы он ее бросил? Он бы не добросил до машины, только своих бы поранил. Вот так машина и уехала. Ночью немцы пускали ракеты, причем у меня создалось впечатление, что мы попали в окружение. Меня вызвал комбат: «Ну что?» – «Товарищ капитан, ракеты кругом». – «А ты что хотел? Мы в тылу у немцев. Что тут будет завтра, я не представляю, но готовься со своим взводом к бою».

За ночь мы отрыли позиции на обратном склоне холма, а утром с возвышенностей, что располагались перед нами, на нас пошел танк.

«Сорокапятки» стрелковых частей в основном были на конной тяге.

Был он один, видимо, немцы отправили его на разведку. Комбат приказал выкатить орудие на открытое место, левее холма за цепочкой окопов и подбить этот танк. Глупость, конечно, этот танк разобьет мое орудие, не дав его даже к бою привести. Я приказал Ивану выкатить орудие правее холма и сделать несколько выстрелов по танку, отвлекая его от нас. Он еще спросил: «А если я попаду?» – «Так и надо. Ты попади». Пока Иван пару выстрелов сделал, мы успели выкатить и развернуть орудие. Выстрелил. Уж не знаю почему, но трассер улетел в кусты, а направляющее кольцо свалилось в окоп на голову к пехотинцам. Один солдат из окопа, что был рядом с орудием, побежал. Я выстрелил по нему из пистолета, но не попал. А через несколько минут, смотрю, он опять лежит в этой ячейке, винтовку вверх задрал и стреляет. Я говорю: «Ты чего вернулся? Ты же побежал, чего ты вернулся?!» – «Да там особисты. Предложили вернуться или расстреляют». После этого никто больше не бегал. Танк же этот особо не раздумывал. Выстрелил разок по холму и убрался восвояси. Пехота, говоришь, не устойчивая была? Ты что?! А кто же взял Берлин?! Пехота у нас хорошая была, и орудие никогда не бросала.

В это время в полукилометре правее нашего холма мы заметили, что немцы стали готовиться к контратаке. Туда подошли несколько бронетранспортеров и автомашины, из которых, как саранча, стала выпрыгивать пехота. Мы выкатили

орудия из-за холма и открыли огонь. Я крикнул: «Иван, бей по дальней стороне их сосредоточения и гони их к центру, а я буду по ближней». После каждого выстрела они сдвигались к центру. Потом мы переносили огонь на середину, они разбегались и все повторялось заново. В какой-то момент вышла машина с орудием. Они успели его отцепить, но я их опередил. Снаряд разорвался возле орудия. Я не буду говорить, что подбил орудие, но после моего выстрела они его бросили и машина ушла. В следующую машину я попал. Она, видимо, была со снарядами, потому что рванула очень хорошо. А потом на меня пошла самоходка. Это был не обычный «Артштурм», а тяжелое самоходное орудие. Я стреляю, а попасть не могу – руки трясутся, и снаряды проходят над ней. А она идет и скрипит, как дверь на ржавых петлях. Потом эта зараза остановилась и выстрелила в сторону второго орудия. Осколками снаряда был ранен Иван. И все же если не восьмым, то девятым снарядом я в нее попал. Она не загорелась, просто встала, а я продолжил колошматить немцев. Ствол орудия раскалился, и фактически оно уже просто плевалось снарядами. Я все боялся, что его заклинит, ведь за короткий промежуток времени я выпустил более 120 снарядов! Вот здесь был момент, когда я бегал между двумя орудиями, стреляя попеременно то из своего, то из Иванового. Вот так две «сорокапятки» фактически сорвали контратаку противника численностью до батальона.

Свой последний бой я принял 22 октября. За день до этого командир батальона собрал в маленьком овражке командиров рот. Вызвал он и меня. Я подошел к нему, он говорит: «Патроны есть?» Я говорю: «Есть» (а у меня чехол от фляги был набит автоматными патронами, которые также подходили и к пистолету ТТ). Комбат зарядил пистолет, сделал несколько выстрелов вверх и говорит: «Второй и третий батальон по приказу командира полка пошли чистить картошку нам на ужин. Вернемся из боя, будем кушать. А теперь за Родину, за Сталина надо взять вон ту деревню. Ну, сынок, выручай». Ротные побежали к своей пехоте, а я во взвод. Мы поднялись наверх из этой ложбинки, и я увидел деревню. В этот момент лошади рванули, я только успел встать на нижний щит и руками ухватиться за щиток орудия. Ездовые начали лупить лошадей, и они понесли с такой скоростью, что страшно стало. Мы промчались мимо большого сарая, стоявшего слева от дороги, потом я увидел, как из лопухов, росших чуть сбоку и прикрывавших погреб, высунулась женщина. Мы промчались прямо над ней. Влетели в это село. Немцев в нем не было. Следом за нами в него вошла пехота и тут же принялась шуровать в брошенной немецкой машине, стоявшей на улице. Постепенно все затихло, мы заняли позиции возле домов. Вдруг в

нашем тылу раздались автоматные очереди. Я высунулся из-за дома и увидел, что идут немцы, поливая огнем пространство перед собой. Они прошли вдоль улицы, наткнулись на минометную батарею, уничтожили ее расчеты и ушли к своим. Оказалось, что перед отступлением немцы всех жителей согнали в тот сарай, который мы проскочили по дороге к селу, и сами же остались в нем. Когда они поняли, что мы успокоились, они решили прорываться к своим, что им в общем-то удалось.

Следующий день выдался солнечным. Я сидел в беседке и спокойно писал наградные документы на всех своих солдат, сержантов, в том числе и на Фролова, которого представлял к званию «Герой Советского Союза». И вдруг в деревне начали рваться снаряды. Я стремглав бросился к орудию, которое стояло между домами. И опять, как вчера пехота, из нашего тыла мимо нас пошли бронетранспортеры. Сектор обстрела у меня был очень узкий, и я решил перекатить орудие, но не успели мы свести станины, как прибежал комбат: «Не трогай орудие! Не трогай орудие! Иначе они побегут!» Я вправо посмотрел, увидел жидкую цепь лежащих солдат, стрелявших в просвет между домами, и понял, что они лежат и стреляют только потому, что стоит орудие, и если я начну его перекатывать, то они решат, что я отступаю, и побегут. Вот так и пришлось мне вести огонь с этой неудобной позиции. Но я успевал. С бронетранспортером разговор короткий – ему в борт дал, и его песня спета. Два или три я сжег. За ними шел танк, и его я тоже подбил, все же основные силы немцев прорвались и, не ввязываясь в бой, ушли.

Вскоре ко мне подбежал связной и сказал, что меня вызывает комбат. Я пошел к нему на НП, который располагался на окраине села в какой-то яме перед крайним домом. За этой ямой простиралось вспаханное поле, на краю которого виднелся немецкий дзот. Комбат говорит: «Видишь дзот?» – «Вижу». – «Это наблюдательный пункт. Его надо заткнуть. Ты сможешь попасть в амбразуру?» – «Бронебойным попаду». – «Неважно каким, ты попади в амбразуру, чтобы они ослепли. Мы сейчас пойдем в атаку, и если они будут отсюда корректировать огонь своей артиллерии, они всех нас побьют». Я ушел за орудием, привел его и с третьего снаряда попал в амбразуру. Вернулся к комбату доложить, что его приказание выполнено. В этот момент за домом разорвался снаряд, а затем последовал взрыв впереди воронки, в которой мы сидели. Комбат у меня спрашивает: «Ну что, бог войны? Что происходит?» Я ему говорю: «Что происходит? Нас в вилку берут. Сейчас снаряды будут здесь». В это время, по-моему, два снаряда разрываются рядом с воронкой. Я сначала даже не почувствовал, что ранен в левую руку, левую и правую ноги.

Комбату говорю: «Вот паразиты, сапоги порвали». – «А ноги?» – «Ноги целы. Я пойду к орудию». – «Это неважно, сынок, были бы ноги целы, сапоги найдем». Я поднялся, вылез из ямы и чувствую, что падаю. Прислонился к дереву, потом оттолкнулся и пошел. Я слышал, как комбат сказал: «Вот пошел мой герой». И последнее, что осталось в памяти, это окоп, в котором сидели два ездовых моего взвода. Я их попросил помочь мне добраться до орудия, но им совершенно не хотелось вылезать из окопа под непрекращающийся обстрел, и они отказались… Очнулся я в каком-то окопе, передо мной сидел солдат. Я у него спросил: «Где наши?» – «Все ушли вперед». – «А комбат?» – «Все пошли. Ты остался и еще несколько человек, раненых». Потом я читал, что в этом бою комбат и многие ребята погибли.

Когда наступила ночь, за нами приехала повозка. Куда он нас повез, я не знаю, но вскоре мы услышали немецкую речь. Я зашипел на ездового: «Ты куда, гад, везешь?!» Мы развернулись и поехали обратно, а вскоре выехали к штабу полка. Нас остановили, спросили, кто едет. Я назвался и спросил, кто здесь старший. Мне ответили, что начальник штаба полка. Я попросил передать ему, чтобы он подошел. Он подходит: «Ну что? Зацепило тебя?» – «Зацепило». – «Ну ничего, поправишься – возвращайся». У меня за поясом была сумка, из которой я достал представления на ребят и попросил: «Товарищ майор, я вас прошу, представьте моих ребят к наградам. Вот здесь все описано, тут все правда». – «Все сделаем. Не волнуйся».

Потом нас отвезли в какую-то хату, положили на глиняный пол. Справа и слева лежали раненые. У того, что лежал слева, я увидел, как из-под повязки на руке вылезают черви. Я еще воскликнул: «Фу, черви!» – «Что ты боишься? Это не страшно, они гной едят». Я замолк. На другой день пришел генерал и два офицера. Генерал спросил: «Кто здесь сержант Ульянов?» – «Я». – «Сынок, поздравляю тебя с присвоением звания Героя Советского Союза». – «Служу Советскому Союзу!»

Потом уже я попал в санитарный поезд, который привез меня в Харьков. Пришел капитан, взял меня на руки и понес – я весил 47 килограммов. Принес он меня в баню. Там женщины говорят: «Раздевайся». Я стесняюсь. Капитан говорит: «Это наш герой». Одна из женщин говорит: «Он же дытына. Какой он герой?!» Меня помыли и отнесли в школу. Там в классе стояли кровати, на одну из которых меня положили. Несколько осколков застряло в районе коленного сустава. Врачи, осмотрев мою ногу, сказали, что ничего делать не будут, а отправят меня в эвакогоспиталь. Меня опять посадили в санитарный поезд. Он был свежевыкрашенный, чистый. Я лежал на нижней полке, но ни

подушки, ни одеяла, ничего мне не дали. Поехали мы в Златоуст. У меня начала болеть и опухать правая нога. Я начал стучать. Пришла сестра. «Что ты стучишь?» – «Нога болит». – «Начальник поезда сейчас занят, он делает операцию». – «Мне не нужен начальник поезда, мне нужно, чтобы меня перевязали». Она посмотрела на ногу и ушла. Вскоре у меня поднялась температура. Тогда пришел хирург, начальник поезда. Принесли ванночки. Он говорит: «Ну что? Посмотрим, какой ты герой!» Вскрыли нарыв, как хлынули и кровь, и гной, черт знает что! Он говорит: «Ну легче?» – «Легче». – «Потерпи еще. Сейчас осколки вытащим». Он начал ковырять под коленом: «Больно?» – «Да». – «Тогда не будем их вытаскивать, ты все равно едешь в госпиталь. Там тебе все промоют, вычистят, перевяжут». Но в госпитале их вынимать не стали. Так с ними и хожу до сих пор, с этими осколками.

Марков Николай Дмитриевич

Родился я в Москве, 19 мая 1925 года. Семья у нас была большая – семь человек детей. В 1941 году мой старший брат заканчивал десятый класс 605-й школы в Марьиной Роще, – а я учился в 8-м классе 241-й школы, находившейся рядом, на Шереметевской улице. Выпускной вечер у брата должен был состояться в ночь с 21 на 22 июня. А так как мы дружили с этими ребятами-десятиклассниками, то нас тоже пригласили к ним на праздник. Гуляли до шести утра – здорово было! Пришли домой, легли спать, нас будят: «Ребята, вставайте, война началась».

Что изменилось в Москве с началом войны? Все изменилось. Все продукты исчезли. Раньше в магазинах икра стояла в бочках, на полках были засиженные мухами крабовые консервы, хлеб – пожалуйста, мясо – тоже. Через месяц ничего не стало, ввели карточную систему. Цена буханки хлеба, как и бутылки водки на «черном рынке», дошла до 1000 рублей.

Когда начались налеты на город, нас, старшеклассников, заставляли лезть на крыши, сбрасывать зажигалки. Запомнилась, конечно, и паника 16 октября. Вся Москва не работала, все брошено, начали грабить мастерские, склады, магазины… помню еще кипы сброшенных немецких листовок, в которых они призывали сдаваться в плен…

Надо было как-то выживать, и я пошел на работу в прокуратуру СССР, рабочим. Грязную работу делать, – таскать всякие грузы и прочее. Зато я получил рабочую карточку, на которую давали 800 граммов хлеба. Служащим на карточку – 600

граммов, а детям – 400. Зимой 1941/42 года голодно было. Все подтянулись, худые стали, суровые, но не озлобленные – понимали, что идет война. Тогда действительно был общий патриотический настрой у людей.

В конце октября, когда немец уже подходил к Москве, по линии домоуправления собрали всех подростков и направили на Северо-Западный фронт в район Дмитрова – строить заградительные противотанковые сооружения. Два месяца валили лес, делали противотанковые завалы. Фронт был недалеко: летали «Рамы», обстреливали нас, мы прятались. Условия, конечно, были дикие. С нашего Дзержинского района было тридцать человек, и мы все жили в школе. Снег рано выпал, в ноябре месяце уже морозы ударили. И вот, встав в пять часов утра, мы на лыжах семь километров шли на место работы. Суточная норма на бригаду из 5 человек (2 пилы и 1 топор) 125 корней, и чтобы корень был не меньше 25 сантиметров. Сделаешь – тогда пайку получишь. Никаких там обедов! Только хлеб давали черный, замерзший. Потом идешь обратно, возвращаешься в темноте. Вот так мы жили в этой школе: ни бани, ничего не было. Обовшивели все. А когда наши пошли в наступление, то примерно 10 декабря нас отпустили домой.

Меня призвали 2 января 1943 года. Сначала хотели направить в училище, но почему-то направили в учебное подразделение первой запасной горьковской стрелковой бригады. Погрузили примерно сорок человек москвичей в телячьи вагоны, которые не отапливались, ничего, и повезли. Эшелон от Москвы до Горького шел четверо суток. Проедем 100 километров, дров нет. Бригада в лес – чурбаки в тендер. В Горьком нас и еще примерно шестьдесят человек призывников из Ярославской области разместили в Красных казармах.

Я попал в учебную батарею 45-мм пушек. Занятия шли по 12 часов в сутки – давали общевойсковую, артиллерийскую, огневую подготовку… Зима 1943 года, январь месяц. Едем через Волгу на полигон в Бор. Командиром взвода у нас был лейтенант Притуляк – боевой офицер, комиссованный после ранения. Вот он нас гонял: «Танки справа, орудия к бою!» – развернулись. – «Отбой!» – проедем немного – «Танки справа!.. Танки с тыла!… Танки слева!» Пока доедем до полигона – умаемся. А кормили! По третьей норме – 600 грамм хлеба, баланда, ведро мерзлой картошки на 16 человек… Хлеб веревочкой делили. Все хотели горбушку… Я за один месяц похудел сразу на 13 килограмм.

Однажды я был дежурным по батарее, сменился и отдыхал. Меня вызывает дежурный по части: «Товарищ Марков, вот вам тридцать два человека штрафников, которые судом осуждены в

штрафные роты. Их требуется отвезти в Моховые Горы». А там, в Моховых Горах, были землянки, где штрафников собирали в маршевые роты и направляли на фронт. А я же пацан был, я не знал, что такое конвоирование: «А как?» – «Ты возьмешь своих солдат, вот вам винтовки, вот вам патроны. И ведите их туда». А ведь эта деревня была на другой стороне Волги, и, чтобы перебраться, надо было плыть на речном трамвайчике. В общем, взял я еще троих солдат, построил штрафников, положил в сумку их дела, скомандовал: «Шагом марш!» – и мы пошли. Один солдат идет впереди, два сбоку, и я сзади. Конвоировать так конвоировать! Пришли к реке – а там народу полно: бабки приехали в Горький с той стороны Бора на базар, что-то продать, что-то купить. Я вошел на дебаркадер: «Прошу всех покинуть дебаркадер, стрелять буду!» Подошел к капитану корабля, говорю: «Куда он идет? До Бора довезет?» – «Довезет». – «У меня 32 человека штрафников». – «Сажай их в трюм». Посадил их в трюм, поставил солдат на верхней палубе, бабки расселись – и поплыли мы.

Дошли мы до места, торговки вышли. Высадили мы наших подопечных. Один говорит: «Старшой, дай нам барахло, что на нас, продать. Нас все равно переоденут. Мы сейчас на свои вещи лепешек у бабок наменяем» – «Пожалуйста, но через 15 минут чтобы все стояли здесь». Им некуда бежать – место открытое, песок везде: с одной стороны Волга, вверху на обрыве сосны стоят. Они там с бабками поторговали, поторговали, те набрали кто пиджак, кто брюки, кто рубашку – все обменяли, потому что нечего было носить, это же было дикое время. «Становись! Пошли!» И мы 3 километра шли 3 часа! «Старшой, мы поссать хотим». – «Ну, поссыте, ребята». – «Кушать хотим». – «Давайте, кушайте». Что тут скажешь, – прикладом же бить не будешь. Они все мужики опытные, с 10-го, с 15-го годов, уже были на войне. Некоторые ведь по глупости попали в эту штрафную роту. Я же посмотрел их личные дела. Отстал от поезда: суд решил – 10 лет с заменой на 3 месяца в штрафной роте. Вот так! Но были и те, кто был осужден за бандитизм, воровство и прочие преступления.

Привел я их туда, там стоит палатка, и дежурный у палатки: а остальное землянки. Пока я с дежурным разговаривал, они тут, – раз, разбежались, и нет моих солдат. Они растворились в этой массе, друзей-приятелей там встретили, – а там уже тысяча человек. «А где твои? Ну ладно, найдем…» Я отдал документы и уехал. Господи, вот наказание было!

В Горьком я познакомился с одним парнишкой из города Углич, Костей Конахистовым. Мы с ним спали на одной двухъярусной кровати. Все курсанты страдали недержанием мочи

от недоедания. Поэтому менялись местами.

Из Горького, в июне месяце 1943 года, нас направили на Курскую дугу. Я попал в пехоту. В 5-й Гвардейский воздушно-десантный полк 2-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии. Так что воевать я начал пехотинцем. А командир взвода, Притуляк, взял Костю к себе на батарею 45-мм пушек. И вот на фронте Костя был в батарее, а я рядом в пехоте: «Костя, как дела?» – «Да нормально». Потом из одного боя выхожу, у ребят спрашиваю: «А где мой брат Костя?» – «Он ранен в живот….» Я прихожу в роту, говорю: «Ребята, Костю убили. Давай помянем его, выпьем по 100 грамм». Выпили мы по 100 грамм – и вперед, на Запад. Я уже и забыл о Косте. Война закончилась, прошло 35 лет, – и вот в сентябре 1978 года совершенно случайно мы встретились… Смотрю, – он седой. Мы обнялись, заплакали. Оказывается, его ранило, он попал в госпиталь, а в 1944 году его комиссовали.

Помню ли я свой первый бой? Помню, конечно. Это был ночной бой под Курском. Мы пошли в атаку, и немец положил нас огнем. Мы залегли, темнота кругом. Командир батальона кричит: «Вперед, вперед!» Пули свистят, трассирующие пули летят. Такое состояние было… Идти на огонь никто не хочет – все лежат, закопались. А у меня не было лопаты. Хоть носом копай землю! Я решил, что, коли жив останусь, лопату себе найду. Потом в одной деревне я нашел здоровую совковую лопату. Черенок пополам сломал и первое время так и носил совковую лопату, пока не нашел нормальную малую саперную. После этого я лопату никогда не бросал, потому что это была твоя жизнь – идешь, она у тебя к вещмешку прицеплена, как только остановились, так сразу окапывайся. Это закон. Только так: у тебя должна быть лопатка, винтовка в порядке, и ты должен четко знать свою задачу, а остальное – судьба. Так вот, возвращаясь к первому бою, командир взвода говорит: «Марков, иди к командиру роты. Скажи, что мы не можем идти вперед, потому что немец накрыл нас огнем». Я ползу назад по-пластунски, смотрю – лежит солдат. В свете немецкой ракеты я вижу, что у него осколком всю грудь распороло. Он ничего не говорит, только мычит. Я его перебинтовал, а он так и лежит, ничего не говорит… Вообще, я крови боялся с детства. А в пехоте настолько привык… Там сидишь в окопе, кушаешь. Снаряд рядом разорвался, земля тебе в котелок – так ложкой откинул ее, и дальше ешь. Все грязное, руки помыть негде. Перевязываешь товарища – все в крови, сплошная антисанитария. По возможности мы, конечно, пытались содержать себя в чистоте, но не всегда удавалось….

Я выполнил задание, вернулся, и всю ночь мы пролежали под

этим огнем. Кое-как окопались (мне дали лопату). Потом включилась артиллерия, побила их огневые точки, и мы пошли вперед.

Освободили Орел, Белгород, Курск, а потом вошли на Украину. В 43-м году воевать уже умели. Прежде чем послать пехоту вперед, сначала передний край обработают всеми видами оружия. И артиллерия, и авиация, и танки пойдут. Не то что 1941-й или 1942 годы, когда пехотой закрывали дырки! Да и пехота была уже подготовлена, уже научились командиры воевать. Если стояли долго в обороне, то делали так: вот наш передний край, а вот немецкий передний край. С помощью аэрофотосъемки, с помощью разведчиков определяли, где огневые точки, где минные поля и прочее. Подразделения, которые должны были прорывать оборону, отводили в тыл, создавали им примерно такую же обстановку, – и командиры на местности отрабатывали вопросы боя. Уже было не просто так: «Давай, вперед!» Хотя и самодуров, гнавших людей: «Давай, вперед, поднимайся!» – хватало…

Оружие какое у меня было? Сначала с винтовкой воевал, а потом был ППШ и пистолет ТТ. Как-то раз у меня автомат отказал, и я взял винтовку. Стреляю, а пуля клюет около носа. Что такое? Не пойму. Посмотрел в канал ствола, а он дугой. Я эту винтовку, конечно, выбросил, нашел новую. С этим проблем не было. Гранаты у нас были, но в основном мы ими рыбу глушили. Ведь что такое гранаты? Это тяжесть. Ночью, когда ты совершаешь 30-километровый марш, ты идешь и спишь. Остановилась колонна – ты падаешь. Для того, чтобы поднять солдат, командиры бегали, пинали их ногами: «Поднимайся!» На пределе возможностей люди воевали. Так что гранаты хороши в обороне, а так их таскать с собой не будешь – выкидывали их – у тебя ведь и так запас патронов, паек, запасное белье, котелок, лопата. Тяжело…

Если говорить, какое оружие мне нравилось, то, конечно, наша мосинская винтовка 1890/30. Она была безотказной. Если затвор в песке, его вытащил, прочистил и дальше стреляй. У нее пуля сохраняет убойную силу на 5 километров, а у ППШ, ППС – 400-500 метров, да и прицельная дальность – 150 метров. К тому же ППШ и ППС – это оружие очень капризное. Когда мы только ехали в эшелоне на фронт, мы потеряли двенадцать человек из-за неправильного обращения с оружием или случайных выстрелов.

Всего я участвовал в 13 атаках. Тогда как было? Немцы отступают, но в деревнях создают заслон. Чтобы выбить его, посылают роту или батальон. Мы наступаем, а он тебя сечет. Движение вперед и ведение огня было плохо организовано.

Солдат бежал, «ура» кричал, но не стрелял. Вот это было плохо. Сколько мы людей-то потеряли! Пошли 50 человек, а вышло 20. Раненые, убитые… Война это… не спрашивай! К сентябрю в моем взводе не осталось тех, с кем я начинал. Все время шло обновление, ротация. И я не могу сказать, что была какая-то группа «долгожителей». Нет, не было.

Мы были в 30 километрах от Киева, в районе Бровары, когда я пошел в свою 13-ю атаку. В ней меня ранило. Пуля попала в пах слева. Я очутился в госпитале. Там меня подлечили и снова направили на фронт. Причем нас сначала направили на пересыльный пункт в районе Житомира в батальон выздоравливающих, и там еще лечили немножко (у кого рука не зажила, у кого нога, то-се, пятое-десятое)… Нас было сто сорок семь человек в батальоне выздоравливающих. Как-то мы сидели на пригорке. Рядом церковь. Солнце греет…. Видим – закончилась обедня, старушки все вышли, и выходит батюшка: «Во славу русского оружия я вам отслужу обедню». И мы зашли, все 147 человек, всех национальностей, – и узбеки, и грузины, и евреи. Поп как закатил нам проповедь! Вот это была действительно пропаганда! Никакого политработника не надо, а надо такого попа! Я до сих пор помню, как он выступал: «Этого супостата надо гнать! Он осквернил нашу землю!»

На этот пункт приехали «покупатели» из армии, говорят: «Нужны солдаты для пополнения полка». Я думаю: «Хватит. Я в пехоту не пойду, только в артиллерию». Почему? Потому что я потопал в пехоте от Курска и почти до Киева! Там было ясное ощущение, что тебя рано или поздно либо убьют, либо ранят. А потом… Ну невозможно уже было! Ноги все в крови. Все на себе тащишь. Палаток не было: дождик идет, мокрый, некуда спрятаться. Ты в поле, и никуда не уйдешь, а если уйдешь – дезертир. Это было очень тяжело. Зато все работали на пехоту: пехота – царица полей…

Мы в учебном полку прошли хорошую артиллерийскую подготовку, так что я знал и типы снарядов, и мог подготовить данные для стрельбы. И вот сидят два старших лейтенанта и капитан: «ВУС какой у тебя?» – «ВУС седьмой. Артиллерист». – «Отметка 28, где батарея?» – «Слева-спереди». – «Какие ты знаешь снаряды?» – «Бронебойный, осколочно-фугасный, подкалиберный». – «Хорошо, будешь служить в истребительно-противотанковом полку». Еп! Я думал хоть немного подальше от передовой повоевать…

Направили меня в 3-ю батарею 163-го отдельного истребительно-противотанкового артиллерийского полка заряжающим орудия. Полк был разбит под Винницей, потерял

всю материальную часть и почти 90% личного состава. Ребята, что остались в живых и пришли на формирование, говорили, что там шли очень тяжелые бои. Переформировывались в Житомире. Получили личный состав, материальную часть (пушки ЗИС-3 и грузовики «Студебеккер») и вскоре своим ходом поехали на фронт. Двигались мы колонной. Впереди ехали разведчики и командир полка. Вдруг навстречу нам выбежал мужик. Колонна остановилась. Он представился как секретарь сарненского райкома: «Бандеровцы меня хотели поймать, но я убежал и три дня по болотам скитался. У них здесь в полутора километрах лагерь». Его задержали, командир полка приказал командиру батареи: «Капитан Басаргин, давай туда разведчиков, выясни, что там». Этот Басаргин был подполковником, командиром бронепоезда. Где-то он проштрафился, его разжаловали до капитана, направили в полк командиром батареи. Отчаянный мужик! Слышим: «Та-та-та» – наших обстреляли. Басаргин развернул батарею, пристрелял орудия и беглым огнем накрыл этот лагерь. Оказалось, что в нем находилось почти сто пятьдесят человек бандеровцев. Там у них были артиллерийские склады, жилые блиндажи, 37-мм и 45-мм пушки, продукты, спирт, – после боя мы всё это быстренько «приватизировали» и поехали дальше.

С февраля по июнь 44-го мы стояли в обороне под Ковелем. А в обороне что? Каждый день копай! Только заняли огневые позиции, сразу надо вырыть окоп для орудия – шесть кубометров, потом для себя окоп, для наводчика, для заряжающего, ход сообщения. Сколько мы земли перекидали! Под Ковелем к нам пришли ребята с Западной Украины. Помню, один из этих новобранцев, хороший такой украинец, высокого роста, симпатичный, лет тридцати пяти, нелепо погиб. Мы стояли у орудия. Слышим – мина летит. Крикнули: «Ложись!» А он побоялся испачкать шинель, – там такая грязь была… В последний момент он всё же стал падать, но осколок мины попал ему в грудь…

С этим пополнением пришел к нам солдат по имени Петр Андреевич Перетятько, 13-го года рождения с хутора Дубровка, Черниговской области. Перед войной он командовал батареей, прошел финскую и польскую кампании. В 1941 году он со своей батарей стоял на Буге. Их полк разбили, и они с одной пушкой стали выходить из окружения группой в 12 человек. Попали в плен. Сидел в Кошарах, в Польше. Бежал, но его поймали, повесили на дыбу, нарезали из кожи ремней и бросили. Военнопленные его выходили. Второй побег ему удался, и он сумел добраться до своего дома. Когда Черниговскую область освободили в 1943 году, он пришел к командиру полка и говорит:

«Я такой-то, старший лейтенант, командир батареи. Был в плену, бежал». – «Ты знаешь что, пока некогда разбираться. Бери винтовку и становись в строй». Ему дали винтовку, он встал в строй и пошел в бой. После боя его вызвал командир полка и говорит: «Давай, подавай на восстановление звания». – «Я не хочу воевать офицером, хочу воевать рядовым!» Потом его ранило, и вот он после госпиталя попал к нам. Это был действительно вояка! Самый настоящий пушкарь! Он говорил мне: «Кацап ты! Я тебя научу, как воевать надо!» И он действительно нас, пацанов, учил, как надо воевать. Когда Петя вставал к панораме, то все – от нее он не отойдет, какой бы обстрел ни был. Мы все заберемся в окоп, а он стоит. Был такой случай. У Петрова, солдата из Горького, шустренького парнишки, сапоги посносились, а там немцев много побитых лежало. Он пошел и снял с убитого немца сапоги. Приходит и говорит: «Сапоги нашел!» Петя его спрашивает: «Где ты взял?» – «С немца снял». И тогда Петя направил на него автомат: «Где ты взял, туда положи. Ты знаешь, как это называется? Мародерство! Ходи босиком, но не бери». Вот такой был мужик! Петя был у нас негласный командир взвода. Официальным командиром взвода был «шестимесячный» младший лейтенант Мухин. Он ему говорил: «Муха, куда ты пушки поставил? Ты же задачу не выполнишь и людей погубишь. Надо одну пушку поставить здесь, а одну здесь. Понял?» – «Так точно». – «Так давай и делай!» Когда мы с ним воевали, у нас ни одной небоевой потери не было, а в других батареях были. Спали мы с ним вместе – шинель под себя, шинель на себя, вроде и не так холодно.

Как-то раз решили устроить баню. Заняли хату, воды нагрели. Гимнастерки на прожарку. Моемся, а тут налетают «мессера». И устроили нам… В соседнем доме размещался штаб полка. Как я понимаю, они по нему били. Мы голые повыскакивали и в разные стороны. Я забился в какой-то шалаш. Бомба попала в штаб полка, убила начальника связи полка, связистку и заместителя начальника штаба.

Там же, под Ковелем, у нас разбило пушку, и мы воевали как пулеметчики – у нас же каждому расчету полагался еще и пулемет «Максим». Как это произошло? Очень просто. Мы стоим на переднем крае в обороне, немец тоже в обороне. Стрелять нельзя, чтобы не раскрывать свои огневые позиции. Для того, чтобы нам дать немножко практики, нас вытащили стрелять с закрытых позиций километров за шесть от передовой. Командир батареи увидел готовую огневую позицию для 122-мм гаубиц. Четыре окопа, ходы сообщения – все было сделано капитально. Он решил на нее поставить батарею. Выслал на передний край

взвод разведки с рациями: они нашли цель, подготовили данные. Все расчеты у своих пушек, но стреляет только первое орудие. После того как оно пристреляло цель, мы ввели на всех орудиях необходимые поправки и беглым огнем пять снарядов на орудие по цели выпустили. Попали там, не попали… Отдыхаем. Май месяц, хорошая погода. Мы ведь в тылу! Ходить в полный рост можно! Не стреляют! А то ведь все время ползком, под огнем… Сидим в блиндаже, накрытом соломой. Вдруг слышим, у немцев такой звук: «пок!» – потом шум снаряда, разрыв перед нашими позициями. Прошло какое-то время. Опять звук летящего снаряда – и взрыв за нашей огневой: «Ребята, вилка! Разбегайтесь!» Мы разбежались. Немец положил еще два снаряда точно по огневой, а потом их дивизион как ударил по нам! У нас никого не убило, никого не ранило, но две пушки вышли из строя. У нашего орудия взрывом снаряда, разорвавшегося между станин, разбило казенную часть. У другой пушки был разбит дульный тормоз. Только сделали перекличку – опять налет. То есть мы выбрали огневую позицию, которую немец уже пристрелял. Она стоила нам одной пушки: нашей, у которой была разбита казенная часть. С нее свернули дульный тормоз и поставили на другую пушку – она продолжала стрелять, а мы с пулеметом воевали.

Бой расчета Маркова Ч.Д. с самоходкой

Кормили нас там пшенкой и американской тушенкой. Утром и вечером кто-нибудь из расчета ходил на кухню – днем уже не вылезешь. Три месяца пшенка и тушенка!! Это кошмар какой-то. Уже выворачивало. Желудком мучались… По ночам вылезали на

поля, собирали невыбранную с осени картошку. По весне спасались зеленью.

Меня как-то послали за кашей. Одному на кухню скучно идти – все же почти пять километров, и я зашел в соседний расчет, спросить, кто от них пойдет. Уже стало светать, я стоял на коленях и разговаривал со старшиной. Чуть-чуть приподнял голову, и тут как бревном удар по затылку. Я как стоял на коленях, так и упал. Слышу, старшина говорит: «Ну, готов». Я приподнялся. Оказалось, что снайперская пуля пробила бруствер окопа и плашмя ударила меня по голове. Старшина ее поднял, еще тепленькую: «На, тебе на память».

В июне началось наступление. Стало более-менее нормально с питанием – трофеями разнообразили. Правда, само население бедное было, да к тому же прижимистое. Поляки всё время говорили: «Курва его мать! Герман вшиско забрал!» Иногда заезжаем в какое-нибудь село: «Пани, дай воды». – «Нема». – «Воды, что ли, нет?» – «Вшиско герман забрал, остальное солдаты растащили». Уже ребята стали смеяться над ними. «Пани, триппер маешь?» – «Цо? Трохи было, герман взял, остальное солдаты на самоходах растащили».

На станции города Окунь стояли три эшелона, и в том числе один с трофейной техникой. Мы смотрим – на платформе стоят наши ЗИС-3, только перекрашенные в желтый немецкий цвет. На колесе одной из них написано: «Х… писал пленный такой-то». Мы ее скатили с платформы, пристреляли и опять стали артиллеристами.

В одном из боев, когда мы поддерживали наступающую пехоту, нам приказали продвинуться вперед. Мы подцепили пушку к «студебеккеру», сами сели в кузов и поехали. Едем по открытой местности. Впереди деревня. Правее нас метров на сто идут два Т-34 и «студебеккер». Мы сидим в машине, пули посвистывают. До деревни оставалось метров 600, когда из нее вышел «фердинанд». Выстрел по Т-34 – факел! Второй выстрел – второй факел! Третий выстрел – от «студебеккера» только колеса вверх полетели. Все это на наших глазах. Понятно, что следующий выстрел по нам. Шофер развернул машину, мы соскочили, быстро отцепили пушку, два ящика снарядов выбросили, и «студебеккер» умчался. Расчет весь разбежался. Командир орудия сержант Нестеренко убежал метров за 100! Остались у орудия наводчик, я и Петя. Вот мы теперь цель для «фердинанда», и жить нам осталось дай бог несколько минут. Наводчиком был трусоватый Кузнецов, с 18-го года, из Свердловска. Он встал к панораме, а у него руки трясутся. Я спрашиваю: «Ты чего дрожишь-то?» А у него психоз – он

чувствует, что сейчас нам дадут. Петька подошел к нему, говорит: «Иди отсюда!» Как дал ему в ухо, тот через станину перелетел. Мне говорит: «Коля, давай бронебойный!» Выстрел! Я смотрю, куда трасса пошла, и говорю: «Петя, прямо по направлению хорошо, но выше». Тогда он говорит: «Ну-ка дай подкалиберный». Я дал подкалиберный. Он раз, – и этот «Фердинанд» загорелся! Мы с Петей сели на станину, смотрим друг на друга и молчим. Ведь мы знали, что сейчас нам капут будет! Вдруг кто-то спрашивает: «Кто стрелял?» Я поворачиваю голову, смотрю – майор, заместитель командира полка. Оказывается, он сидел рядом в окопе. Как он там оказался, я не знаю… фамилии его не знал, нам до начальства неинтересно было ходить, у нас свой коллектив. Я молчу, Петя тоже. И вдруг сбоку голос: «Расчет сержанта Нестеренко». – «Товарищ Нестеренко, я вас представляю к ордену Отечественной войны». Когда бои завершились, Нестеренко получил орден Отечественной войны, а нам дали на расчет тысячу рублей за подбитый танк. Но мы не получили эти деньги, а только расписались, что сдали их в Фонд обороны.

Больше за всю мою службу в ИПТАПе у меня встреч с танками не было. Нас все время гоняли по фронту 47-й армии. За эти восемь месяцев девяносто шесть огневых я выкопал, но стрелять по танкам не пришлось. Приходилось ли нам сопровождать пехоту «огнем и колесами»? Нет. Иногда, правда, стреляли по немецким огневым точкам, но редко. Мы были противотанковым резервом армии, нас ставили только на танкоопасных направлениях.

– Что тяжелее переносилось, участие в боях с его нервным напряжением или беспрерывный труд?

– Конечно, труд. Во-первых, при смене огневой позиции машину приходилось оставлять далеко от передовой, чтобы немец не обстрелял и потерь не было. Это значит, пушку весом больше тонны расчет ночью должен на лямках дотащить до будущей огневой. А потом на горбу еще и ящики со снарядами, каждый весом по 75 килограммов! Три человека копают окопы для пушки и расчета, трое эти ящики таскают, водитель с помощником в машине. А было, утром просыпаешься, смотришь – перед тобой стена кирпичного завода! Эти огневые позиции доставались кровью и потом.

– Сколько человек было в расчете орудия?

– Восемь: командир расчета, наводчик, заряжающий, первый станинный, второй станинный, подносчик, водитель, помощник водителя. Это была дружная семья. Копали мы как-то в Польше траншею и откопали железный ящик. Открыли его, а там 50 тысяч злотых 36-го, 37-го, 39-го годов. «Что делать, ребята?» Разделили

поровну на каждого, и ну в карты играть в очко. Потом решили на все эти деньги купить самогон. Быстренько договорились, и на 50 тысяч купили 50 бутылок самогона. Это помогало нам после устатку. Когда я в пехоте воевал, нам давали водку. В артиллерии тоже давали, но очень редко. Здесь уже мы сами добывали самогонку.

– Командир расчета работает вместе со всеми, или он занимается другими делами?

– Все зависит от человека. Конечно, командир и наводчик на кухню не ходят, но работают со всеми вместе. Не было такого, что ты, мол, выкопай мне окоп, а я постою, посмотрю. Если ты повел себя неправильно, тебя могут запросто застрелить. Нет командира – нет проблемы. Там были совершенно другие отношения. Перед боем человек искренний. Он выкладывается, он чистый душой. Там уже не обманешь. Это совершенно другая психология!

Вот, например, я должен был очищать снаряды ветошью от смазки, но если делать было нечего, то весь расчет мне помогал. Правда, к нам снаряды редко в смазке приходили. Обычно они были чистые – с конвейера прямо на фронт, я так думаю.

– В чем особенность работы заряжающего?

– Вовремя подать снаряд и зарядить. Надо знать типы снарядов и быстро выполнить необходимые действия. Помню, что боекомплект был 135 снарядов, а вот в какой пропорции какие снаряды были, не помню. Все зависит от того, как выдают… Нормативы есть, но кто знал эти нормативы? Наше дело было стоять у пушки!

– В чем заключалось обслуживание орудий?

– Чистка после каждого марша. После стрельбы – обязательная чистка. Выверкой прицельной линии «по кресту» занимался наводчик. В случае каких-то неисправностей на батарее было два оружейных мастера, которые их устраняли. Но неисправности редко случались – пушка была надежная.

– Какое расстояние между орудиями?

– В зависимости от местности примерно 50-150 метров. Так – чтобы, как в кино, колесо к колесу стояли, такого не было. Так, может быть, только на салютах стреляют!

– Приметы или суеверия были?

– Я человек не суеверный, но в судьбу верю. Перед уходом на фронт мне отец сказал: «Сынок, запомни – не бери чужого, своего больше потеряешь». Я никогда ничего не брал. Вот лежит немец, у него часы на руке. Никогда не возьму! Эту заповедь я запомнил на всю жизнь.

Мой брат с 1923 года, он был стрелком-радистом на

бомбардировщике. Он очень хорошо играл на баяне, и его заметил командир дивизии. И вот они должны были лететь бомбить Севастополь, уже все на местах, – вдруг «виллис». Адъютант командира дивизии: «Маркова с баяном в штаб дивизии». Вместо брата сел другой стрелок, а самолет не вернулся. Вот такие случаи были!

Еще помню, выбрались с передовой в тыл. Приходим, а у помощника водителя задница вся опухшая. Спрашиваем: «Что такое?» – «Фердинанд» болванкой по жопе влепил!» Оказалось, что он сидел на ведре, чистил картошку. Случайная болванка, на излете отрекошетировав от земли, долбанула его по заднице. Надо же, «господин случай» свел болванку с жопой!

– Какой был самый страшный эпизод на войне?

– Они все страшные, но самое страшное – это неизвестность. Вот тащишь ты ночью ящик со снарядами и не знаешь, где передний край, и не у немцев ли ты уже. Был еще страшный эпизод, когда мы налетели на минное поле. Ночью, повесив на спину простынь, чтобы водитель мог видеть, куда он едет, шли к передовой. За нами метрах в десяти ехал «студебеккер» с прицепленным к нему орудием. Вдруг «бабах!» – «студебеккер» наехал правым колесом на мину. Колесо вдрызг. В машине сидел и водитель и санинструктор. Последнему взрывом «отсушило» ногу. Он таким диким голосом орал, а ранения никакого нет! Потом опять небольшой взрыв, – и опять крик. Подошли, – что такое? Наш солдат, который с Западной Украины, пришел на пополнение… Ведь есть закон войны: прошла машина, иди в колее, – а он в сторону отошел и нарвался на мину. Все ребята шли за пушкой по колее, а он вышел справа от следа колеса, наступил на противопехотную мину, и ему перебило ногу. Вызвали саперов. Они столько мин вытащили, кошмар! Подошел еще один грузовик. Стали выезжать, и он подорвался. Второй раз прислали саперов, снова разминировали, опять мины вытащили. Потеряли две машины…

Страшно было, когда у «студебеккера», на котором мы ехали к фронту, поплавились подшипники. Полк ушел, а нас оставил в бандеровской деревне. Мы по двое круглосуточно по четыре часа стояли на посту, развернув пушку к бою, пока через несколько дней нам не прислали летучку, которая привела машину в порядок. Вот это было страшновато. Когда ты знаешь, что там впереди, это можно пережить, – кто кого. А когда ты не знаешь обстановку, неизвестность психологически напрягает…

– Какое было отношение к немцам?

– Нормальное отношение, как к врагу. Ненависти у меня лично не было. Не видел я и того, чтобы пленных расстреливали.

– Как на фронте с туалетной бумагой?

– Какая там туалетная бумага, если вообще бумаги не было?! Не на чем было писать, писали на газетах! Летом трава, зимой снег – вот и все.

– Политработники у вас появлялись?

– Я отдаю должное этим людям. Это были инженеры человеческих душ. На войне человеку тяжело, ему надо поговорить. Эти ребята были культурные, вежливые. Они выполняли свою функцию по воспитанию человеческой души. Я сам наблюдал, как перед боем в Польше пехотинцев агитировал полковник, замполит. Мы стояли рядом с пехотой. Ударили «катюши», и не по немцам, а по нам. И вот когда дали команду «вперед», – он первым поднялся и своим личным примером повел ребят в атаку. Это был пример, убеждение, это было то, что нужно. И когда я потом служил, то много сталкивался с политработниками. Это зависит от человека, но в принципе, это нормальные ребята. Они воспитывали правильное отношение человека к человеку.

* * *

С 163-м полком я дошел до варшавской Праги. Дело было в ноябре. Орудие мы поставили с западной стороны какого-то дома, а себе вырыли окоп с его восточной стороны, так, чтобы при обстреле стены его создавали мертвое пространство для падающих снарядов и мин. Помню, нас обстрелял немец из «Ванюши» – шестиствольного миномета. Я последним прыгал в окоп. Мина взорвалась на балконе. Черепками и осколками на мне посекло одежду, но самого не задело. Потом стало как-то тихо. Вдруг кричат: «Марков, к комбату!» Я пришел к нему: «Ты поедешь учиться на офицера». – «Я не хочу быть офицером. Я уже посмотрел на всю эту грязь войны, не хочу быть офицером». – «Ты знаешь закон военного времени?» – «Так точно, знаю». – «Вот тебе боевая характеристика. Давай, чеши в тыл, к старшине. Он знает, что делать». Я прихожу в расчет, говорю: «Петя, меня направляют в училище офицеров». – «Тебе же повезло.

Пока еще до логова фашистов доберешься, знаешь, сколько еще будет боев? Сколько будет всяких испытаний? Поэтому ты бери все наши трофеи, все, что есть у нас, и чеши к старшине». А какие у нас были трофеи? Сало – вот и все трофеи. Чтобы добраться до старшины, нужно было пробежать по открытому месту метров пятьсот до нашего подбитого танка. Под ним был вырыт окоп, называвшийся «пересадка». В этом окопе переждать, пока немцы успокоятся и перестанут стрелять, и уже тогда пробежать еще метров триста до холмов, за которыми немцы ничего не видят. Я говорю: «Ребята, до свидания». Взял «сидор» и

побежал. Слышу, стреляют, я под танк залез. Обстрел прекратился, я снова в рывок – и ушел. Вот так я закончил войну.

Борисов Михаил Федорович

Я родился на Алтае в поселке Михайловском Баевского района. Поселок был небольшой – домов 20, притаившихся под зелеными кронами берез. Возле нашего дома бил родничок, соловьи гнездились. Вокруг поселка были конопляные поля. Тогда никто не знал, что коноплю курить можно. Дед, старый семиреченский казак, старался воспитывать внука по-своему. В два или три года он посадил меня в седло. Когда мне исполнилось четыре года, отец поставил в комнате табуретку, на двери нарисовал мишень, зарядил берданку слабеньким зарядом. Я выстрелил, он сказал, что я попал. Не знаю, может, и обманул. Все это я рассказываю к тому, что с раннего детства меня готовили к воинской службе. Так было принято.

Потом мы переехали в город Камень-на-Оби. В школе у нас был хороший военрук, участник боев на Хасане, награжденный медалью «За боевые заслуги». Хоть и не очень грамотный мужик, он любил свое дело и нас, детей. Буквально дневал и ночевал с нами, а мы за ним толпой ходили – первого награжденного увидели. Короче говоря, я знал устройство винтовки, револьвера, пулемета.

В ночь на 22 июня мы с отцом рыбачили за городом. Домой вернулись после четырех пополудни. На нашей улице только у нас было радио. Когда передали, что будет правительственное сообщение, мама раскрыла окно и выставила репродуктор на подоконник. Вокруг толпились соседи, звучала речь Молотова. Помню, лица у всех были хмурые. Только недавно очухались от финской кампании, а тут снова… На следующее утро, еще до

рассвета побежал в военкомат. Почти все мои одноклассники, которые были постарше меня, были там. Кого по повестке вызвали, кто сам пришел. Весь двор в военкомате был заполнен людьми! Там меня, естественно, завернули – мне только что исполнилось 17. Побежал в райком комсомола. Там тоже дали от ворот поворот – иди, мол, учись; надо будет – призовут. А мне не терпелось! Думали-то как? Два-три месяца, и война закончится! Я – снова в военкомат. Попал на прием к военкому, он – ни в какую. Я буквально со слезами на глазах умолял! Наконец он сказал: «Ладно, но на фронт я тебя не пошлю. Пойдешь в Томское артучилище». Обидно, конечно, но иного выхода не было. Пришлось согласиться, и уже в конце июня, начале июля я попал в юргинские лагеря. Там прошел мандатную комиссию, был зачислен в училище.

Помню первые стрельбы из 76-мм полковой пушки по движущейся мишени. Деревянный макет танка на длинном тросе тащила грузовая машина. Я с первого снаряда его разбил. Капитан Епифанов, командир батареи, говорит: «Не может быть. Давайте второй макет». Потащили. Я и его с первого снаряда разбил. Он матюгнулся: «Больше ему снарядов не давать, а то останемся без макетов». Удавались мне стрельбы и на винтполигоне. Что такое винтполигон? Это макетик местности, рядом с которым стояла 37-мм пушечка. В канал ствола вставлялся ружейный стволик и свинцовыми пульками мы учились поражать цель. Справедливости ради скажу, что ни тогда, ни после хорошо стрелять из пистолета и винтовки так и не научился. Из пушки получалось, а вот из личного оружия почему-то нет… Конечно, настроение у курсантов было паршивое. Мы не могли понять, почему наша армия отступает. Ведь перед войной трубили: «Малой кровью на чужой территории!» Некоторые говорили, что это стратегия такая. Но я тебе скажу, чтобы руководство или Сталина обвинять в этом? Нет! Упаси Бог!

Вот так четыре месяца проучились, а когда под Москвой сложилось тяжелое положение, меня и еще 150 курсантов погрузили в эшелоны и отправили на фронт. Приехали под Москву. Ребят «покупатели» сразу расхватали, а нас, человек 20-25, то ли самых молодых, то ли наиболее подготовленных, опять посадили в теплушки и отправили в Краснодар, в пехотное училище. Мы месяц были в дороге! Оборванные, грязные, те, кто постарше, заросли щетиной. Вид был, мягко говоря, непрезентабельный. Построились мы на плацу, вышел начальник училища, пожилой, высокий, худощавый, холеный генерал. Прошел вдоль нашего строя, осмотрел нас и резко бросил: «Мне таких курсантов не надо!» На другой день «покупатели»

расхватали нас по разным частям, и я стал наводчиком 50-мм ротного миномета. Надо сказать, что участь наша незавидная – минометчик находится в порядках пехоты, но если пехотинец может за кочкой спрятаться, то ты вынужден работать на коленях. Мина летит всего на 400 метров, слабенькая.

Мы немного постояли на переформировке, потренировались в стрельбе, и в конце декабря пошли в Темрюк грузиться на рыбацкие сейнера. Керченский десант… Я еще с детства очень хотел служить на флоте. Почему хотел? Как я сейчас думаю, из-за брюк «клеш» и бескозырки. Но как же меня укачало, пока мы шли из Тюмрюка в Камыш-бурун! Матросы говорят: «Сынок, ты давай спирта глотни, селедкой закуси, легче будет». Я об этом и думать не мог! Сейнер и так пропах этой рыбой! Вылез на палубу, прислонился к мачте… Травил по-страшному. Тут налетели немецкие самолеты. Один сейнер ушел под воду, второй… всего девять сейнеров потопили. Я стоял и молил, чтобы бомба попала в мой, чтобы не мучиться, потому что казалось – страшнее морской болезни ничего в жизни нет…

Высадились очень удачно. Попрыгали в ледяную воду, вскарабкались на берег, по нам почти не стреляли. Керчь мы освободили буквально за несколько часов. Через пару дней в роте осталась примерно половина личного состава. Остальные были ранены или убиты. Минометы были разбиты. Двое суток мы были не у дел, а тут наши захватили три или четыре немецких орудия. Сколотили расчеты. Мы быстро разобрались в немецкой системе, развернули орудия в сторону немцев и несколько часов били по их позициям, благо проблем со снарядами не было – рядом высились штабеля с боеприпасами. Потом нас раскидали по разным частям. Я попал на недельку-две в разведку, но видно, не показался там. Что я? – зеленый юнец, 17 лет… Поставили меня наводчиком 82-мм миномета. Пробыл я там недолго, месяца два, наверное. 22 марта, в день моего восемнадцатилетия, меня тяжело ранило и контузило недалеко от Владиславовки. Лечился в госпитале, располагавшемся в Ессентуках. Оттуда в конце лета 1942 года меня направили в 36-й Гвардейский стрелковый полк 14-й Гвардейской стрелковой дивизии. Вот там я уже начал воевать по своей основной профессии – стал наводчиком «сорокапятки». Пехота, да и мы свои пушки называли «Прощай, Родина» или «Смерть расчета». За те четыре месяца, что я пробыл под Сталинградом, мой расчет 5 раз полностью сменился, а меня не задело ни осколком, ни пулей. Вот что значит судьба. Как на роду написано – так и будет.

Ну что сказать о боях под Сталинградом? Дивизия форсировала Дон севернее его и четыре месяца вела бои по

расширению плацдарма, отвлекая немцев от города. 1 сентября, помню, стояли мы во втором эшелоне. Рано утром только встали, кто умывался, кто брился – видим, низко-низко, мимо нас летит немецкий биплан «Хеншель», как мы тогда их называли. Ну, все давай по нему палить. Он пошел на снижение и плюхнулся. Мы – к нему. Одна пуля в него попала и та прямо в сердце летчику! На втором сиденье съежился, как нам потом сказали, майор разведотдела какой-то немецкой части.

В ходе боев мы захватили часть села. Вроде называлось оно Осиновка, но точно я сейчас не помню. Дневали мы в подвале, а продукты нам привозили по ночам. Это был завтрак, обед и ужин. Днем никто не мог пробраться. Однажды нам привезли тушу барана. Ни хлеба, ничего не было – одно мясо. На нашей половине, метрах в 150 от подвала, где мы сидели, догорал дом. Я нарезал баранины в котелок и пошел пожарить ее на этом пепелище. Подхожу. Спокойно шел во весь рост, ни одного выстрела не было. Ставлю котелок на угольки, и в это время по ним пулеметная очередь – трах! Брызги огня во все стороны! Мой котелок падает набок, я отскакиваю метров на пять за кирпичную стенку. Мысль, что меня чуть не убили, не возникла, думал я в этот момент только о перевернутом котелке и вытекающем из него жире. Постоял-постоял, и пошел, пригнувшись, спасать еду. Только руку к котелку протянул – опять пулеметная очередь по углям! Я опять отскочил за стенку. Понятно, что если бы хотели убить – убили, а так просто развлекаются. Бог с ним, с котелком, решил вернуться к своим. Пошел, прячась за этой кирпичной стенкой. Сначала она была выше меня, потом в мой рост (я еще шел спокойно). Постепенно она сходила «на нет», а когда стала сантиметров 50, я вдоль нее пополз. Только стенка кончилась, гляжу, летит немецкий самолет. Не долетая до меня, сбрасывает бомбу. Я понимаю сейчас, что он не в меня бросал ее, а просто на нашу территорию. Но летела-то она прямо в меня! Не долетела метров 50, наверное… Огромный взрыв – облако пыли, дыма… Я, прикрываясь этим облаком, рванул к своему подвалу, до которого оставалось совсем немного, и нырнул головой вниз. Удачно – ничего не сломал, не повредил. После этого я уже днем жарить баранину не ходил. На следующую ночь мимо нас прошли пехотинцы. Мы их спрашиваем: «Что? Отступаете?» – «Нет, нас меняют», – обманули, наверное. Вскоре появилась группа солдат. Часовой крикнул: «Стой, кто идет?!» – Молчат. – «Стой, стрелять буду!» и за автомат, а он не стреляет! ППШ чем плохи? Если чуть песок попал или чуть ржавчина появилась – отказывал. Часовой вбежал к нам в подвал: «Вставай! Немцы!» Тут уж другой команды не надо. Я как был в носках, так и выскочил – сапоги остались

там, а панораму прихватил. Немцы уже рядом, лупят из автоматов: «Алле, рус, вперед!» Они тогда еще свое превосходство чувствовали, издевались над нами, а мы бежим. Ракеты бросают, светло, как днем… И вот одна ракета падает на дорогу в метре от меня и горит. В ее свете я превратился в отличную мишень. Упал. Только она погасла, я рывком и – через Донец. А в руке панорама! Сапоги там оставил, но панораму вынес. Утром нас – в особый отдел. Ко мне претензий нет – панорама с собой, а командиру взвода лейтенанту Кузнецову сказали: «Если пушки не вернешь, пойдешь под трибунал». Пошли ночью, зацепили пушки, подтащили на веревках к берегу Донца без единого выстрела. С крутого берега сбросили их на лед. Тут немцы открыли по нам огонь, но поздно – мы уже были под прикрытием берега и тащили орудия к себе.

Запомнился еще случай с подкалиберными снарядами, произошедший в селе Петровка. Эти снаряды появились у нас в конце 1942 года. Дали их две штуки на орудие, предупредив, что они засекречены. А мы их потеряли. Дело было так. Местные жители, или партизаны согласились ночью провести нас в тыл противника, с тем, чтобы одновременной атакой с фронта и тыла овладеть этим селом. И вот батальон, усиленный нашим взводом «сорокапяток», минометным взводом и взводом ПТР, ночью по оврагам и буеракам завели в тыл немцам. С рассветом мы пошли в наступление и легко овладели половиной села. А те, кто атаковал с фронта, откатились назад, и мы оказались в мешке. Правда, сами этого еще не знали. Ребята разошлись по хатам, кто бриться, кто мыться. А я с одним парнем, Подкорытов его фамилия, остался у орудия. Глядим, километрах в двух появились немецкие машины. Ты можешь только глазами их есть, а сделать ничего не можешь. Они подъехали метров на восемьсот, из них стали выпрыгивать пехотинцы, которые, спешившись, двинулись в нашу сторону. Свист пуль все усиливается и усиливается. Стали они по брустверу щелкать. Мы спрятались в окопчик. Посидели, чувствуем, что пока мы тут будем сидеть, немцы придут и нас голыми руками возьмут.

Бой зимой. На этой фотографии расчет орудия состоит всего из четырех человек.

Выскочили из окопчика, спрятались за орудийный щит. Немцы близко. Со всех хат бегут наши солдаты, наш командир взвода тоже бежит, бледный: «Ребята, успеем прицепить орудие?» Успеем, не успеем, а надо… Подвели лошадей, станины на передок, раз, зацепили и – в овраг, что начинался прямо от нашей позиции. Немцы нам в спину лупят! И вот пулеметная очередь – лошади падают, а мы как бежали, так и продолжаем бежать. В руке у меня панорама. Я с ней никогда не расставался, ни днем, ни ночью. А тут еще «мессера» появились, лупят вдоль этого оврага. В какой-то момент я понял, что я стараюсь подлезть под убитого солдата, хотя прекрасно понимал, что тело человека – это не защита. В таких ситуациях очень многие действия рефлекторны, никак не связаны с реальностью. (Однажды я попал под «карусель» немецких бомбардировщиков. Отбежал всего метров на 50 от дороги, уткнулся носом в землю, и те минут пятнадцать-двадцать, что немцы нас обрабатывали, я лежал, держа ящик с панорамой над головой, хотя знал, что это никакая не защита от крупнокалиберного пулемета или осколков, но подспудно сознание подсказывало, что надо держать что-то над головой. Когда закончился этот налет, я очнулся стоящим посередине дороги. Как я туда выбежал?! До сих пор не понимаю! Думаю, это был психологический срыв.)

В общем, выбрались, бежим в тыл немцам. Из нашего взвода человек семь, несколько минометчиков и пехотинцы; всего человек, может, 17. Устали, замерзли. Наткнулись на стог сена, полезли в него греться. Я лежу и думаю: «Немцы за нами идут. Если не сейчас, так через полчаса будут здесь. Голыми руками возьмут». Вылез. Ребята тоже повылезали, и вот мы давай бежать дальше. В одном селе попросили у хозяев что-нибудь поесть. «Ребята, у нас ничего нет. Кормимся только жмыхом». – «Давайте жмых». Дали нам по куску жмыха. Знаешь, какой он вкусный, когда живот от голода подводит? Группа разделилась – стрелки и минометчики взяли немножко правее, а мы на какую-то кручу залезли, что-то вроде луночек выкопали, чтобы хоть немножко спрятаться от ветра, залегли. Кто-то из ребят говорит: «Давайте свои документы спрячем». Начали рыть ямки, прятать документы. Я тоже спрятал. Дождались темноты. Командир взвода говорит:

«Что будем делать?» Надо же переходить к своим. Внизу под нами проходила дорога, по которой нет-нет, да и шел противник. Как перейти? Страшно, вдруг напоремся? Тут на нашу беду или счастье, Бог его знает, на дороге появился длинный-длинный обоз. Немцы или румыны куда-то передвигались. Мы ждем, ждем – конца нет. Решили идти, а то рассветет, и мы опять останемся в тылу у немцев, опять голыми руками нас могут взять. Потихоньку спустились и пристроились к этому обозу. Кто за одной повозкой, кто за другой, потом выбрались на противоположную сторону, на заросшее полынью пологое место. Я с километр прошел, думаю, надо остановиться. Смотрю, идет мой товарищ. Через некоторое время увидели остальных, присоединились к ним. Один солдат говорит: «Я в повозке фляжку нащупал, стащил. Глотнем, может, там вино или вода». Пить-то хотелось. Глотнул. Тьфу! Мать твою – растительное масло! По-моему, по глотку мы все-таки сделали, но это просто от голода. Подошли к Донцу. По тонкому льду ползком кое-как перебрались на другой берег и буквально через полчаса наткнулись на остатки своей батареи. Спросили покушать. Ребята говорят: «У нас ничего нет кроме муки». – «Давайте». Старшина выдал по полкотелка этой муки. Мы водой развели, разболтали, выпили. Это был наш завтрак, обед и ужин.

Командира взвода лейтенанта Кузнецова и нас опять потащили в особый отдел. Вызвали меня, спрашивают, где документы? Я говорю, зарыл. Они говорят: «Хорошо, проверим. А где панорама?» – «Вот она». – «К тебе вопросов нет, иди». К остальным тоже вопросов не было. Второй наводчик тоже сохранил панораму. А командира взвода за потерю пушек и подкалиберных снарядов и за предыдущий эпизод отдали под трибунал…

И вот 1945 год. Я иду по мосту через Одер, обгоняет меня полуторка. В кузове капитан лупит во всю силу кулаком по кабине. Машина останавливается. Он соскакивает, подбегает ко мне: «Здорово!» – «Здравия желаю, товарищ капитан». – «Ты что, меня не узнаешь? Ты что, своего командира не узнал?» – «Ой, лейтенант Кузнецов!» Был в штрафбате, в первом бою ранило, судимость смыл кровью и к концу войны уже был начальником штаба артиллерийского полка. Минут пять мы поговорили, шофер кричит, торопится. Даже не успели адресами обменяться. Обнялись на прощание, он в кузов, я – к себе. Только они уехали, летит немецкий самолет и тащит за собой маленький самолетик. Я у солдат спрашиваю: «Что это?» – «Это большой маленького купаться везет». Не долетая немного до переправы, маленький самолетик отцепился и пошел в пике, на нас, но не долетел до моста, упал в воду и взорвался.

Помню, в станице Морозовская захватили немецкие армейские склады. И мы, и местные жители вдоволь попользовались их продуктами. Когда шли по улице, жители выхватывали солдат из строя и уводили домой в гости. Ко мне старушка подходит со слезами: «Сынок, у всех гости, а ко мне никто не идет. Пойдем ко мне». Я пошел. В одной комнате чугунки с горячей водой стоят, в другой комнате – корыто, рядом – чистое белье. Она говорит: «Сынок, ты помойся, смени белье, грязное брось в угол, я потом постираю». – «Да не надо белья». – «Нет, переоденься, это белье моего сына, может быть, его там тоже кто-нибудь обогреет». Я помылся, переоделся. Выхожу. На столе уже – сковородка с картошкой и тушенкой. Картошка у них, естественно, своя. А тушенка немецкая. Я первый раз за то время, пока был на фронте, наелся! Я говорю: «Спасибо, спасибо». – «Тебе спасибо, что не побрезговал, зашел». Пошел искать своих. Зашел в хату, смотрю, сидят. Уже все наелись, отвалились. За столом сидит ездовой Илья Беликов – такая, примерно 185 сантиметров ростом и килограмм на 100 весом, детина. Если нам, мелкокалиберным, солдатской пищи не хватало, то ему тем более! Перед ним здоровая сковорода. В ней тоже была картошка с тушенкой, но уже ничего нет – все съедено, а он все скребет ее и на лбу – градины пота, от усердия. Потом он вышел во двор, и я вскоре. Смотрю, а он сидит на орудийном передке, перед ним бочонок трофейного мармелада, и он саперной лопаткой лопает этот деликатес. Похохотали немножко.

Той зимой лошадей нечем было кормить. Фураж подвозили редко. Приходилось соломенные крыши разбирать на корм. Хотя солома наполовину с глиной, разве это корм?! Лошади себя-то не могли передвигать, не то что орудие. Перед взгорком этот Беликов распрягал лошадей, затаскивал их наверх, а потом брал на плечи станины «сорокапятки» и один ее затаскивал! Потом, когда я попал в механизированную бригаду, я вздохнул с облегчением. Я люблю лошадей, но на войне лошадь – это не тот вид транспорта.

С Беликовым еще такой эпизод был. Как-то раз мы его послали на кухню. Он набил хлебными кирпичиками вещмешок. Как он нам потом рассказывал: «Иду и думаю, если сейчас кусочек не съем – упаду!» Отломил кусочек от булки и съел, потом еще и еще. И всю булку слопал. Его разморило, спать захотелось. Он подумал, что полчасика вздремнет, а потом бегом наверстает упущенное. Просыпается, а солнце уже садится. Думает: «Мне ребята голову снесут. Без хлеба ж сидят!» Кинулся бежать, больно. Смотрит, а у него задник у сапога разворочен и в крови. Когда спал, где-то разорвалась мина, осколком ранило его

в пятку, а он не проснулся! Забинтовали ему ногу. В санбат не пошел. Молодые были – все быстро заживало.

В начале 1943-го дивизия куда-то передислоцировалась. Я был простужен и, видимо, была высокая температура. Шли ночью в снегопад. Я вцепился в повозку и дремал на ходу. Рука отцепилась, я упал и не проснулся. Ребята заметили, растолкали, подняли, я вцепился, прошел немножко и опять упал. На этот раз никто не заметил, и когда очнулся, никого рядом не было. Я валялся на дороге. Пытался понять, в какую сторону мне идти, но потом просто к обочине привалился и задремал. В это время ехала машина, в которой, как потом выяснилось, находился начальник политотдела 58-й механизированный бригады второго танкового корпуса майор Щукин. Он меня заметил, посадил в машину, увез. Через какое-то время я оклемался, и меня назначили наводчиком орудия ЗИС-3 в отдельный истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион.

Прошло много-много лет, я уже стал членом Союза писателей и решил написать мемуары. Два с хвостиком месяца сидел в Подольске в архиве Министерства обороны, листал документы 14-й гвардейской стрелковой дивизии. Попалось мне донесение политотдела дивизии, что утром, на следующий, после той ночи, когда я отстал, день, дивизия заняла оборону. Огневые позиции заняла и батарея «сорокапяток». При налете вражеской авиации погиб расчет под командованием сержанта Ильченко. Это мой расчет. Не заболей я и не свались, окажись с ними…

Несколько слов об орудии ЗИС-3. Оно было легкое. Если поднатужиться, я один мог его повернуть, а вдвоем это сделать, вообще, была не проблема. Вдвоем его и перекатить можно, а впятером и по песку тащить. Горизонтальный и вертикальный угол наводки были большими. Редко, когда за станину приходилось ее поворачивать. Один недостаток был у него – дальность прямого выстрела всего 600 метров.

Пошли мы в наступление. В Ворошиловградской области я в первый и единственный раз увидел психическую атаку немцев. Не как в фильме «Чапаев» – там шли плечом к плечу, а тут шли три цепи, и у них все-таки между солдатами было полметра расстояния. Это было дико… Нам потом говорили, что это была дивизия, только что прибывшая из Франции, в боевых действиях еще не участвовавшая. Мы подпустили их метров на 400 и открыли беглый огонь. Жутко было – их же много. Тут еще подбежало два пулеметных расчета – стало полегче. Я стрелял по ним, а потом командир взвода лейтенант Володя Красноносов говорит: «Миша, смотри, по гребню идет автомашина, за ней пушка, и солдаты сидят в кузове». Я один снаряд туда – машина в

воздух, пушка кувырком, а я опять перешел стрелять по цепям. Уложили их всех. Ребята потом ходили по полю, искали фляги с коньяком. Раз уж они из Франции, то должен же быть коньяк?! Фляг было много… у каждого солдата, но коньяка нигде не было. Потому что ни одной целой фляги не было, все были продырявлены. Такой был огонь. Когда в Крыму из немецких пушек стреляли, никто даже спасибо не сказал, а тут я впервые услышал от командира взвода: «Спасибо, ты хорошо стрелял».

Через 2 дня, числа 11-го или 12-го февраля, вошли в совхоз «Челюскинец». Во взводе оставалась одна наша пушка. Где была вторая пушка, не знаю, но с нашей пушкой был командир взвода. Орудие поставили у крайней хаты, за которой начинался овраг. Нашей пехоты не было, да и где находится противник, мы не знали. Видим, за оврагом идет танк с крестом на башне. Я командую: «Бронебойный». Зарядили. Я кручу маховичками – сейчас влуплю. Вдруг из оврага выбегает человек в шинели нараспашку с полковничьими погонами, в руке пистолет. Подбегает ко мне: «Не стрелять, это наш танк!» Я говорю: «Какой наш, там кресты!» Он кричит: «Не стрелять!» Командир взвода дает команду: «Отставить!» Полковник нырнул за хату, и больше мы его не видели. Танк зашел за кусты, и как шарахнет по нам болванкой. Снаряд пролетел буквально в нескольких сантиметрах над щитом и развалил стену хаты. А нам уже стрелять было поздно. Мы потом между собой говорили, что это был немецкий разведчик. Я не могу утверждать этого, но до сих пор не могу себе простить, что я послушался его и командира взвода. Надо было его просто задержать, а потом пусть выясняют, кто он такой. Танк сделал только один выстрел и скрылся. Пока мы это обсуждали, засвистели, зацокали по щиту пули. Посмотрел, а на нас с правого фланга по глубокому снегу в полный рост идет цепь немецкой пехоты. Расстояние до нее метров сто. Мы свою пушку развернули – и давай стрелять! Много их уложили. Снарядов 15-20 выпустил. Те, кто живы остались, залегли в снегу. Я начал стрелять по кронам одиночных деревьев, что росли недалеко от залегших немцев. Штук 5 снарядов выпустил, и они не выдержали – вскочили и рванулись в овраг. Поднялось их человек десять, не больше. Мы опять пушку развернули, и если бы они появились на противоположном склоне оврага, мы бы их уложили. Тут подбежали наши разведчики с автоматами. Мы им говорим: «Ребята, в овраге немцы». Они выстроились вдоль оврага и давай палить по ним, перебили их. Один только перебрался на противоположный склон и из последних сил карабкался по нему вверх. Автоматный огонь его уже не достает. Володя Красноносов берет карабин, положил его на щит, прицелился, бац! И тот носом

уткнулся. Потом мы с Володей Красноносовым ходили по этому полю. Из любопытства стали считать убитых немцев. Насчитали 140, потом плюнули и больше не стали считать. Короче говоря, у меня на счету появилось около 100 за психическую атаку и 150 вот за эту, да еще в одном из боев я бронемашину разбил, и меня представили к ордену Красного Знамени. Два дня назад командир объявил благодарность, а тут орден! Я под собой несколько месяцев не чувствовал ног! Но награждение не состоялось. Как в воду кануло. Наш второй танковый корпус был резервом командования, и нас иногда в день переподчиняли два, три раза. А поскольку таким орденом мог награждать только командующий армией, то могли представить в одну армию, а мы уже были в другой. Да и вообще мы вроде как чужие, чего нас награждать.

Я переживал. Вот когда сейчас наши ветераны говорят, что, мол, не за ордена воевали… Конечно, не за ордена! Но что-то я не знаю ни одного, кто бы сказал: «Нет, мне не надо! Я не за ордена воюю». Каждому хотелось, чтобы его заметили, как-то отметили…

А потом был поход на Харьков и бесславный оттуда побег. В день рождения 22 марта 1943 года, как и в 1942 году, я был контужен. Сутки, по-моему, побыл в медсанбате, потом ушел. На батарее дали немножко слабинку, отвалялся еще недельку и работал так же, как все. Откатились мы обратно на Северский Донец. Там много пришлось стрелять. С боеприпасами было неплохо, не то, что под Сталинградом – 2 снаряда на сутки.

Вскоре нас отвели на переформировку в район Старого Оскола. Нашу бригаду переименовали в 58-ю мотострелковую. В марте месяце меня вызвали в политотдел и назначили комсоргом дивизиона, хотя я был всего лишь старшим сержантом, но, видимо, сказалось то, что я имел достаточно высокое образование. Например, заместитель командира дивизиона по политчасти имел всего пять классов образования, потом, когда его перевели в политотдел, его заменил один капитан, киргиз по национальности, с 4-мя классами образования, к тому же киргизской школы. Я согласился и целиком ушел в комсомольскую работу. Начал писать стихи. Правда, только пробовал. Потому что то бумаги нет, то карандаша нет, потом напишешь несколько строк, какие-то дела отвлекают… Положил бумажку в карман, через несколько суток от нее остается одна труха. Так что ни одного стихотворения в ту пору я не написал. Конечно, комсорг дивизиона – должность неосвобожденная, но я был фактически освобожден от всего, и это не нравилось ни моему комбату, ни командиру дивизиона. Но они ничего не могли сделать – это был приказ начальника политотдела, заниматься только комсомольской работой. Надо сказать, что

комсомольцы составляли около 80% личного состава дивизиона – они, собственно, и вынесли войну на своих плечах. Пожилых было не более 10%, и еще 10% – люди среднего возраста. Работать с молодежью приходилось много, поскольку все были разного происхождения, национальности, образования, а нужно было спаять из них солдатский коллектив, готовый совместными усилиями вести бой. Больше половины пополнения не имело боевого опыта. Ну, а вскоре началась Курская битва. Хоть и стояли мы километрах в ста от передовой, но солдата ведь не обманешь, как будто веяло в воздухе – вот-вот что-то начнется. Помню, среди ночи на западе загрохотало, заполыхало на горизонте. Думаю – началось. Объявили тревогу. Все побежали по своим местам, танковые бригады получили приказ и ушли на передовую. Вскоре ушли и мотострелки, а нас почему-то не трогали до рассвета 11 июля. Две батареи получили приказ сосредоточиться в одном месте, а нашей, третьей батарее, было приказано прикрыть дорогу с Яковлево на никому тогда не известное село Прохоровка. Мы ехали на машинах, груженных ящиками с боеприпасами. Прохоровка и располагавшийся справа от нас совхоз «Октябрьский» горели. Дым стелился по земле. Вдруг кто-то заорал: «Танки с фронта!!!» и следом: «Орудия к бою!» Мы выскочили из машин. Смотрим, по касательной к нам примерно в километре идут широкие приземистые танки. Таких мы еще не видели. Потом их посчитали – 19 штук. Отцепили пушки, установили на голом поле. Успели только сошники подкопать да боеприпасы с машин в штабель сгрузить и отогнать их. Приготовились к бою. Немцы нас не заметили – спас тот самый дым от горящих построек, что стлался по земле и прикрыл развертывание батареи. Если бы они нас увидели, от нас бы мокрого места не осталось. Командир батареи, старший лейтенант Ажиппо Павел Иванович бегал от пушки к пушке: «Ребята, не стреляйте! Ребята, не стреляйте! Дайте им подойти». Подпустили мы их метров на пятьсот, и когда они поравнялись с батареей, подставив нам борта, мы открыли огонь. После первого залпа загорелось две машины, тут уже стало легче – оказывается, и эти горят. Их было 19, а стало уже 17! Они нас засекли, открыли огонь. Откуда-то справа ударила минометная батарея. Над головой появились два «мессера». Этот пятачок земли буквально ходуном ходил – взрывы, взрывы, взрывы. Опять везение. Если бы хоть один вражеский снаряд попал в штабель с боеприпасами, мы бы все взлетели в воздух, но ни один не попал.

Орудие ЗИС-3 на прямой наводке.

Били вокруг пушек, по огневым позициям, а в штабель не попали. Чем я занимался? Сначала снаряды подносил, потом раненые появились. Кого-то наскоро перевязывал, оттаскивал в сторону, как казалось, в более безопасное место. Начали выходить из строя пушки. Сначала замолчала пушка на левом фланге, потом соседняя. Через некоторое время бой продолжало вести только орудие старшего сержанта Ивана Григорьева. Я помогал расчету. Оттащил метра на два раненого заряжающего рядового Суполдиярова, грубо его перевязал, и в это время прогремел взрыв. Я очнулся быстро. Весь расчет орудия был либо убит, либо ранен.

Подбежал к пушке, снаряд уже был в казеннике. Взялся за маховики… выстрел – горит. Побежал за снарядом, зарядил, выстрелил – попал. Еще раз сбегал. Потом слышу какой-то топот, поворачиваю голову, бежит комбат с двумя снарядами. Красноносов за ним, тоже со снарядом. На третий танк ушло два снаряда. Еще несколько выстрелов сделал – три танка загорелись. Из одного танка выскочил танкист. До сих пор помню: худой, в черном комбинезоне, лицо такое худощавое, стоит и грозит в нашу сторону кулаком. Я как заору: «Осколочный!» Ребята осколочным зарядили. Я ему по башне и ударил. Он мне совершенно был не нужен, но такой азарт… Ажиппо кричит: «Танки слева!» Рывком разворачиваем орудие. Резко работая маховиками, ловлю в перекрестье головной, нажимаю на спуск – нет выстрела! Ору: «Снаряд!». Жму – нет выстрела! Опять: «Снаряд!». Жму – нет выстрела!! Обернулся – в полутора метрах лежит со снарядом тяжелораненый Ажиппо; у штабелей скорчился тяжело контуженный Красноносов. Выхватил у Ажиппо

снаряд, зарядил, выстрелил – горит. Пока бегал за следующим снарядом, один из танков прорвался к самой пушке, на расстояние, может, 60-70 метров. Еще несколько секунд, и он бы меня раздавил. Тут и мысли не было ждать, когда он мне удобное место подставит. Я очень грубо навел ствол ему в лоб и нажал на спуск – сноп искр. Ничего, конечно же, ему не сделалось. Но он остановился и выстрелил. Остался в памяти кусок голубого неба, и в нем крутится колесо от моего орудия… Это был мой 8-й танк, но его мне не зачли. Зачли и оплатили только семь. Ведь тогда за подбитый танк платили 500 рублей. Всего в этом бою батарея уничтожила 16 танков из 19. Три спаслись, уйдя в самом разгаре боя в сторону Яковлева. Задачу батарея с блеском выполнила. Да, ценой гибели, но если бы танки захватили Прохоровку, крови пролилось бы еще больше. Мне опять повезло. Недалеко находился КП командира корпуса генерала Попова Алексея Федоровича, который видел весь этот бой. До сих пор ему благодарен, что он, как мне потом начальник политотдела Щукин рассказывал, потребовал спасти «этого парня». Тот на машину и буквально из-под огня вытащил меня.

С ранениями в ногу, спину и голову я был отправлен в госпиталь. Там меня сразу прооперировали. Как потом я узнал, генерал Попов потребовал от моего бригадного начальства разыскать меня и лечить в медсанбате корпуса. Три группы искали меня несколько суток, но госпиталей было много, и найти старшего сержанта Борисова в потоке раненых, который шел с фронта, было очень сложно. После операции меня перенесли в большой зал, по-видимому, школы. На пол была настелена солома, покрытая брезентом. Раненые лежали вповалку. Вскоре меня перевели на чердак. Там были те же солома и брезент, но все же условия более комфортабельные. Я довольно быстро оклемался. Дней через пять начал собирать сухари, которые давали в столовой, и когда их набралось штук десять, дал деру в свою часть. Вообще я ни разу в госпитале до выписки не лежал, всегда убегал на фронт. Таких много было, и поводы были разные. Кто-то хотел в свою часть попасть, кто-то хотел обязательно быть на передовой в этот момент. Я, например, в последний раз был ранен перед штурмом Берлина. И убежал, чтобы участвовать в этом завершающем наступлении. А тут я убежал до рассвета, а днем приехал начальник особого отдела штаба корпуса, а я в это время иду пешком, голодный – сухари съел. В одном селе хозяйку попросил покормить меня. Она говорит: «Сынок, у меня ничего нет, только кукурузная каша». Да это ж деликатес! Тем более на молоке! Я, как телок, слопал что дали. Сказал спасибо и дальше пошел. Идет машина. Я

проголосовал, она остановилась. Сказал водителю, что добираюсь к своим: «Лезь в кузов!» Залез. Машина везет хлеб, булки которого уложены рядами, а сверху накрыты брезентом, и на брезенте сидят два солдатика. Меня укачало и сквозь дремоту я слышу, как солдаты между собой обсуждают какого-то сержанта, «разделавшего «тигров», как бог черепаху». До меня только потом дошло, о ком шла речь. Оказалась, что эта машина одной из танковых бригад моего корпуса. Привезли меня. Я к одному офицеру обратился с просьбой подсказать расположение 58-й мотострелковой. Он был бдительный, сразу доложил своему начальнику политотдела. Тот позвонил начальнику особого отдела моей бригады и сообщил, что такой-то ищет 58-ю. А ему говорят: «Задержите его до моего приезда». Этот понял дословно. Гляжу, недалеко от меня появился автоматчик. Я сначала не сообразил, зачем, а потом вижу, куда я не пойду – он за мной, но близко не подходит, держится на расстоянии. На мотоцикле с коляской приехал начальник особого отдела: «Садись». Я сел. Отъехали метров на 100, он говорит: «Миша, я тебя поздравляю!» – «С чем?» – «Ты ничего не знаешь?!» «Тебя представили к званию Героя Советского Союза!» Я сделал вид, что обрадовался. В душе-то я понимал, что представление – это еще ни о чем не говорит. Привез меня в расположение бригады. Меня в тылу, в медсанбате, еще недельку подержали, подкормили. Проходит месяц. Генерал меня возит по своим воинским частям, заставляет перед молодыми солдатами выступать. Я им что-то рассказываю. Машину за мной на передовую присылает. Шофер приезжает, докладывает: генерал вызывает такого-то к себе. У командира батареи, у командира дивизиона кислые мины. Ну, а что?! Не выполнить – не могут. Я приезжаю к нему, докладываю, что прибыл. Мы с ним идем в дом, где он жил, на обед, а жил он с полевой женой, там и дочка уже у него родилась, Полина. Садимся обедать. Рюмки поданы. Я говорю: «Товарищ генерал, по какому поводу?» – «А тебе что, плохо здесь?» – «Да, нет, не плохо». – «Так вот разговаривай с моей женой, а я пойду работать». Двое, трое суток подержит, опять в машину и – на передовую. Я не мог понять, в чем дело? Теперь думаю, что ему хотелось сына. Лет ему было около пятидесяти, а я выглядел лет на 15, наверное. Может, это, а может, хотел просто дать мне передышку, с передовой утянуть.

Проходит месяц, два, три – ни слуха, ни духа о моем представлении. Я думаю – все. Щукин Иван Иванович садится за стол и пишет письмо Щербакову, начальнику ГлавПура. Видимо, это письмо сыграло свою роль, и 10 января вышел указ о присвоении мне звания. Мы с командиром корпуса поехали в

штаб фронта получать ордена. Я орден Ленина со звездочкой, он – орден Ленина. Проехали немного, генерал говорит: «Ой, что-то стало холодновато». Водитель натренирован, сразу на тормоз, скатерку расстилает на обочине, фляжку, какую-то нехитрую закуску. Выпили. Проехали километров 25, он опять: «Ой, что-то замерзаю». Опять такая же сценка. Я второй раз выпил. На третий раз говорю: «Товарищ генерал, я не могу.» – «Что за молодежь пошла?! Выпить, и то не могут». Приехали в штаб фронта. Член военного совета фронта вручил нам награды, и мы поехали обратно.

Ребят, что живы остались, тоже наградили, но не всех. Понимаешь, какая штука. На прямой наводке командир орудия ни к чему. Всю работу делают два человека – наводчик и заряжающий. При награждении наводчика и заряжающего иногда обходили, а командира орудия награждали. Или награждали его и наводчика, а заряжающего обходили. Это несправедливо. Ну, а потом, например, в моем случае, если бы генерал не видел этот бой, никто бы не представил меня к званию. В лучшем случае какую-нибудь медаль дали. Когда сидел в архиве в Подольске, видел наградные листки: представляется человек к званию Героя, а кто-то вверху пишет: «По-моему, хватит и ордена Отечественной войны». И все. Или наоборот: представляют к ордену Красного Знамени, а кто-то вверху пишет: «По-моему, достоин Героя». Лотерея, в общем.

Комсорг батареи Михаил Борисов сжег 7 „тигров".
Любуйтесь! Радуйтесь! Дивитесь!
Картина сделана с натуры!
Пред вами комсомольский этюд!
В сени тигровых шкурах.

Дружеский шарж на сержанта Борисова

1944 год, 22 марта. Ребята приходят поздравлять меня с днем

рождения. В 42-м году меня в этот день ранило, в 43-м контузило. Начхим пришел, еще кто-то: «Миша, поздравляем тебя с днем рождения». – «Спасибо, ребята». – «Ты бы хоть поставил что-нибудь». – «Да вы что?! Откуда я возьму?!» Наивный был такой. Один мне говорит: «Ты что, не можешь пойти к командиру бригады?! Что, он тебе не даст?!» Я, недолго думая, иду к командиру: «Товарищ полковник, можно мне бутылку водки?» – «Ты что, выпить хочешь? Сейчас организуем». Я ему объясняю, что ребята поздравили меня с днем рождения и хотели бы выпить. «Сколько тебе исполнилось?» – «20 лет». Он говорит адъютанту: «Щукина ко мне». Приходит Щукин. Он говорит: «Ты знаешь, что Мише сегодня исполнилось 20 лет? Ну-ка организуй». Короче говоря, организовали. Из киевской филармонии привезли хор, стол у лесничего, в котором я жил, накрыли. К рассвету свалился и уснул непробудным сном. Налетела немецкая авиация, отбомбилась. Одна из бомб упала в 2 метрах от моего окна, волной выбило раму, она упала на меня, штукатурка с потолка осыпалась. Я когда очнулся, долго не мог понять, что произошло. Отделался легким испугом. Да и то только потому, наверное, что уже было утро 23 числа.

До конца августа 1944 года я продолжал служить комсоргом своего дивизиона. А 1 сентября вышел приказ Рокоссовского направить всех артиллеристов – Героев Советского Союза на фронтовые курсы младших лейтенантов Первого Белорусского фронта.

Учиться на курсах было легко – после училища это были «семечки». 23 февраля 1945 года мне присвоили звание младший лейтенант. Я сижу в шалашике и цепляю маленькую такую звездочку на погон. Заходит приятель с газетой: «Ты что делаешь? Ты не ту звездочку цепляешь». – «Ту». – «На, читай». Беру центральную газету, читаю: «Присвоить звание генерал-майора Борисову Михаилу Федоровичу». Вот так в этот день моему полному тезке присвоили звание генерал-майора, а мне – младшего лейтенанта. Дали мне в подчинение курсантский взвод Героев Советского Союза. Ой, намучился я с ними! Все они были в какой-то степени избалованы. Ходили по хуторам, приносили «бимбер». Я однажды двух задержал. Они несли на палках по два котелка. Я говорю: «Вы что?! Опять за самогоном ходили?» – «Да, нет, товарищ лейтенант, за молоком». Смотрю, действительно белое молоко. Через полчаса взвод в дымину пьяный. Они самогон забелили молоком – закусывать не надо. Погода хорошая, служба – не бей лежачего – отдыхай! Я подал рапорт начальнику курсов с просьбой отправить на фронт. Он мне отказал. Через какое-то время еще рапорт – отказал. Третий

рапорт – опять отказ. Четвертый рапорт – отказ. На пятый раз вызывает к себе: «Дурак, я хотел жизнь тебе сохранить, а ты этого не понимаешь!» – «Не надо, мое место там». На том он и подписал рапорт. И вот ведь судьба! Я всю войну верил, что окажусь, в конце концов, в Берлине. Тех ребят, которые вместе со мной закончили, разослали обратно по своим воинским частям, а меня, поскольку оставили командовать курсантской ротой, направили в другую часть. Мой корпус был передислоцирован на Данцинг, а ту бригаду, в которую я попал командиром взвода управления артдивизиона, нацелили через Зееловские высоты на Берлин.

– Вы говорили, что командовать взводом Героев Советского Союза было сложно. В таком возрасте получить звание Героя, это непростое бремя ответственности. Как вы справлялись с таким грузом популярности и славы?

– Во всяком случае, звездной болезни не было. Может, кто-то из ребят завидовал. Не знаю. Я продолжал выполнять свои обязанности. В дивизионе меня никто не оберегал. Меня немножко оберегал политотдел, потому что я был комсомольским работником. Ну, и еще командир корпуса. А так – никакой особой заботы ко мне не было. Кормили как и всех – сидел на солдатском пайке. Только когда меня начальство к себе приглашало, там подкармливали. Начальство всегда жило немного лучше. Почти у каждого была полевая жена. У нашего командира дивизиона не было, а вот у командиров батальонов у всех были. Каждый санинструктор служила верой и правдой… Когда мы приехали на курсы, пошли в штаб фронта с моим товарищем из танковой бригады, такой же артиллерист, как и я, но командир орудия. Хвастунишка. Говорит: «Я больше тебя танков уничтожил». – «Да не ты уничтожил, а наводчик уничтожил.» – «Я командовал!» – «Именно, что ты командовал». Ну, да Бог с ним. Мы там познакомились с девочками с узла связи. Они сказали, где они живут, и мы «заперлись» к ним в гости часов в пять дня. Они были все хорошо одетые, ухоженные. Чулочки не простые, а фильдеперсовые. Они нам через 15 минут говорят: «Ребята, уходите». – «Почему? У нас время есть, вы тоже не на смене». – «Вы что, не понимаете, что ли?! Мы же все расписаны. Сейчас рабочий день закончится, за нами придут…»

– К немцам у вас какое было отношение?

– Поначалу кроме злости и ненависти у меня ничего не было. Я видел, что они творили на нашей территории. Но уже где-то в 1944 году отношение поменялось. Помню, мы нескольких немцев захватили в плен, трех сразу отправили в тыл, а одного мальчишку, примерно моего возраста, такого же зеленого, как я в 41-м, я оставил на одной из батарей. Говорю: «Пусть он тут

немножко обживется». Он еще хорошо играл на губной гармошке… На второй день командир батареи увидел: «Комсорг, ты что делаешь? Почему у тебя здесь немец?» – «Он же сопляк». – «Не положено. Немедленно отправить в тыл». Отправили, жалко было.

Тем не менее, желание мстить, когда вошли на немецкую территорию, было. Ребята иногда придут в дом, дадут очередь из автомата по разным портретам, по шкафам с посудой… И в то же время я видел своими глазами, как полевые кухни что-то давали местным жителям. Но я бы не сказал, что у меня были такие добрые отношения к немцам. Я до сих пор не хочу ехать в Германию. Горечь-то осталась. Лучшие мои годы ушли на войну с ними. Вскоре после перехода границы Германии был издан приказ, регламентировавший поведение на оккупированной территории. Хотя до этого мы знали одно – убей немца, и четыре года жили этим. Этот переход давался очень тяжело. Судили многих. Ну, как можно было судить человека, у которого, например, немцы расстреляли всю семью?! Конечно, он шел с чувством мести! Я как комсорг разъяснял солдатам, как себя надо вести, хотя в душе часто бывал с ними согласен.

– Вы очень много говорили о том, что вас кто-то провел по войне.

– Я в этом убежден. Сколько я тебе рассказал случаев, когда меня должны были убить, а не убили? Вот еще один. Однажды отошел в сторону от дороги метров на 15, не больше, и задел за проволочку. А в метре от меня подскакивает «лягушка», немецкая мина, и – разрыв. По всем законам я должен быть или убит, или в самом лучшем случае ранен. Ни одной царапины. Даже одежда не порвалась! Испугался я уже потом… А что касается веры в бога… Нас воспитывали в другом духе. Я никогда до войны не чертыхался – это в семье считалось грехом. У нас были иконы. Мы все были крещеные. Когда прижмет на фронте, не только я, а многие, многие шептали: «Господи, пронеси!» Вера это или не вера? Ведь в хорошую, добрую минуту не вспоминал об этом.

– Люди на фронте молились?

– Были и такие, кто молился.

– Вы должны были как-то пресекать?

– Нет. Может быть, и входило в мои обязанности, но я этим никогда не занимался.

– Пополнение из Средней Азии приходило?

– Да. У меня в 45-х был один армянин, один грузин, украинец. Потом уже в дивизионе были и узбеки, и таджики. Как бойцы они не очень, прямо скажем. Допустим, зима, мы бегаем, толкаем друг друга, чтобы согреться. А он стоит как столб, руки

опустил. Я пытаюсь ему объяснить, что надо бегать. Он не понимает, зачем. Я его начинаю толкать, чтобы как-то расшевелить. Он мне говорит: «Зачем ты меня, русский, обижаешь?» Я ему говорю: «Я тебя не обижаю, я не хочу, чтобы ты замерз. Тебе нужно бегать, двигаться». Выросли в другом климате, другое отношение к жизни, другой менталитет. Кормили нас тем, что было. Например, борщ со свининой. Они только плевались. Не ели. Не думаю, что все не ели, кое-кто ел. Мусульмане не пили спиртное, что похвально.

– Трофеи брали?

– Бывало. Я рассказывал, что в Морозовской армейский склад захватили. Все местные жители пользовались трофеями. Когда в Германию пришли, на складах было очень много разной еды. Однажды был такой случай. Солдат подходит к повару: «Сегодня у нас что на обед?» – «Суп с курицей». – «Опять суп с курицей, не могли каких-нибудь пирожков сделать?!» Это о чем говорит? Зажрались! До 43-го года любой супец за милую душу пошел был!

Часов у меня долго не было. Потом кто-то из моих солдат притащил швейцарские часы.

Я лично домой посылки не посылал. Даже когда мне первый раз дали отпуск, это в 1945 году, я единственное что сделал, где-то купил килограмма два конфет. Очень вкусные конфеты. Сам-то сладкоежка, так что понимал в этом толк. Я эти конфеты привез домой. Когда проезжал через Польшу, на одной из станций в киоске купил десять плиток шоколада. Красочные такие. Они баснословно дорого стоили. Но деньги были – купил. Думаю, привезу домой и конфеты, и десять плиток шоколада. Будет хороший подарок моим близким. В Бресте уже, сначала я ехал на крыше вагона, потом меня ребята позвали в вагон. Говорят, багажная полка освободилась – такая узенькая; я там полдня лежал, пристегнувшись ремнем к трубе, чтобы не упасть. Потом освободилась третья багажная полка, я туда перебрался. Потом вторая полка – уже пассажирская, а потом и первая. Однажды не выдержал, дай, думаю, попробую. Попытался отломить, не ломается. Когда я шоколад облизал, под ним оказалась фанерка. Как эта пожилая, солидная женщина, что в киоске торговала, не боялась? Ведь тогда всякий народ был, могли запросто пристрелить за это.

* * *

22 марта 1945 года. Наш НП располагался за Одером, южнее Кюстрина в отдельно стоящем домике, крытом черепицей. Мы пару черепиц убрали, высунули стереотрубу и наблюдали за противником, засекая цели. В честь дня рождения накрыли небольшой столик – фляжку поставили, какая-то закуска. Приготовились выпить. Вдруг подъезжает машина командира полка полковника Шаповалова. Он входит: «Это что за безобразие?! Почему у стереотрубы никого нет?!» Не моя была очередь, а лейтенанта Летвиненко, тоже Героя Советского Союза. Он что-то мнется. Я думаю так, командир полка минут 5, не больше, здесь задержится, и уедет. Я спущусь. Полез туда. Только к стереотрубе подошел – мина! Меня сбросило с чердака вниз. До сих пор помню белое лицо Шаповалова. Он подумал, что это по его вине меня ранило. Меня на руках донесли до амфибии и через Одер в госпиталь отправили. В госпитале лежалось хорошо. Палата на одного человека. Кто-то из ребят приехал, притащил бочонок с коньяком, под койку поставил. Раненые пронюхали и перед обедом робко заходят: «У тебя там еще осталось? Не нальешь?» Наливал, пока было. Кормили хорошо. Трофеев много было. Вечером приходила сестра-хозяйка, спрашивала: «Что вам на завтрак? Что вам на обед? Что вам на ужин?» Почему? Потому что я обычную пищу не мог есть. У меня ранение было в челюсть. В общем – рай, но в этом раю мне не лежалось. Опять рванул на передний край. Потому что готовилось наступление, это я знал. Приехал к своим, вступил в свои обязанности. И вот 16-го пошли в наступление.

В Германии. «Студебеккер» с прицепленной к нему пушкой ЗИС-3.

А перед Берлином идем вечером на НП с командиром батареи. Он идет по верху, по поверхности, я залез в траншею,

иду по траншее. Он мне говорит: «Вылезай». Я вылез. «Ты что, не знаешь что ли, он по вечерам и по ночам над землей стелет, если по верху идти, попадет в ногу, а если будешь там идти, то попадет в голову». Только проговорил – очередь, и меня ранило в ногу. Тут я уже никуда не пошел, в санбате трое суток, и на батарею – с костылями. Кость была цела, в мякоть попали. Перевязку мне делали, заросло быстро, но на костылях. 1 мая не выдержал. Я уже был командиром взвода управления, это не мое дело быть на огневой позиции. А тут подошел к одной из пушек, ребят попросил позаряжать, а впереди была, я ее хорошо видел, рейхсканцелярия. Я штук 10 по этой рейхсканцелярии выпустил, отвел душу. А дня через 2, наверное, пошел тоже с ребятами к Рейхстагу, там уже было наше знамя. Вокруг известка, копоть, все обгорелое, полуразрушенное. Везде надписи. Я не удержался, тоже взял кусок известки и написал. «Я из Сибири». И подписался – Михаил Борисов. Это был первый в жизни автограф. Я решил, что на этом моя война закончилась. Только позже я понял, что она осталась во мне на всю жизнь.

Потом из Берлина нас отвели в лес. Потому что Берлин был перегружен войсками. Где-то в ночь на 9-е поднялась дикая стрельба. А я спал в кузове машины. Хватаюсь за автомат, выскакиваю. Думаю, где-то немцы высадили десант. Со всех сторон сбегаются ребята, кто с автоматом, кто с пистолетом. Не знаем, в чем дело? Бежит командир полка. Улыбка от уха до уха «Ребята, война окончилась! Гитлеровцы капитулировали!» У кого что было, давай палить. А потом показалось мало, мы пушки развернули и по просеке боевыми снарядами лупили. По десятку снарядов выпустили. А потом открыли двери всех складов. Одни сбивают столы из неотструганных досок, другие со складов тащат, все что можно. Сели за столы и отметили День Победы. Кто как мог, и кто сколько мог. А потом началась мирная, совсем не легкая жизнь.

Назаров Борис Васильевич

Я родился в 1923 году в Москве на Патриарших прудах. Мой отец работал на заводе, а мама была домохозяйка. В 1940 году я окончил 10 классов и поступил в Московский инженерно-строительный институт им В. В. Куйбышева.

Летом 1941 года весь второй курс записался в Московское ополчение. Собрали нас в военкомате на Бутырской улице, составили список и повезли в Подмосковье в летний военный лагерь. Там мне выдали гимнастерку, пилотку и ремень – ботинки и брюки остались мои, гражданские. В этом лагере мы занимались строевой подготовкой, нам показывали, как вести штыковой бой. Одна винтовка была со штыком, и мы по очереди пыряли ею в чучела. Рассказали нам, как надо стрелять, но за все время обучения стрельб не было. В конце лета нас маршевой ротой отправили на фронт на пополнение стрелкового полка. В районе Смоленска мы ночевали в совхозе Семеновский. Там нас покормили и выдали винтовки и патроны. Один «старик», заглянув в ствол моей винтовки, заключил, что в немца из нее я не попаду. Честно говоря, я не придал особого значения этим словам. Я все еще думал, что война быстро закончится, и спешил посмотреть, что же это такое. На следующий день появились кадровые офицеры, роту разбили на взводы, и в одном из них оказались я и еще два студента. В дальнейшем мы так и

держались вместе. Колонной двинулись на фронт и вскоре влились в состав какой-то части. Где мы были, в состав какой части входили – я не знаю. Позицию мы заняли крайне неудачную – перед нами рос лес. Надо было на другой, западной, его стороне оборону занимать, а мы с восточной окопались. На второй или третий день над нами пролетело несколько немецких самолетов. Вскоре на дороге, что проходила недалеко, показалась пыль. Кто-то сказал, что это немецкая разведка. Мы стали стрелять, и они уехали. Командиров наших я больше не видел. Вскоре немцы за леском поставили минометы и начали обстреливать нашу траншею. Сначала они сосредоточили огонь на ее левом крае, потом на правом, а когда все сбежались от обстрела в ее центр – дали по центру. Осколком меня ранило в руку и порядком контузило. Кровь хлещет, а остановить нечем – ни жгута, ни бинта нет. Приятели мои подхватили меня и повели. Они меня дотащили до какого-то поселка, добыли веревку, наложили жгут и повели дальше. Мы вышли на дорогу. А там народу – полно. Кто куда идет – ничего не понятно.

С трудом меня посадили на машину, которая отвезла меня в госпиталь. Там я отлежался до осени – кормили и лечили хорошо, ничего не могу сказать. Рука зажила, но пришлось довольно долго ее разрабатывать. Поскольку я был легкораненый, то приходилось помогать медицинскому персоналу по уходу за лежачими ранеными.

Выписали меня в конце декабря 1941 года и направили в военкомат. Я попытался устроиться на завод с тем, чтобы получить бронь – романтика уже прошла и воевать мне совсем не хотелось, – но мне этого сделать не удалось. В феврале 1942 года я был призван в Рабоче-Крестьянскую Красную армию и был направлен в Ростовское артиллерийское училище, готовившее командиров взводов для противотанковых артиллерийских частей.

На окраине Нязепетровска, куда было эвакуировано училище, мы восстанавливали заводские корпуса времен Петра I, приспосабливая их под курсантские казармы. За лето нам удалось их оборудовать, построить 3-этажные нары и печи для отопления. Но кухню, уборную, а главное, баню не успели построить, и зимой 1942-1943 года мы сильно страдали от холода. Тем более что одеты мы были в поношенную летнюю форму: галифе, гимнастерка, шинель, обмотки, ботинки. Только шапки на нас были зимние. Было голодно, появились вши. Особенно изматывали ежевечерние пятикилометровые походы в лес, откуда каждый курсант должен был принести бревно для отопления казармы и домов преподавателей.

К январю курсанты стали пухнуть от голода, и в один из дней все батареи отказались выходить из казарм, потребовав немедленной отправки на фронт. Офицеры попытались нас выгнать, но мы оказали сопротивление. Приехал командующий Уральским округом, а с ним полковник Лампель, про которого говорили, что во время войны в Испании он командовал обороной Мадрида. Они уговорили нас построиться на плацу. Полковник Лампель взял горсть снега и передал ее правофланговому, попросив его передать по порядку, но снег быстро растаял, и он сказал, что вот так доходит до наших ртов курсантский паек. Закончил он свою речь словами: «Я наведу порядок!»

Действительно, к весне мы отогрелись, занятия стали более постоянными, и нас стали лучше кормить. Полковник Лампель лично проверял закладку продуктов в котлы. Училище стало просыпаться под звуки горна, который в 6 часов утра будил всех курсантов. День начинался с физзарядки. Мы выскакивали из казармы босыми, в кальсонах, подтягивались и умывались ледяной водой. Одевшись, строились на плацу для переклички, после которой строем шли в столовую на завтрак, где нас ждали хлеб, каша и чай – не чай, а подкрашенная вода. В столовой за каждым курсантом было закреплено определенное место. Очередной курсант становился спиной к столу, а после чего задавали стоящему спиной вопрос: «Это кому?» Тот в свою очередь называл имя или кличку курсанта, которому передавалась эта порция. Другой курсант резал хлеб и наполнял миски кашей. После распределения следовала команда, и все приступали к еде, закончить которую должны были в определенное время. Так же было и на обеде и ужине.

После завтрака первое занятие – два часа строевой подготовки. Затем два часа в классе: устав, политзанятия и многие другие, которые шли в соответствии с расписанием. По сигналу горна «Бери ложку, бери бак» с песней строем шли на обед. После обеда – тактика в поле. Преподаватель в шубе, а мы в своих шинелишках мерзнем. После этого, вернувшись в теплые классы, все поголовно впадали в дремотное состояние. Самыми интересными были занятия, которые вел полковник Лампель. Он знакомил нас с немецкими танками, их тактикой ведения боя и уязвимыми местами. Я запомнил его определение блицкрига как взаимодействия трех родов войск – авиации, танков и механизированной пехоты. Он говорил, что стоит выбить немецкие танки, как блицкригу придет «капут». Надо ему отдать должное, он действительно делился боевым опытом, который мне лично впоследствии пригодился, что не могу сказать про изучение уставов, которые ничего не давали.

Помимо общевойсковой и артиллерийской подготовки нас учили водить машину, ездить на лошадях, мы несли охрану училища, работали в нарядах и обслуживали преподавателей. В общем, заняты были по горло.

Помню, как в мае 1943 года ночью училище подняли по тревоге. Из строя вызвали курсантов 1922 и 1923 года рождения. Выдали сухой паек на три дня, который мы съели, пока шли на станцию, и повезли в Чебаркульские лагеря. Буквально через несколько дней по прибытии нас опять погрузили в теплушки, которые были прицеплены к эшелону с танками, двигавшемуся на фронт. Ехали долго, где-то в Перми нас хорошо накормили, и нашу теплушку прицепили к другому эшелону, на платформах которого стояли самоходки СУ-152, укрытые брезентом. Здесь нас распределили по экипажам. Меня определили заряжающим, и на меня с радистом, хотя на нашей самоходке рации не было, свалилась вся черновая работа. В экипаже ведь как? Механик-водитель – бог, командир самоходки – бог, наводчик – уважаемый человек, а мы с радистом – рабочие. Нам приходилось и заправлять самоходку соляркой, и таскать снаряды, и ходить за обедом, и дежурить на посту, и т.д. и т.п. Все время ходили грязные, в масле… Фамилий этих ребят я не помню, помню, что механика-водителя звали Гриша, командира самоходки Иваныч, наводчика – Саша (он кстати, как и я, был курсантом), а радист так и был «радист».

Один раз к нам пришел командир взвода. Он рассказал, что наше оружие секретное, что когда привезли эти самоходки в Кремль, то Верховный Главнокомандующий Сталин, осмотрев их, сказал, что это оружие, которым мы победим. Приходил к нам политработник, которого мы называли попом, читал газету и вел какую-то беседу.

Однажды под брезентом нашей самоходки обнаружили двух пожилых женщин. Выгонять мы их не стали, а они в знак благодарности кормили нас салом, которого у них было два мешка. Они благополучно доехали до своего места, а мы порядком подкормились, и как нам показалось, стали более сильными…

Командир самоходки Иваныч был мрачной личностью и ни на что не реагировал. Всем заправлял Гриша. Он и обучил нас с радистом, показав, как открывать затвор, как заряжать и т.д. Поскольку я не мог один поднять трехпудовый снаряд, то заряжали орудие вдвоем.

После выгрузки, ночью, мы двинулись к линии фронта. Шли всю ночь и следующий день. Несмотря на то, что люки были открыты, жара в самоходке стояла неимоверная. Высовываться из

люка Иваныч запрещал, и мы сидели внутри, скинув почти всю одежду. К вечеру вышли на исходную позицию и стали копать капонир. Тут уже работал весь экипаж. Впереди слышался гул артиллерийской стрельбы. Изредка пролетали самолеты. Ночью впереди стояло зарево. Когда рассвело, поднялся грохот стрельбы и вдалеке выросли черные столбы дыма – горели танки. Из люка я видел поле, начинавшееся сразу за неглубоким овражком, располагавшимся перед нашим капониром. За полем была деревенька, и чуть поодаль какие-то высокие строения. Командир приказал выдвинуть самоходку на бугор. Вдруг Иваныч кричит: «Заряжай!» Зарядили. Самоходка вздрогнула. Это наводчик сделал выстрел. Опять: «Заряжай!» Опять выстрел, еле успели открыть рот. От пороховых газов дышать нечем. Наводчик заорал: «Попал, попал!» Командир танка высунулся: «Попали!» Мы тоже полезли смотреть, куда попали. Он нас пинком: «Заряжай, вашу мать!» В этот момент немецкий снаряд пробил броню самоходки в том месте, где сидел механик-водитель. Гриша был убит, загорелись наши тряпки. Иваныч кричит: «Горим! Тикайте, ребята!.. Сейчас взорвемся!» Мы бросили снаряд, который собрались заряжать, и выбрались из люка. Вначале мы с радистом рванули в овражек, а из него вылезает «тигр». Мы побежали в кустарник. Этот «тигр» открыл огонь по нашим танкам, что шли левее. Наши ответили. Кругом все горит, взрываются боеприпасы, люди выпрыгивают из горящих танков, как факелы. Ад кромешный… Мы бросились бежать по кустарнику. Пули свистят, с грохотом проносятся болванки. Неизвестно откуда появилась чья-то авиация и начала бомбить. Я старался бежать, но ноги были ватные, всего трясло. Несколько раз падал. Посмотрел назад – это не бой, а черт знает что! Идет тотальное уничтожение друг друга. Как выбрался, сам не знаю, но остался жив и даже не был ранен. Когда оказался в тылу, я пристроился на кухню к зенитчикам. Комбат обещал меня зачислить в штат, но вскоре меня вызвали в штаб полка. Капитан говорит: «Слушай, дорогой, на тебя пришел запрос. Отправляйся в резерв офицерского состава». Как я не доказывал, что я действительно Назаров Борис, но не офицер, и там мне делать нечего, слушать не стали. Приказ НКО № 0528 действовал и выполнялся неукоснительно. Добрался я с выданной бумагой своим ходом и попутными машинами в резерв офицерского состава, который был расположен в крупной деревне, где был сахарный завод и где мы от пуза наелись патоки. Там была полная свобода, но это блаженство продолжалось недолго – приехал майор и вручил мне удостоверение о присвоении звания младший лейтенант. Я и еще пять человек получили новое обмундирование и погоны, а вскоре и

направление в штаб армии, а оттуда своим ходом направился в 163-й (впоследствии Варшавский) Гвардейский Краснознаменный орденов Невского и Кутузова истребительно-противотанковый полк.

В штаб 163-го ИПТАП я попал, когда он вышел с остатками огневых взводов, потеряв много орудий и расчетов после боя с немецкими танками в районе городов Винница и Казатин. Со штаба полка меня сразу направили на передовую командиром огневого взвода.

Бойцы взвода лейтенанта Назарова Б. В. (сидит на станине в фуражке)

Батарея была полностью уничтожена в боях, и ее остатками, в составе неполного огневого взвода, командовали старший сержант Попов и наводчик, старшина Любимов. К тому моменту, когда я прибыл в расположение этого взвода, они нашли одно дивизионное орудие с несколькими снарядами, брошенное пехотинцами, и немецкий ручной пулемет. Вооружившись, они устроили засаду на дороге, по которой должны были отступать немецкие части. Через некоторое время показалась колонна грузовиков, впереди которой шел танк. После того, как Любимов его подбил, а мы из пулемета обстреляли колонну, немцы повернули назад. Они подорвали свой подбитый танк и ушли на другую проселочную дорогу, обойдя нас. Мы оставили позицию, забрали из укрытия раненых в предыдущих боях бойцов и потащили их к штабу полка, который располагался в деревне. После этих боев личный состав полка отвели под Житомир на переформирование. Нам в батарею прислали комбата. Из госпиталей стали поступать бойцы с опытом боев под Сталинградом и на Курской дуге, а с призывных пунктов – молодые необстрелянные солдаты.

Началась подготовка к предстоящим боям. Старшина Любимов много рассказывал о 163-м ИПТАП, в котором он служил чуть ли не с 41-го года. Тогда полк был вооружен «сорокапятками» на конной тяге. В одном из боев полк был полностью уничтожен. Его штаб сдался в плен, а старшина вынес из окружения Знамя полка и журнал боевых действий.

Вот он меня учил. Как? Когда нас отвели на формировку, он мне говорит: «Лейтенант, где воевал?» – Я ответил. – «Ну, тогда ты ни хрена не знаешь. Давай, рой себе ровик и садись, я тебя буду учить». Отрыл я ровик, сел. Он берет немецкий автомат и очередь по ровику, где я сижу. Кричит: «Где я? Высунись, я не буду стрелять». – «А я откуда знаю?» – «Слушай еще раз». Вот так, пока не научишься определять, откуда стреляют. Эти знания необходимы, поскольку очень часто уцелевшие батарейцы оказывались в немецком тылу, и им приходилось выбираться из окружения. Вот так он меня обучил, а потом, когда он погиб, я уже учил.

Вскоре мы прямо с завода получили пушки ЗИС-3, затем прибыли новенькие американские «студебеккеры». Укомплектовали огневые расчеты. Расчет состоял из пяти человек: командира орудия, наводчика, заряжающего, двух подносчиков снарядов. Все номера расчета были взаимно заменяемые. Сил этого расчета едва хватало поднять станины пушки и посадить их на крюк «студебеккера», при условии, что самый тяжелый из расчета как противовес висел на дульном тормозе орудия.

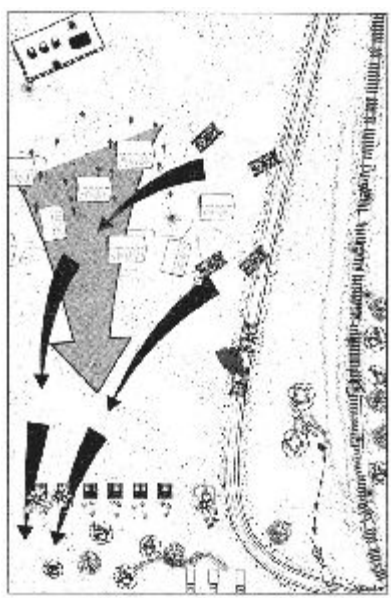
Получил я и личное оружие. Но если штабные командиры имели пистолеты ТТ, то я получил наган, который так проржавел, что у него не вращался барабан, и сколько я ни жал на курок, выстрелить так и не смог. Однако вскоре я раздобыл трофейный «вальтер», и жить стало легче. Огневые расчеты получили автоматы ППШ. Приходилось ли ими пользоваться? Да… был случай такой. Не хочется про это говорить… Под Ковелем поползли на нейтралку за картошкой и наткнулись на боевое охранение. Немец, дурачок, бросил в нас гранату. Был бы умный – сидел бы и не показывался. Но, видать, повоевать хотел, хотел убить нас, да недобросил. Потом он высунулся посмотреть, и я по нему очередь дал. Потом подползли – он лежит весь в крови. Меня всего трясло. Я не знал, куда деваться… неприятно…

У меня появился ординарец, который носил для меня с кухни обед и выполнял разные поручения. Командиром полка стал подполковник, а вскоре полковник Архипов С. П. Только недавно я из документов узнал, что он был Героем Советского Союза. На фронте он звезду не носил, и мы не знали, что он Герой.

После полного укомплектования полк побатарейно своим ходом выступил в поход в направлении на город Ковель. По дороге нас обстреляли из засады автоматчики. Мы быстро соскочили с машин, старшина определил, откуда ведется огонь, и несколькими выстрелами заставил их замолчать. В этом месте на деревьях весело несколько плакатов: «Смерть Гестапо и НКВД!»

В одной деревне войска НКВД вели зачистку. Я зашел в один дом, где майор вел допрос молодого человека. Показывая рукой на окно, в котором виднелась наша колонна машин с орудиями, он сказал: «Против кого вы воюете?! Ведь эта сила!» Молодой человек ответил: «Мы войдем в историю!»

По дороге нас почти не кормили, а у населения можно было раздобыть только молоко, все остальное они прятали. Но такая была атмосфера подозрительности, что, даже беря молоко, заставляли хозяев пить первыми – опасались отравления… В одном доме, хозяин которого с семьей ушел с немцами, в хлеве было две свиньи. Одну из них я пристрелил. Пока ехали, ели сырую свинину, и даже командир полка прислал своего штабного офицера, который попросил заднюю ногу, но ему дали только половину…



Бой с танками у города Ковель.
Назаров В.В.

– Какова роль командира огневого взвода?

– Моя задача правильно выбрать позицию, правильно поставить пушки. Ведь наши снаряды пробивали броню танков только с близкой дистанции, а это значит, у танка появляется шанс раздавить орудие. Поэтому позицию надо выбрать так,

чтобы было легко замаскировать орудие, а танку было сложно его раздавить. Я любил ставить орудия между крупными деревьями, которые танк заведомо не свалит. Кроме того, я считал своей обязанностью выпустить первый снаряд и уничтожить первый танк. Если нам удавалось подбить один-два танка, то остальные начинают обходить наши позиции. Конечно, они нас засекали и начинали обстреливать. Ну а как только первая болванка над нами прошла – мы все по ровикам разбегаемся, ждем, когда он попадет. Но они уже вперед не идут – боятся опять напороться, начинают обходить. Это давало нам время перевязать раненых и похоронить убитых. В каждом бою мы теряли людей.

– Как оборудовалась огневая позиция?

– Мы рыли орудийный окоп глубиной сантиметров пятьдесят и диаметром метров пять. По краю насыпали бруствер. Под сошники вкапывали брусья или небольшие бревна так, чтобы они могли в них упираться. В противном случае орудие будет откатываться, даже если сошники вкопаны. Для снарядов отрывался погреб метрах в двадцати, и к нему рыли траншею. Слева и справа от орудия отрывались ячейки. В левой ячейке устанавливали трофейный пулемет, а в правой сидели часовой и наблюдатель. Выбрасывали нас на огневую обычно под вечер, и за ночь мы успевали все это отрыть и замаскировать. Работали все, невзирая на чины и регалии.

Первый бой мы приняли под Ковелем. Немцы пытались деблокировать окруженную в районе города группировку, и нас выдвинули на танкоопасное направление. Под вечер заняли огневую позицию. Мой взвод прикрывал дорогу. В том месте, где мы расположились, она делала крутой поворот на девяносто градусов. Примерно в трехстах метрах от дороги, на опушке хилого лесочка росли два больших дерева. Первое орудие своего взвода, с которым я находился, я поставил между этими деревьями. Второе орудие комбат приказал поставить метрах в пятистах за поворот дороги. Туда же ночью подошли гвардейские минометы «андрюши». За дорогой виднелись разрушенные каменные дома, а чуть дальше возвышалось строение, напоминающие цех завода, откуда периодически взлетали осветительные ракеты и стрелял пулемет. За нашими спинами шли канава и насыпь с разрушенной железной дорогой, рельсы и шпалы которой стояли практически вертикально, образуя как бы забор. Утром после налета авиации справа по дороге в нашем направлении пошли немецкие танки, а с фронта, со стороны завода, прячась за домами, пошла в атаку пехота. С большого расстояния с дороги немецкий танк стал бить в направлении реактивных минометов и попал в одну установку, которая

взорвалась. Как потом стало известно, слетевшая с направляющей ракета попала во второе орудие моего взвода, уничтожив его вместе с расчетом. Когда танки поравнялись с нашей позицией, мы сожгли два из них, но третий открыл по нам огонь. Появились раненые. Мы попрыгали в ровики, где и сидели, пока огонь не прекратился. Танки на нас не пошли, а свернули с дороги в поле и ушли в наш тыл. День мы просидели на своей огневой позиции. Бой сместился влево, дорога опустела. Вечером ребята потащили раненых в тыл, а я остался прикрывать их переход через железную дорогу. Ребята вернулись обратно ночью со «студебеккером» из другой батареи. Под обстрелом мы с большим трудом прицепили пушку. Я не успел схватиться за борт машины, как получил в живот осколок от разорвавшегося недалеко снаряда. Меня погрузили на машину и отвезли в медсанбат. Пришел доктор, посмотрел и говорит санитарам: «Несите его в мертвецкую». Я пытаюсь говорить, но боль дикая, пена изо рта, говорить не могу. После его слов я потерял сознание. Очнулся в мертвецкой, когда стали выносить покойников. Один пожилой санитар говорит: «Гляди-ка, этот смотрит!» – «Чего смотрит!? Валяй его». Однако они меня отнесли в операционную, пришел доктор, посмотрел и говорит: «Надо же, не подох!» Прооперировал он меня. Лечили меня довольно долго, но, не долечив, отправили в полк. Я приехал забинтованный, мне необходимо было регулярно ходить на перевязку. Командир полка меня пожалел и, когда со штаба бригады пришел запрос направить боевого офицера в штаб 47-й армии в качестве офицера связи, то он направил меня. Из полка мне дали ординарца Соседкова и шофера с полуторкой, в штабе добавили двух красноармейцев. Вроде давали и броневичок, но потом передумали, и мы остались с одной полуторкой. Обосновались в сарае, где также находился хозяин с семьей, а дом занял большой чин из политотдела армии с охраной. Мы его никогда не видали, да и в сарае бывали редко, так как постоянно мотались с поручениями и пакетами.

Во время одной поездки была у меня интересная встреча. Как-то, в поисках адресата, которому требовалось вручить очередной пакет, мы заехали на шоссе, окончившееся тупиком, в конце которого стоял дворец. Около дворца было полно кустов малины. Ребята были голодные, говорят: «Командир, давай поедим хоть малины». Я разрешил, но сказал, что можно, но только по одному и с автоматами. Они по очереди сходили, поели малины. Вдруг из дворца выходит пан и, выяснив, что я офицер, приглашает войти. Я не стал отказываться, и он провел меня в залу на первом этаже. В широком кресле сидела пожилая пани. Я

поздоровался, она по-русски пригласила меня сесть в соседнее кресло, покрытое белым чехлом, и спрашивает: «Вы не из Липецка?» Ответил, что, к сожалению, сам из Москвы и в Липецке не бывал. Она огорчилась, сказала, что родилась в Липецке. Немного поговорив, я попрощался с хозяевами и, уходя, заметил, что на белом чехле остался след от моего грязного обмундирования.

Вечерами при штабе устраивались танцы, но я туда не ходил. Почему? Я тебе расскажу. В первый день, как я прибыл в штаб армии, я нашел озеро, снял свою потрепанную гимнастерку, штаны, обмотки с ботинок, постирал-помыл, конечно, без мыла. Все это разложил, высушил. Потом все это одел и посчитал, что я кум королю. Пошел в штаб, а там, слышу, музыка играет. Какой-то солдат идет. Я спрашиваю: «Что там такое»? – «Да там танцы». Подошел, смотрю, офицеры танцуют, все такие шикарные. Одеты стильно, сапоги у них хромовые, блестят. Во ребята! Красавцы! Я смотрю, сидит симпатичная связистка. Одна. Я думаю: «Ну вот эта одна, я к ней и подсяду». Подсел к ней, говорю: «Вот у вас тут и танцы, так хорошо». Еще что-то сказал, потом предложил познакомиться. Она сидит, молчит, ничего не говорит. Ну, я тогда поближе подвинулся, приобнял ее, говорю: «Давайте познакомимся с вами». Она мягко взяла мою руку, положила мне на колено и говорит: «Слушай, у меня от больших звезд отбоя нет, а ты с маленьким лезешь». Все! Больше я туда не ходил. Один только раз сходил посмотреть американский фильм, и все. Надо сказать, что ненависти или черной зависти к этим холеным штабным офицерам я не испытывал. У меня было острое желание быть на их месте. Спать в тепле на чистом, а не во вшах, в грязном окопе, хорошо и регулярно питаться, красиво одеваться. И чтобы поменьше было смерти вокруг. Так что когда через месяц пришел приказ вернуться в полк на должность командира взвода, мне было горько и обидно. Как же я устал от всех этих боев, грязи, крови, смертей! Ну что это?! Что за жизнь?!

В полку я узнал, что в одном из боев погиб старшина Любимов.

В 1944 году обстановка под Варшавой была сложной. Нас перебросили в район города Лигионува. В одном из боев на высотке под Лигионувом я потерял наводчика орудия Митю Долинского и заряжающего Цая… Митька, как и я, был москвич. Мы с ним дружили. Так он любил стрелять из пушки! Парень – ой-ей-ей! Он сидел в ровике. И откуда ни возьмись, реактивный снаряд, и прямо в ровик. Когда я туда заглянул, меня поразила эта кровавая масса и почему-то сверху нее медаль «За отвагу». Все, не стало Митьки Долинского. Так я его и засыпал в этом

ровике.

В 2005 году в День Победы я оказался в Варшаве и благодаря помощи посла РФ смог побывать в г. Лигионув, где нашел могилу мной захороненных Долинского и Цая. Город я не узнал, трудно было определить, где эта высота – на западе, севере или востоке. Помогли местные жители, пан Р. Бескульский и гимназисты из местной школы. Оказывается, все эти годы они заботились о могиле, и не только оградили захоронение четырьмя бетонными столбами, но и вырезали на выросшем дереве христианский крест.

Как-то вызывают меня в штаб полка и отправляют в распоряжение Войска польского командиром взвода формирующегося артиллерийского полка на самоходных установках СУ-76. Там я нашел троих красноармейцев, механиков-водителей, что пригнали несколько самоходок. Через некоторое время нас одели в конфедератки и шинели английского сукна. Помню, я пошел в поселок. Иду, и вдруг открывается окошко, высовывается полька и говорит: «Вот це не польское войско! Прошу, прошу, пан!» Я зашел. Она чего-то щебечет, усадила меня, а я чувствую себя неудобно – с сапог грязь течет, под шинелью у меня наша красноармейская гимнастерка. А тут она в окно увидела, еще идет один – поручик. Она опять: «Мощное польское войско, пан поручик». Тут заходит настоящий поляк. По-польски режет исключительно. Она его тоже усадила. Они ко мне вдвоем обращаются – я ни пру ни ну. Думаю, надо сматываться, и потихоньку вышел в коридор. Смотрю, у него такая конфедератка красивая, с орлом и лакированным козырьком. Я ему свою конфедератку оставил, его надел. Шинельку тоже поменял. Вышел и пошел. Прихожу, ребята ахнули: «Ох, пан поручик!» Поступил, конечно, скверно… Вообще, отношения у нас с ними были так себе. Мы их называли «пшешики», а они нас «лаптюхами».

Как-то раз я решил обкатать одну из самоходок. Поехали в городишко, который был наполовину занят немцами. Когда ехали по улице, впереди нас стал пересекать перекресток немецкий танк. С малого расстояния мы его подожгли. Мы остановились у какого-то дома. Гришка, механик-водитель, говорит: «Пойду в подвал слажу, сок поищу». – Местные консервировали соки, а для нас это было в диковинку. – «Ну пойди, поищи». – «Пойдем вместе. Ты меня прикроешь». Пошли. Вошли в дом. Я чувствую, что здесь кто-то есть. Спустились в подвал, соков там нет, но кто-то живой есть. Мы подумали, что немцы. Гриша кричит: «Хальт!» А из-за стенки выходит полька или немка, хрен ее знает, и двое маленьких детишек. Она садится за столик у полуподвального

окна и с испугом смотрит на меня: «Капут, капут!» Я сел напротив. Сижу и говорю: «Сейчас кончится война, поеду домой в Москву, женюсь». Она то на меня смотрит, то в окно, а там дымит этот немецкий танк. Гришка ее спрашивает: чего, дескать, смотрите в окно? Это мы его сейчас долбанули. Она и говорит: «Только что на вашем месте сидел обер-лейтенант и говорил, что война кончается, что он приедет в Берлин, женится… А теперь вы из Москвы сели на его место и о том же… Интересно, жив он или погиб?» Гришка говорит: «Это можно посмотреть». Они с Гришкой сходили, посмотрели, там никого не было – экипаж сбежал. Они такие довольные пришли. Мы недолго посидели и поехали в расположение части. В расчете этой самоходки был наводчик Гуйман.

Только мы вернулись, звонят из штаба, говорят: «За Гуйманом отец приехал. Он, крупный врач, хочет забрать своего сына». А мы сидели с ним, из котелка кашу ели. Я ему говорю: «Слушай, за тобой отец приехал. Иди в штаб» – «Я не пойду, боюсь». – «Ну чего ты боишься? Я тебе дам сопровождающего». – «Я боюсь. Я не дойду». И не пошел. Наступила ночь. Среди ночи меня будит солдат: «Лейтенант, Гуймана убило». Он сидел рядом с самоходкой. Прилетел снаряд. Разорвался прямо у его ног и снес ему голову. Почему не пошел вечером? Может быть, дошел бы… Помню, когда нас перебрасывали на новое направление, посмотришь на ребят – у всех серые лица. Какие-то ненормальные. Еще такой случай. Когда из одного боя вышел, зашел в дом. По стенам зеркала висят. Я вошел, а в зеркале увидел незнакомого человека, схватился за «вальтер», он тоже… Только потом себя узнал в отражении, а уже приготовился стрелять. Представляешь, до какого состояния можно довести человека?!

– Как складывалось отношение с мирным населением?

– Мародерством и насилием занимались тыловики. От своих ребят я такого не видел. Те, кто был на переднем крае, население, как правило, не обижали, и население к нам неплохо относилось. А вдруг случится так, что тебя ранят и ты попадешь в окружение? Кто, кроме мирных жителей, тебя укроет? Вот это заставляло тех, кто был на переднем крае, не заниматься ни насилием, ни воровством. Конечно, мы шомполами искали спрятанные припасы, выкапывали и, естественно, поглощали. Без этого никак не обойтись. У меня был случай, когда я потерял двух человек, за что меня чуть не судили. Вызвали меня как-то к комбату. Я пришел. Комбат говорит: «Вот пришли из полка два разведчика, с рацией. Возьми их и иди на окраину вот этого городишки, установи связь с пехотным комбатом». Осень, дождичек моросит,

мы лесочком пошли. Вышли мы к этому городку, прошли его, вышли на окраину, нашли там действительно батальон, который и батальном-то не назовешь – в нем не больше двадцати солдат было. Все передали, как положено, и пошли обратно. Эти два разведчика, ребята разбалованные, говорят: «Давай сейчас зайдем в дом, «бимбер» найдем, колбасу. Мы знаем, где они все это прячут. Выпьем и пойдем обратно». Я на это и поддался. Зашли в дом, они раз-раз, в печку залезли – «бимбер» достали, с чердака колбасу и хлеб притащили, спустились в подвал, сели, едим. Они пьют, я нет. Уже темнеть стало, я говорю: «Ребята, хватит, вы уже лыко не вяжете». – «Пошли!» Выходим из дому, а навстречу немец: «Хальт!» – мы обратно. В окно смотрю, стоит кухня немецкая – уже немцы вошли! Батальон наш уже смотался. Немец орет: «Хальт! Хальт!» Но не стреляет. Мы в подвал, а сельский такой городишко, у этого дома сзади огород: картошка, еще посадки какие-то, а сзади забор. А у забора сарай. Через подвальное окно выбрался и по грядкам ползком, ползком. Ребята за мной. До сарая доползли, я на него только залез – по мне очередь. Я свалился на другую сторону. Во дворе началась стрельба, черт-те чего. Я подождал – ребят нет. Ну, я и пошел. Стемнело, но луна светит вовсю. Иду по улице в тени забора. На другой стороне улицы стоят сгоревшие дома. Слышу – шлеп-шлеп – кованые сапоги. Немцы! Или мне показалось, не знаю. Я к забору прижался, и вдруг открывается дверь в этом заборе, и кто-то рядом со мной выплескивает на улицу воду. Я рванулся в эту дверь. Там стоит парень, вылупил на меня глаза. Дверь закрыли, за ней – шлеп-шлеп-шлеп – прошли. Я вошел в комнату. За столом сидит пан и паненка – девочка, кушают суп. Я сел за стол, взял тарелку, ложку, налил себе из кастрюли супа и тоже стал есть. Они на меня смотрят. Я поел и думаю: «Что же мне теперь делать? Эти меня боятся – кричать не будут. Куда мне идти?» Я пана спрашиваю: «Где немцы?» – «Кругом немцы». – «Как мне выбраться отсюда? Где можно мимо них пройти?» – «Я не знаю. Кругом немцы. Пан офицер, вам не уйти. Если вас у нас поймают, то и нас расстреляют. Мы уходим». – «Нет, я вас не отпущу». Поляки между полом второго этажа и потолком первого делали такие схроны. Туда прятали запасы еды, вещи, женщин или беглых. Я вышел в коридор, посмотрел и понял, что такое укрытие у них есть. Залез по лестнице, выломал доски – действительно спрятаться можно. Я взял эту девушку, говорю: «Лезь!» Она не лезет. Я ей пистолетом по голове – лезь! Она залезла. А пану говорю: «Я ее взял в заложницы. Если ты меня выдашь, я ее тоже прикончу. Жду тебя вечером. Приходи и принеси мне гражданское». Девочка заплакала, пан тоже, но

делать нечего. Я следом за ней залез, пан забил гвоздями это убежище и ушел с сыном. Мы с ней лежим. Немцы где-то бродят, слышны обрывки речи. Походили и ушли, все тихо. Мы с этой паненкой даже разговаривать стали – делать-то нечего. Я ее заставил запомнить мой адрес, чтобы в случае, если меня убьют, она сообщила родным. Ночью пришел пан, принес гражданскую шляпу, плащ. Я спустился, надел этот плащ, под плащ автомат, вместо фуражки шляпу надел, и мы с ним пошли. Идем мимо немцев. Они: «Хальт!», он что-то им по-немецки отвечает. Ничего, прошли. Он меня довел до болота, указал направление, и я пошел. Вижу, что осветительные ракеты за спиной остались, а я все иду, вышел в какой-то лесок, слышу: «Эх, в бога мать!» – ну, значит, свои. В полк пришел – меня сразу СМЕРШ: «Где ребят потерял?» – «Они нажрались пьяные, что, я их тащить должен?! Что вы даете таких людей?!» – «Ладно-ладно, проверим». Когда город мы взяли, мы с ним поехали на «виллисе», нашли этот дом, забор, сарай, с которого я прыгал, и пана этого к тому же нашли. Он этого пана при мне назначил начальником полиции этого городишки, а мы пошли дальше.

С формированием нового полка дело обстояло плохо, не приходило пополнение, не было и самоходок, и я, немного передохнув в тылу, был отправлен в свой огневой взвод.

Зимой мы держали оборону, разместившись в домах и подвалах, брошенных местными жителями. Помню, с востока дул холодный, сильный ветер, шел снег. На переднем крае наступила тишина с редкими обстрелами со стороны противника. Мой огневой взвод получил пополнение: командира орудия Захарова, наводчика Ермоленко, наводчика Варлашкина, командиров орудий Холецкого и Масюка.

Два орудия заменили, одно по износу ствола, другое из-за попадания снаряда. Всего за время моего пребывания в трех огневых взводах было списано более 12 орудий, но ни одно не раздавлено танком или брошено.

После нового года полк выстроился в колонну, мимо которой прошло в маскировочных халатах новое командование: командир полка, подполковник Бондаренко, комиссар Царюк и начальник штаба Холоденко.

На марше батарея ЗИС-3 на конной тяге.

Реку Вислу мы форсировали по льду. Остановились в поселке на дороге в Варшаву, которая лежала в развалинах.

Ночью на «студебеккере» я был в Варшаве, так как до этого получил письмо из дома, где большой друг моего отца просил меня найти его дочь, которая проживала там на Маршалковской улице, дом 2. Варшава была пуста и горела. Дом я нашел, но там никого не было.

Полк в составе танковой колонны двинулся по дороге, проходившей параллельно реке Висла в направлении города Быдгощ. Пленных было много. При въезде в Быдгощ колонна подверглась обстрелу из пулеметов и автоматов из придорожного поселка. Командир орудия, старшина Холецкий, развернул орудие и открыл огонь по чердакам ближайших домов, но был убит. После боя мы похоронили его у башни крепости. Под прикрытием подошедших танков колонна вошла город. Немцы не сопротивлялись.

Полк двинулся к городу Штетину. По дороге вместе с нами шли беженцы и гражданские разных национальностей, работавшие на немцев. Развернувшись у Штетина, полк вел огонь с закрытой позиции по мосту, по которому отходили из Пруссии немецкие войска. Вокруг наших батарей было очень много семей немецких беженцев, безоружных немецких солдат, потерявших свои части. Отношение с ними было мирное, они нас даже подкармливали и рассказывали, что Гитлеру капут, что с января в Берлине его нет, он не выступает по радио. Они очень боялись, слушая по радио Геббельса, что их всех отправят в Сибирь. После ликвидации этого узла обороны по понтонной переправе мы переехали Одер.

Последний бой с немецкими танками мы приняли в Померании под Дойч-Кроне. Нам было приказано занять позиции

за фольварком Хлебово. Мой взвод замыкал колонну полка. Примерно за километр до фольварка колонна была встречена пехотинцами, которые махали руками и кричали: «Куда вы прете?! Там немцы!» Шедшие первыми батареи успели свернуть вправо от дороги и скрыться в лесу, а по нашей открыли огонь немецкие танки. Машины первого взвода, пытаясь съехать вправо от дороги, застряли в кювете. Я вылез из кабины и дал знак второму орудию съехать с дороги влево и занять позицию за буртом с картошкой. Там же занимало позиции подразделение «катюш», намеревавшихся открыть огонь по фольварку. Сам же проехал немного вперед, где виднелся съезд с дороги вправо от шоссе. Мы под огнем отцепили орудие, откатили его к лесу, заняв позицию между деревьями, сбросили ящики со снарядами. Впереди виднелась траншея, упиравшаяся одним концом в дорогу, а другим в озерцо. Наводчик, старший сержант Варлашкин, заметив, что в траншее полно немецких солдат, открыл по ней огонь, и те побежали, неся потери. Мы с Варлашкиным стали разворачивать орудие в сторону приближавшихся немецких танков, и в этот момент болванка оторвала ему ногу ниже колена. Я стащил его в канаву, наложил жгут из брючного ремня. Нога у Николая висела на сапоге, из которого текла кровь. Я взвалил его на спину и пытался оттащить от орудия, но тут подоспели ребята и потащили его дальше к «студебеккеру». Вернувшись к орудию, я увидел, как немецкий снаряд попал в одну из установок «катюши», и они, подрываясь, по очереди были уничтожены, там погибло и мое второе орудие с расчетом. В это время в проход между дорогой и озером в атаку на позиции нашей пехоты пошли немецкие танки и самоходки. Подпустив их метров на 200-300, я в борт сжег две машины, а остальные повернули обратно.

После разгрома танковой группировки в Померании наш полк маршем был направлен к Берлину. На наших глазах немецкая армия разваливалась. Повторялся наш 1941 год, но наоборот… Немцев так было много, что их уже не брали в плен, и они колоннами шли в неизвестном направлении. На этом марше наш взвод потерял командира орудия Масюка. Он стоял ночью на посту у дома, где находился командир батареи. Мимо него прошла колонна, и один из нее подошел к Масюку прикурить. Поняв, что перед ним немецкий офицер, он взял его в плен и завел в дом. Пока комбат допрашивал обер-лейтенанта, Масюк разбирался с отобранным у того парабеллумом и сам застрелил себя.

Во время подготовки наступления на Берлин окончательно решился вопрос о переформировании полка в тяжелый

самоходный. Мы успели получить четыре самоходки ИСУ-152, «коровы», как их называли, и я стал командиром одной из них. Мы были приданы штурмовым группам, которые состояли из пехотинцев, саперов. Когда начались бои за Берлин, мы в составе штурмовой группы шли по улицам и в основном вели огонь из пулемета по открытым окнам верхних этажей и по подвалам. На нашем направлении сопротивление было разрозненное и слабое. 1 мая мы двигались к центру города по одной из улиц. Неожиданно нашу самоходку крутануло. Я вылез из люка, чтобы посмотреть, что произошло. Гусеница была сорвана взрывом снаряда или мины. В этот момент недалеко разорвался снаряд, и осколок ударил меня по коленке, разбив коленную чашечку и порвав связки. Я упал. Меня подхватили ребята и оттащили в подвал, где перевязали. Ребята наложили шину из двух палок, завязали их проволокой и попытались меня научить ходить с этим приспособлением. Но я не смог. В этом подвале я пролежал до вечера второго мая. Ребята бегали, помню, принесли сигары, французский коньяк. Потом притащили целый бидон. Говорят: «Мы тебе мороженого принесли». Дали ложку, я, когда ковырнул, попробовал – оказалась известка. Они сами не попробовали, перли-перли – мороженым угостить! Вскоре меня отвезли в госпиталь в Потсдам. Немецкие врачи сделали мне операцию и вставили протез коленного сустава. После излечения я был демобилизован в 1946 году из рядов РККА по статье 1А. Ходить я мог, только опираясь на палку.

Пришел в свой институт. А мне говорят: «На тебя данных нет, что ты у нас учился. Мы эвакуировались, все потерялось». – «Простите, что же мне делать?» Пришлось заново сдавать вступительные экзамены. И надо сказать, что, к своему удивлению, хотя прошло четыре года, я их сдал. Окончил Московский инженерно-строительный институт им. В. В. Куйбышева, проектировал и строил в электронной, затем в авиационной промышленности многие оборонные предприятия по всему Союзу.

Какое было отношение к инвалидам войны? Это был тяжелый период. Люди без рук, без ног побирались в электричках. Пенсия была маленькой. Семьи отказывались от калек. Приходилось слышать упреки: «Зачем вернулся? Ты должен был там погибнуть, а ты пришел». Столько ненависти было, откуда только, я не понимаю. Первое время после войны фильмы снимались только о генералах, совершавших невероятные подвиги. Вот ты спрашивал, как я отношусь к фильмам «На войне, как на войне», «Горячий снег». Как к детективу, как к историческим романам. В них нет ничего из того, что было на самом деле. Ну посуди сам, как

можно было поставить орудия в ряд, как это сделано в фильме Бондарева? Танки с флангов бы зашли и подавили бы их. Они же не смогут через друг друга стрелять! Генерал ходит, ордена раздает – галиматья! У нас командир полка, и тот не показывался. Даже комбат старался метрах в трехстах с машинами находиться.

– Война снится?

– Сейчас нет. А на первых порах, когда я только вернулся домой, снилась. Все вроде хорошо, засыпаю. Снятся какие-то травинки, и вдруг разрыв. Я просыпаюсь в холодном поту, дышать нечем, воздуха нет – все, отдаю концы. Года три мучился, а потом прошло. А потом все ушло, забылось, ни о чем я не вспоминал. Это под старость чего-то я разговорился.

Дорман Моисей Исаакович

В июне сорок первого мне исполнилось 17 лет. За несколько дней до начала войны я окончил школу-десятилетку №1 в городе Первомайске и получил аттестат зрелости. Решил поступать в Ленинградский Военно-механический институт. 20 июня выслал документы, но даже уведомления не успел получить. Первые дней десять после начала войны мы имели информацию о происходящем на фронте только из газет и радио.

С начала июля наш город непрерывно бомбили, поскольку в нем находился штаб Юго-Западного фронта, железнодорожный узел, стратегический железнодорожный мост через Южный Буг. Так что немецким авиаторам целей хватало. Когда жителям Первомайска стали свободно выдавать разрешения на эвакуацию, то выехать из города уже было невозможно. Поездов для беженцев не было. Отправляли только эшелоны с заводским оборудованием и воинские составы. Несколько дней подряд мы приходили на полуразрушенную бомбежками станцию, но нас гнали отовсюду, объявляя, что этот эшелон «спецзаводской», а тот – «особый», куда беженцам доступа не было. Иногда уже готовый к отправке эшелон попадал под очередную бомбежку. Уцелевшие после нее вагоны цеплялись к воинским составам. Попасть на поезд не удавалось. Я с моими пожилыми родителями, младшими братом и сестренкой, старенькой бабушкой, после каждой неудачи, измученные и обессиленные, возвращались домой, а наутро снова шли на станцию, пытаясь вырваться из города на каком-нибудь

поезде. Никогда не забуду того ощущения надвигающегося ужаса и безысходности.

С 23 июля по Первомайску поползли слухи, что город полностью окружен. А 26 июля случайно услышал, что со станции отправляется последний заводской эшелон. Вся семья побежала на станцию, находившуюся в трех километрах от нашего дома. Пока добежали, два раза попали под бомбежку. Заводской эшелон был составлен из открытых платформ, плотно заваленных станками, деталями машин, ржавыми балками, электромоторами, грубо сколоченными ящиками. Все железнодорожное начальство и охрана станции уже сбежали, никто нас с платформ не прогонял. Город продолжали бомбить. Рядом с нами дымились развалины разбомбленного локомотивного депо.

Эшелон не двигался с места – не было паровоза. Мы молили бога только об одном – чтобы бомба не попала в железнодорожный мост. Иначе – конец всем надеждам спастись… Ночью через город торопливо прошли толпы отступающих красноармейцев, какие-то обозы. Это было не отступление – бегство… Станцию снова и снова бомбили. Тяжелые часы ожидания какого-то чуда… На рассвете откуда-то внезапно появился старенький паровоз «Щука».

Наш эшелон прицепили к этому паровозу. Железнодорожные пути на мосту через Буг были целыми, но, видимо, ненадежны. Эшелон двигался очень медленно, поминутно останавливаясь. За первые сутки мы проехали всего десять километров. А дальше нам предстояла тяжелая дорога на восток. Бомбежки, обстрелы, тяжелые бытовые условия и голод на протяжении всего пути. Многие из нашего эшелона потерялись в дороге, заболели, отстали. Многие пристали к нам на бесчисленных вынужденных остановках – окруженцы, беженцы, отставшие от своих эшелонов… Двадцать дней длился этот путь до Волги. В Ртищеве наш эшелон разгрузили и направили беженцев дальше, в глубь страны. Наша семья попала в город Лысьва, а потом я уже один скитался по стране. Казань, Магнитогорск… Испытаний на прочность хватало с лихвой.

В середине 1942 года узнал, что Ленинградский военно-механический институт, в который я отправлял документы, находится возле Перми, в Мотовилихе. Я поехал туда. В октябре месяце добрался до института. Меня зачислили на артиллерийский факультет. Институт хоть и считался военным и даже давал «бронь» от призыва в армию, но все учащиеся ходили в гражданской одежде.

Сильный голод, по карточкам студентам выдавали 400 граммов хлеба на сутки… Проучился я там до начала декабря. На

группу было всего шесть парней, и кроме меня, все остальные ребята были детьми преподавателей института.

Решил уйти на фронт. Получил в институте справку об отчислении и снятии с «брони», явился в военкомат и стал проситься добровольцем. Прошел за полчаса все обязательные комиссии и был направлен в 1-е Ростовское артиллерийское училище (1-е РАУ), готовившее командиров противотанковой артиллерии. Что представляло из себя училище? Училище принимало участие в летних и осенних боях на Кавказе, понесло большие потери под Моздоком и в конце 1942 года РАУ было переведено в глубокий тыл, обосновавшись в затерянном уральском городке Нязепетровске на севере Челябинской области. Оно разместилось в огромной полуразрушенной церкви, постройки еще, наверное, демидовских времен. В училище было три дивизиона, в каждом по три батареи. В батареях было примерно по 120 курсантов. Артиллерийский парк училища состоял из 45- и 76-мм пушек и 122-мм гаубиц. Вся артиллерия в училище была на конной тяге.

Обучение артиллерийскому делу и все практические занятия для курсантов проводились на «трехдюймовках».

В училище отбирали курсантов с образованием не ниже семи классов.

Больше ни на что не смотрели. Я попал в 38-й учебный взвод. Большую часть взвода составляли 18-летние ребята, вчерашние школьники и студенты.

Было человек десять бывших уголовников, молодых и наглых, попытавшихся сразу установить тюремные порядки на батарее. Была группа местных уральских жителей, все старше тридцати лет. На курсе было несколько взводов, полностью укомплектованных фронтовиками, направленными с передовой на учебу в училище.

По большому счету добрых воспоминаний о училище у меня не осталось. Прибыл в Нязепетровск, провел в училищном «карантине» несколько дней. В первый же день пребывания у меня украли все вещи, в том числе мои единственные ценности: самопишущую ручку, подаренную мне на окончание школы, большую редкость по тем временам, и, что еще обиднее, отцовскую реликвию – наградные отцовские серебряные часы «Павел Буре», с гравировкой «За отличную стрельбу», полученные им в 1916 году.

Эту потерю я воспринял с большой болью, как дурное предзнаменование. 15 декабря 1942-го нас вывели из карантинного барака, сводили в баню. Всю свою гражданскую одежду мы по указанию какого-то офицера «добровольно» сдали в

«Фонд обороны», о чем подписали какую-то расписку на тетрадном листе. Выдали нам изношенную форму х/б, куцые истертые шинели и истоптанные ботинки с обмотками. Рвань, а не обмундирование…

Зима 1942-1943 года была на Урале очень суровой. Морозы нередко достигали пятидесятиградусной отметки. Ночью температура в церкви, где жили курсанты, не поднималась выше ноля. Вода в ведре за ночь превращалась в лед. При Советской власти церковь превратили в склад сельхозинвентаря, здание обветшало, дуло из всех щелей. Каждую ночь перед сном нас заставляли бежать 8 километров в ближайший лес, брать на лесосеке бревна и тащить их в училище. Каждый был обязан принести бревно 2-метровой длины. Трехэтажные нары, мешки-матрасы, набитые соломой. Постоянное ощущение голода. Скудный паек военного времени – капустный суп, мороженая картошка. Хлеб – стыдно сказать – делили по тюремному обычаю. Один из курсантов отворачивался и называл того, кому надо отдать следующую пайку. Попасть в наряд на конюшню считалось за счастье, там можно было жмыха поесть! Вне строя и вне казармы курсанты были обязаны передвигаться только бегом. Дисциплина в училище была «драконовской». Давили нас нарядами за малейший намек на нарушение устава или за самую незначительную провинность. Мой взводный, лейтенант Шорников, вернувшийся после боев на Кавказе и стремившийся снова вернуться на фронт, был уважаем курсантами и вел себя достойно. Хороший парень, он неоднократно подавал рапорты начальству с просьбой о направлении в действующую армию. Мы ценили его порыв. Достойное впечатление оставил командир батареи Паришкура. Опытный и справедливый офицер. Вызывал уважение замначальника училища, немец полковник Лампель. Импозантной личностью был наш начальник училища, комбриг, по фамилии, кажется, Кудрявцев. Из бывших царских офицеров. Породистое благородное лицо, борода-эспаньолка, внимательный строгий взгляд, особая выправка и лоск.

Был в училище один неприятный момент. Атмосфера в училище была достаточно антисемитской. Нас во взводе было семь евреев. Так почти каждый день возникали драки и стычки с «уголовниками» на национальной почве. Да и отдельные командиры у нас отнюдь не были интернационалистами. Стоим в строю, а в нескольких метрах от нас командир соседней курсантской батареи, заливаясь от смеха, рассказывает офицерам, как он «на Кавказе жидов грабил». Нормально? Представляете мои мысли в ту минуту? Никаких увольнительных, выходных или каких-либо «развлечений». Тупая повседневная муштра. 12-14

часов напряженных занятий в день. Курсанты, угнетенные холодом и голодом, с большим нетерпением ждали окончания училища как избавления. Неуспевающих в учебе отчисляли из училища и отправляли на фронт в сержантском звании. И на таком фоне прошли девять месяцев моей учебы в училище.

Если оценивать подготовку в училище, то полученный объем знаний был, конечно, мал для фронта. На передовой пришлось многому учиться заново. Готовили нас на «полковушках» образца 1927 года. Стреляли мы мало. Зачетные стрельбы от каждой батареи провели всего по несколько человек. Я был «стреляющим», корректирующим огонь, только один раз. Стрельба по макетам танков, которые тянули на тросах, была только два раза. Немецкие танки мы видели только на картинках. А ведь для того, чтобы воевать в противотанковой артиллерии, нужен опыт. Ведь борьба с немецкими танками, даже для служивших в ИПТАПах или в ОИПТД, не была постоянным уделом. Фронтовая жизнь показала, что кроме уничтожения немецких танков, не менее важной задачей для противотанкистов является поддержка пехоты «огнем и колесами». Понимание реальной обстановки, динамики боя, а также «чувство местности» приходят только в деле, в бою и, к сожалению, не сразу. А все эти училищные занятия по тактике…

Учили нас стрельбе с закрытых позиций. Я за полтора года на передовой ни разу не вел огонь с закрытой огневой, все время только на прямой наводке.

Все эти трудности курсантской жизни помогали преодолеть настоящие друзья, которых я нашел в училище. Мы держались вместе: Николай Казаринов Костя Левин, Валентин Степанов и я. После окончания училища сложилось так, что на фронте мы с Николаем попали в один противотанковый дивизион, а Костя с Валентином – в другой. Николай Казаринов призвался в армию из Йошкар-Олы. Очень душевный и справедливый человек. Погиб в бою местного значения 25/06/1944 у села Пистынь. Батарея, в которой служил Казаринов, отбила атаку мадьярской пехоты. После боя произошел внезапный артналет, и Николай был сражен осколком снаряда. Я лично хоронил друга в яблоневом саду на окраине села. Солдаты дали три залпа из карабинов, а я машинально выпустил из пистолета всю обойму…

28 апреля 1944 года под Яссами подорвался на минном поле другой мой друг и однокашник, москвич Валентин Степанов.

Костя Левин, севастополец, бывший студент-медик. Талантливый поэт, человек сложной судьбы. В конца апреля сорок четвертого года под Яссами немецкий танк раздавил его пушку. Осколком снаряда Косте перебило ногу у самого колена.

Нога висела на сухожилиях. Левин пытался отрезать ее перочинным ножом, но сил у истекающего кровью Кости на это не хватило… Он, теряя сознание, успел доползти до своих. После войны безногий инвалид Костя Левин поступил в Литературный институт им. Горького. Его незаурядный поэтический дар был отмечен многими именитыми литераторами. Но, когда началась «кампания борьбы с космополитами», после долгой бесчестной, гнусной и бездушной травли Костю, одного из лучших студентов, боевого офицера и инвалида войны, исключили из института. После этого жизнь у Кости сложилась очень тяжело… Яркая личность, человек чести. Мой самый близкий, мой последний друг юности ушел из жизни 19 ноября 1984 года. Добрую память о нем, о Николае и о Валентине я храню всю свою жизнь…

Вернемся в училище. Летом 1943 года нас перевели в военный городок на окраине Челябинска, в так называемые «Красные казармы». Там, по окончании ускоренного курса, нас и произвели в офицеры – присвоили звание младшего лейтенанта.

Последнюю неделю перед выпуском нас стали меньше гонять и третировать, у нас появилось ощущение некоторого раскрепощения, освобождения от грубого ежедневного гнета. В день выпуска перед нами выступил начальник училища. Помню дословно его прощальное напутствие: «Поздравляю вас с первым офицерским производством! Родина скоро поручит вам своих сынов. Помните, солдаты должны видеть в каждом из вас не только своего начальника, которому обязаны беспрекословно подчиняться, но и пример для подражания. Любой ваш поступок будет на виду, все заметит внимательный солдатский глаз – и доблесть, и трусость, и заботу, и пренебрежение. Если вы хоть раз струсите или проявите непорядочность, то лишитесь уважения солдат, ваших товарищей по оружию, обесчестите свое имя и покроете позором офицерский мундир. Лучше смерть, чем такой позор!»

Перед отправкой на фронт нам выдали офицерские гимнастерки, кирзовые сапоги, солдатские ремни и новые шинели. Сначала выпустили из училища и отправили на фронт взводы, состоявшие из бывших фронтовиков.

В октябре 1943 года нас, примерно 300 человек свежеиспеченных младших лейтенантов, посадили в «телячьи вагоны» и отправили в действующую армию. Доехали до разбитого Харькова. Здесь попали в 38-й отдельный дивизион офицерского резерва (ОДОР) под командованием майора Титова. ОДОР восполнял потери в офицерском составе в артиллерии 38-й армии. В этом резерве я провел полтора месяца. Эти месяцы мы жили по принципу – «Дальше фронта не пошлют, меньше взвода

не дадут!»

Только в декабре 1943 года я попал на фронт, в 14-й отдельный гвардейский воздушно-десантный истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион – ОИПТД, во 2-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию. Так началась моя фронтовая служба.

В состав дивизиона входили три батареи, в каждой по два огневых взвода. Взвод управления был только при штабе дивизиона. В каждой батарее было по четыре 45-мм орудия образца 42-го года и примерно 25-30 человек личного состава, включая водителей. Орудия были на механической тяге, мы передвигались на «виллисах». Осенью сорок четвертого «сорокапятки» нам заменили на 76-мм орудия ЗИС-3, а вместо «виллисов» дивизион получил машины «додж 3/4». На батареях не было своих связистов или разведчиков, все они находились в дивизионном взводе управления. В штате дивизиона числилась рота ПТР из 12 противотанковых ружей, но у нас эта рота была источником пополнения для замены выбывших из строя бойцов артиллерийских расчетов и по прямому назначению использовалась редко. При штабе дивизиона был еще взвод боепитания, примерно десять человек.

На дороге. На фото видно, что «додж» тянет орудие ЗИС-3, тогда как «виллис» – «сорокапятку».

Дивизионом командовал гвардии майор Федор Кузнецов. Поскольку дивизион наш был отдельным, то права командира ОИПТД приравнивались к правам командира полка. В штабе дивизиона помимо командира было еще несколько офицеров-управленцев – замполит Кудрявцев, адъютант старший Макухин, заместитель командира Вишневский, начальник боепитания, начфин, он же начальник ОВС-ПФС, помпотех, «начмед»-военфельдшер. Ну и штабной «коллектив» – писаря, почтальон,

химинструктор, две девушки-медработницы, парторг, снабженцы и прочие «придурки». В дивизионе было две рации, но они никогда не работали, и я даже не вспомню, были ли у нас вообще радисты. Всего у нас было около 180 человек личного состава.

Как я уже сказал, на вооружении дивизиона состояли длинноствольные пушки 45-мм, образца 1942 года, конструкции генерала Крупчатникова. Мы называли эту пушку – 45 мм/68 калибров. Легкая, весом всего в 570 килограмм. Два-три человека с легкостью перекатывали «сорокапятку» по полю. Пушечка низенькая, как у нас говорили – «можно землю подковать». Откидные щитки, один центральный и два боковых. Скорострельность пушки до двадцати выстрелов в минуту. Теоретическая дальность стрельбы по танкам – 1200 метров. «Сорокапятки» отличались высокой точностью стрельбы. Прицел был обычный, не «панорамный». Расчет состоял из пяти-шести человек – командир, наводчик, заряжающий, двое правильных, они же – подносчики снарядов. Для борьбы с танками пушка 45-мм была малоэффективна. Вероятность подбить из «сорокапятки» немецкий средний или тяжелый танк была близка к нулевой. После первого же выстрела эта пушка себя демаскировала, и если в это мгновение расчет попадал под прицел немецкого танка – шансов выжить у него не оставалось. Ни единого…

Наши пушки-»сорокапятки», по идее, предназначены и приспособлены только для стрельбы прямой наводкой. Поэтому мы всегда располагались близко к немцам, на самом передке, в боевых порядках пехоты, на открытых позициях. Наши пушки почти всем хороши – маленькие, легкие, точно бьют, легко маскируются и незаметны, пока, конечно, не стреляют. Недостаток у них один – слабоват огонь. Мы довольно эффективно подавляем близкие огневые точки, легкую бронетехнику и одним своим присутствием ободряем пехоту, укрепляем ее боевой дух, то есть «поддерживаем огнем и колесами». У каждого расчета был запас противотанковых гранат и пулемет ДП для борьбы с немецкой пехотой и свое стрелковое оружие. Вот, в принципе, и вся короткая характеристика отдельного дивизиона ПТА.

– Были ли какие-то ограничения в использовании боекомплекта у «сорокапятчиков»? Создавался ли неприкосновенный запас снарядов на батареях?

– Никто не создавал НЗ, и на открытие огня мне не требовалось разрешения командира дивизиона. Я не помню, чтобы у нас была катастрофическая нехватка снарядов. Было достаточно осколочно-фугасных снарядов, бронебойных, подкалиберных. Старались побольше запастись картечью,

поскольку с немецкой пехотой лоб в лоб приходилось сталкиваться очень часто. Картечь и подкалиберные – снаряды ближнего боя.

На осколочно-фугасном снаряде свинчивался колпачок и получался осколочный снаряд. Были картечные снаряды в картонном корпусе, начиненные стальными обрезками, гайками и гвоздями. На «виллис» обычно грузили восемь снарядных ящиков – половину боекомплекта, среди них обязательно картечь!

По расходу снарядов можно полностью представить картину прошедшего боя. Вот у меня сохранилась запись из записной книжки Кости Левина о расходе снарядов на орудие в бою 25/04/1944. Всего орудие выпустило 66 снарядов, из них – 28 осколочных, 7 картечей (значит, немецкая пехота была совсем близко, не далее 200 метров), 21 бронебойный, 10 подкалиберных (значит, отбивали танковую атаку с близкого расстояния). В конце войны нас заставляли собирать и сдавать стреляные снарядные гильзы, цветной металл был в стране уже в дефиците.

– Как подготавливали орудия к бою?

– А они у нас всегда были готовы, дивизион могли в любую минуту перебросить на очередное «танкоопасное направление», и мы «с колес» сразу вступали в бой. В обороне орудия мы проверяли и готовили очень тщательно. Но в наступлении времени на дотошную выверку прицела зачастую не было. Поэтому наши пушки были всегда в полной готовности. Всегда обязательно чистый ствол.

– Нашивки ПТА в дивизионе носили?

– Да. У всех на рукавах была нашита наша эмблема – черный ромб со скрещенными стволами в центре. Эмблему носили все – и бойцы расчетов, и штабные. Было еще одно отличие от обычных артчастей. Бойцы и офицеры дивизиона получали надбавку к жалованью за службу в ПТА, и вроде нам еще иначе зачитывался срок службы – за год в ПТА в послужном списке писали полтора года.

– Как распределяли офицеров, прибывших на пополнение в дивизион?

– Пришел из армейского резерва в штаб дивизиона вместе с Казариновым. Представились командиру по случаю прибытия в штаб. Сунули нам в руки по полстакана с чистым спиртом, выпили… Казаринов попал в батарею старшего лейтенанта Романова, а я в батарею старшего лейтенанта Салтыкова. Начал потихоньку вживаться во фронтовую жизнь, набираться боевого опыта. А потом начались упорные февральские бои вокруг Корсунь-Шевченковского котла. В марте 1944 были тяжелейшие бои под Проскуровом, за которые дивизия получила

наименование Проскуровской.

Мы первыми ворвались на станцию Гречаны, забитую немецкими эшелонами. Помню, как захватили «сладкие трофеи» – мешок с мармеладом. Весь март и апрель на пределе человеческих сил, пробиваясь через непролазную весеннюю украинскую грязь, мы вели бои с немцами. И только в мае 1944-го фронт встал в предгорьях Карпат.

– Первую свою встречу с немецкими танками помните?

– Первая серьезная встреча во время удачного для немцев прорыва из Корсунь-Шевченковского котла. Мы стояли на внешнем обводе окружения в районе села Кобеляки. Шел снег. Немецкие танки стреляли из оврагов, скрываясь за домами. За короткое время были уничтожены две пушки из нашей батареи. Я стоял с орудием у занесенной снегом дороги. К нам подошел взвод СУ-76. Взводный спросил: «Где тут дорога?» А вокруг все засыпано снегом. Из-за домов появилась немецкая самоходка «фердинанд». Мы сделали по ней три выстрела, но снаряды чиркнули по броне, отлетали рикошетом, как мячики. СУ-76 прошла вперед метров десять, и тут снаряд из немецкой самоходки прошил «сушку» насквозь, а потом немец добавил в нее еще два снаряда. Так погибли наши самоходчики. Я побежал к установке, хотел снять прицел-панораму с орудия. Заглянул внутрь, а там… Чья-то оторванная рука, все в гари и дыму, месиво. Панораму заклинило, снять ее не могу. И тут я понял, что мне надо срочно сматываться, один бак у самоходки еще полный, и если сейчас немец выстрелит по ней, то от меня и воспоминания не останется. Я вылетел из самоходки, залег, прополз несколько метров, как снова болванка прошила СУ-76 насквозь. А потом еще с десяток снарядов прилетело. Страшный был момент… Немцы свободно доставали нас пулеметным огнем, начался сильный минометный обстрел. Ящики со снарядами на нашей огневой загорелись от пулеметной очереди. Мне приказали отойти на несколько сот метров за овраги. Покатили пушку. На отходе попали под артобстрел бризантными снарядами, фронтовики знают, что это за «удовольствие»… Вдруг наводчик орудия, молоденький татарин, вспомнил, что забыл прицел на огневой. Вернуться за прицелом он отказался, говорил: «Не пойду! Там немцы!» Пришлось заставить. Вот такой был мой первый опыт «борьбы с танками противника».

– Когда Вы приняли батарею под командование?

– Первый раз пришлось принять командование батареей в марте 1944 года под Проскуровом. Во время боя случилось ЧП, внезапно исчез комбат-2, старший лейтенант Салтыков. Через несколько часов его нашли в стоге полусгнившей соломы. Он был

невменяем, бормотал что-то невнятное. Его повезли в госпиталь для выяснения – действительно ли он тронулся умом или придуривается, чтобы скрыть дезертирство. А свихнуться в ПТА было легко. Салтыков из госпиталя к нам не вернулся. Меня назначили командиром батареи, но в июне того же года я вернулся к обязанностям командира огневого взвода и снова стал комбатом только через несколько месяцев.

– Были случаи, что бойцы сходили с ума?

– Бывало. Помню, в Карпатах к нам пришел на пополнение солдат Бураков, молодой парнишка. Внешне выглядел спокойным, только был чрезмерно молчаливым… Все хорошо, но по ночам он будил и пугал нас дикими криками, какими-то предсмертными воплями. Выяснилось, что однажды ночью Буракова и его трех товарищей, уснувших в боевом охранении, захватили врасплох немецкие разведчики. Бураков успел затаиться в кустах, накрывшись плащ-палаткой. Одного его товарища немцы сразу уволокли к себе, забив рот кляпом. А двоих других немцы долго душили и резали. То ли ножи были тупые, то ли солдаты сильно сопротивлялись. Бураков лежал в кустах и, умирая от страха, видел это жуткое зрелище, как хрипели и дергались тела его погибающих друзей…

И каждую ночь он видел эту картину во сне. Стал панически бояться темноты.

Со временем эти ночные припадки участились, и психика Буракова окончательно сломалась. Его отвезли в санбат, и к нам он уже не вернулся.

– Почему в июне вы ушли снова командовать взводом?

– Из резерва прислали нового комбата. Служил он ранее командиром гаубичной батареи в полку РГК, под Курском был тяжело ранен и после годового скитания по госпиталям и офицерским резервам он возвращался на передовую. Батарея занимала позиции у подножия высоты, прозванной нами «Кобыла».

Вдруг, вижу, к нам едет на «виллисе» начальник штаба дивизиона капитан Макухин. Я еще удивился. Штабные к нам никогда носа не казали, того же Макухина я последний раз видел на батарее в феврале, и то во время затишья… Рядом с Макухиным был высокий статный, усатый и уже немолодой капитан. Новенькая с иголочки форма, начищенные до блеска хромовые сапоги, редкая на фронте кавалерийская портупея. На груди – боевые ордена и две медали. Вид строгий, внушительный. Я, как положено, доложил начштаба – обстановка спокойная, имеем полный БК, потерь на батарее нет, держим огневые позиции по гребню высоты, и так далее.

Макухин пожал мне руку и сказал: «Привез вам командира батареи».

Новый комбат начал принимать у меня дела. В первую очередь его возмутило мое имя-отчество, как это, Моисей Исаакович, а не Михаил Иванович, например.

Потом он потребовал показать ему блиндаж комбата. И когда он узнал, что у меня нет отдельного блиндажа и что я сплю вместе со вторым расчетом в ровиках возле орудия, – его изумлению не было предела.

Его реакция на услышанное была следующей: «Подрываешь дисциплину и авторитет офицера! Ничего, я наведу у вас порядок!..»

Собрал новый комбат личный состав батареи и хорошо поставленным командным голосом предупредил, что не потерпит никаких нарушений воинских порядков и уставов. В тот же день бойцы батареи стали строить этому комбату огромный блиндаж с отдельными отсеками для ординарца и телефониста.

И зажил этот комбат барином, поражая всех своим высокомерием, неразумной требовательностью. У орудий он почти не появлялся…

К солдатам относился свысока, с подчеркнутым пренебрежением.

Все его придирки облекались в строго уставную форму. Бойцы начали роптать: «Что за надзирателя к нам прислали…» Ненависть и черная злоба по отношению к комбату копились в сердцах солдат батареи.

На передовой стояло затишье. Вдруг комбат отлучился и вернулся на батарею с женщиной! Привез на передовую деревенскую девушку 19 лет, которая уже успела ему родить в тылу ребенка! Познакомился с ней в госпитале, где она работала санитаркой. Это же надо додуматься, привезти гражданского человека на передний край. А потом этот комбат вообще «съехал с катушек».

Приревновал одного из командиров расчетов к своей даме и ночью, выбрав момент, когда у пушки никого не было, незаметно запихал в ствол орудия дерна.

Пушку должно было разнести при первом же выстреле, а весь расчет убить или покалечить. И меня заодно отправить на тот свет или в штрафную…

Хорошо, что ребята заметили, как комбат крутился на огневой.

Мы быстро прочистили ствол. Вскоре с НП комбата поступила команда: «Ориентир такой-то, немецкий наблюдательный пункт на дереве. Открыть огонь!» Этот подлец и

хладнокровный убийца хотел понаблюдать, как весь расчет вместе с орудием взлетит на небо.

Мы выстрелили четыре снаряда, три из них попали точно в цель.

Комбат пришел на огневую и сквозь зубы процедил: «Ты, Дорман, оказывается, у нас хитрец. Но со мной тягаться – молод еще, кишка тонка. Ничего, доберусь я до вас, от меня никто не уйдет!..» И вот с таким дерьмом пришлось воевать рядом.

Командир дивизиона Кузнецов знал все, что творится у нас, вероятно, у него был «штатный стукач» на нашей батарее.

Зная о назревающем на батарее конфликте, Кузнецов перевел меня командовать взводом управления вместо убитого КВУ.

Много чего еще «неординарного» натворил этот комбат.

А потом началось общее наступление, и тут произошло следующее событие.

Осенью сорок четвертого года, уже в Восточной Словакии, бойцы батареи пристрелили по-тихому этого комбата во время артобстрела.

Довел он ребят до «белого каления».

Объявили, что погиб от осколка вражеского снаряда.

Замполит произнес пламенную речь над могилой павшего смертью храбрых капитана. Командир дивизиона был в курсе, что там произошло на самом деле и кто стрелял (как, впрочем, знали и многие артиллеристы), но, слава Богу, виду не подавал.

После гибели комбата мне приказали вернуться на батарею и снова принять ее под командование.

Потом приехали на разборки представители из СМЕРШа дивизии.

Нарыть они ничего не смогли. Сидели в штабе дивизиона и вытаскивали свидетелей на допрос.

Мы находились на передовой, в низине, и немцы, из каменного фольварка расстреливали нас из пулеметов.

По телефону из штаба требовали срочно прислать свидетелей.

Ребята ползли в тыл под плотным немецким пулеметным огнем. Один из них, который мог в принципе «расколоться» на допросе, получил по дороге в штаб ранение в ногу и сразу был направлен в санбат.

На батарее все облегченно вздохнули… И такое бывало на фронте…

Несколько слов надо сказать о командире дивизиона майоре Кузнецове. За глаза его называли по-свойски, но с уважением, просто – Федя, был он одной из самых противоречивых человеческих натур, которые мне пришлось встретить на

протяжении всей жизни. Смесь достоинств и недостатков.

Майор Кузнецов был кадровым военным, родом из Горьковской области.

В 1943 году ему было лет тридцать пять от роду.

Дивизионом он командовал с 1942 года и был в нем «бог и царь», окруженный денщиками, холуями и ППЖ.

И вроде человек справедливый, толковый, решительный, но самодур. Вспыльчивый, но не злопамятный.

За всю войну я не помню, чтобы он кого-то «упек» в штрафную роту, хотя мог это сделать много раз. Большой любитель выпить, бабник и охальник, знаток матерного языка, он был любим солдатами.

Если бы не пил – был бы идеальный командир.

Отчаянно смелый по пьянке, он в конце войны очень захотел выжить, при себе держал военфельдшера и стал постоянно подставлять других под пули… Вместо войны «заболел трофейной лихорадкой» и на этой ниве заметно преуспел.

За наградами особо не гонялся, имел четыре ордена, включая орден Красного Знамени, хотя мог при желании навесить себе на грудь еще несколько.

Федя был в хороших отношениях с начальником штаба артиллерии дивизии.

Любил действовать самостоятельно, а не подчиняться пехотным начальникам. Поэтому когда нас придавали пехоте, он бывал недоволен и раздражен: «Опять эти обалдуи из штаба артиллерии отдают нас для «поддержки штанов!»

Любил покрасоваться на людях. Не раз случалось, под обстрелом, когда мы с ходу разворачивались на самом «передке», под носом у противника, его громогласные команды и изощренная хмельная брань далеко разносилась, так сказать, над полем брани. Возможно, и до немцев долетало: «Смотри, пехота, как истребители воюют! Не прячьтесь по кустам! В штаны напустили! В душу! В бога! Мать-перемать!» И гнал свой «виллис» вперед до упора, а мы, само собой, летели за ним.

Конечно, часто «залетали», и многие ни за что сложили свои головы.

Часто, слишком часто…

В Карпатах, уже после Ужгорода, на марше в горах, наш Федя по пьяной дурости угробил половину дивизиона. Пехотная колонна остановилась впереди нас перед поворотом дороги. Немцы держали дорогу под плотным огнем, и все, кто отважился выскочить за поворот, были сметены немецким артогнем.

Перед нами была пробка из подбитых машин.

Кузнецов обложил пехоту по матушке и крикнул: «Сачки! Мы

вам покажем, как воюют гвардейцы!» Дал приказ продолжить движение вперед.

И когда мы появились из-за поворота, то попали под точный артналет.

Потери наши были больше 50%… И даже этот случай бойцы Феде простили…

Непростой был человек. Евреев не любил, но при мне на эту тему много не разорялся. Хотя мог позволить себе ляпнуть, что-нибудь такое: «Ты что там с орудиями встал?! Палестина тебе там, что ли!?»

На Одере, в районе Глейвице, подъехали к переправе.

Весь берег завален трупами после неудачной переправы и ликвидации немцами плацдарма, захваченного ранее нашими стрелками.

Одер в том месте был шириной метров триста.

На том берегу нашей пехоты уже не осталось. Федя мне приказал переправиться с одним орудием на немецкий западный берег и закрепиться.

Я спросил его: «Товарищ майор, я что, один плацдарм держать должен? Кто-нибудь еще будет?»

В ответ: «Нет. Надо будет, мы тебя с этого берега поддержим!»

Переехал по понтонному мосту на противоположный берег. Семь человек, одно орудие, половина БК…

Без связи… Сразу за нами саперы расцепили понтоны и увели их в сторону.

Одним словом, пустили нас помирать смертью храбрых, «на живца».

Когда ночью до нас добралась полковая разведка с соседнего плацдарма, мы долго не могли поверить, что до сих пор живы.

А пустить мою батарею под танки впереди пехоты для командира дивизиона тоже было плевым делом.

Впереди немецкая деревня.

Кузнецов дает приказ: «Двигай туда, займи деревню и дай зеленую ракету, что деревня наша!» Приказ получен. Без разведки движемся вперед.

А за домами немецкие танки…

– Кто из ваших солдат, командиров орудий, наводчиков, водителей вам наиболее запомнился?

– Помню почти всех, с кем пришлось служить вместе в разное время.

В декабре 1943 года, когда я прибыл на передовую и принял под командование взвод, двумя моими расчетами командовали Воловик и Батурин.

Командир второго орудия Воловик, парень 26 лет, москвич, человек образованный и культурный, до войны успел закончить учительский институт и готовился преподавать историю в люберецкой школе. Очень смелый боец.

Первым расчетом командовал старший сержант Батурин, бывший токарь Челябинского тракторного завода. Старожил дивизиона, воевал в нем с лета 1943 года. Командир был толковый и волевой, но обладал тяжелым своевольным характером. Человеком был грубым и самолюбивым, с суровым нравом, всегда пытался подчеркнуть свою исключительность, держался уверенно, жестко, а порой – нагло. Командовать таким человеком было непросто.

И Батурин, и Воловик после ранений возвращались на батарею, что само по себе было героическим поступком. Ведь добровольно к нам никто не приходил.

Старший сержант Строкач, мой помкомвзвода, умевший ладить с людьми. На него я всегда мог положиться.

Младший лейтенант Володя Пирья, пришедший к нам в конце 1944-го. Погиб нелепо, подорвался на собственной гранате.

Командир орудия Мальков. Добрый, но умевший быть строгим. Солдаты его любили и доверяли ему. Своих и чужих солдат он называл «милок», так Малькова все на батарее звали Милок. Погиб в конце сорок четвертого года. Немцы просочились на батарею, и Малькова ранило разрывной пулей в шею.

До санбата его не довезли.

Мой ординарец и связной Никитин, казавшийся мне пожилым в его 46 лет. Простой человек, отличавшийся природным тактом, умом и естественной добротой. У него был сын на фронте, мой одногодок, так он заботился обо мне, как о своем родном сыне.

Наводчик Ковалев, до войны работавший помощником шеф-повара в хабаровском ресторане, знаток французской и китайской кухни. Возил с собой коробку красного дерева с набором невиданных нами кулинарных инструментов. Все мечтал попасть служить поваром в обслугу к какому-нибудь генералу. Но никаких попыток изменить свою фронтовую судьбу Ковалев не предпринимал, а честно воевал наводчиком «сорокапятки». Это достойный поступок.

Командир четвертого орудия Рахматуллин, из Татарии, погибший в конце войны.

Водитель Зайко, бывший моряк. Прекрасный солдат и товарищ, один из лучших водителей дивизиона. После ранений вернулся в дивизион. Редкий случай, чтобы шофер, который везде нарасхват, захотел из госпиталя возвращаться в часть, где ему

предстоит почти ежедневно «выскакивать» на прямую наводку. А выдвигаться на позицию и сниматься с нее часто приходилось под немецким огнем.

Лейтенант Волосов, воевавший до ранения в гаубичном полку и после госпиталя попавший в ОИПТД. У нас был снова ранен. Надеюсь, что выжил.

Старшина батареи Алимов, пришедший к нам из роты ПТР. Веселый, смелый, разбитной, кадровый солдат призыва 1940 года.

Опытный наводчик, бывший учитель из казахстанского Чимкента Хайрулла Керимбеков, с которым я был дружен.

Своеобразной личностью был сержант Кокотов. До войны – доцент пединститута. В войну был капитаном, командиром зенитной батареи, охранявшей штаб армии. Импозантный, представительный, интеллигентный, внешне напоминал генерала. Угодил в штрафную роту, но благополучно пережил свой срок в ординарцах у ротного командира штрафников. К нам пришел сержантом.

Хитрый был человек. Дошлый. То у него перед боем срывало дульный тормоз с ЗИС-3, то горючего для тягача не осталось. Умел выживать этот товарищ.

Командир орудия Синельников, кубанский казак, кавалер двух орденов Славы. Прекрасный охотник. Мимо нас как-то гнали колонну пленных, и среди них Синельников увидел «власовца», служившего у немцев ездовым. Оказалось, что это его бывший сосед по станице. Синельников сильно избил соседа-предателя, но убивать не стал и другим не дал.

Еще раз повторюсь, что помню многих, и если продолжу сейчас дальше перечислять, то вы быстро устанете.

– Какие потери нес ваш ОИПТД?

– За полтора года моей службы в дивизионе в строю осталось не больше 25% первоначального состава, но это включая штабных.

Из моих солдат, из декабрьского состава 1943 года, выжили и довоевали на батарее только Воловик, Никитин, Батурин, Зайко. Из семи командиров взводов, воевавших в дивизионе в начале сорок четвертого, выжил я один.

Взводных лейтенантов убивало у нас очень часто.

Потери истребителей танков были действительно тяжелыми.

В январе 1945-го мы вели бои местного значения. Дивизион сильно потрепало.

От моей батареи осталось одно орудие и семь человек личного состава.

На переправе через Одер мы потеряли четыре пушки и тридцать солдат, и это считалось небольшими потерями.

Когда 1 мая 1945 года дивизион входил в Моравскую Остраву, то в нем оставалось восемь «трехдюймовок» ЗИС-3 и полсотни солдат…

И люди у нас еще продолжали гибнуть в первые майские дни сорок пятого года. Несколько человек батарея потеряла уже 5 мая во время поисков утерянного Знамени дивизии в чешских лесах, в стычках с отступающими на запад немцами.

В конце войны пехоту вообще не жалели, да и нас, противотанкистов, тоже.

Нравственный уровень многих старших командиров был низким.

Доброты, гуманности или бескорыстия у них искать было бесполезно.

Вот такие малокомпетентные в военном деле начальники ради орденов и карьеры кидали своих подчиненных в самую пасть смерти.

Бессмысленно, бездушно, ни за что.

ОИПТД вообще стали использовать как ударную часть, мы уже не чувствовали разницы с пехотой.

Мы шутили, мол, можно нам смело штык на радиатор приварить.

Использовали нас зачастую даже без поддержки стрелковых подразделений.

А сколько раз артиллеристам приходилось вступать в стрелковый бой с личным оружием?! Если рассказать… Реально выжить можно было только в крупной артиллерии РГК.

– Были ли случаи трусости в бою в вашем ОИПТД?

– Никто у нас орудия в бою без приказа не оставил. Патологических трусов в расчетах не было.

– Как лично вы справлялись со страхом смерти? Все же в смертниках служили, недаром говорят – «Прощай, Родина».

– Смерть всегда была рядом с нами. Сколько раз я был на волоске от гибели, сам того не замечая. Понял это только после войны.

Стыдно было быть трусом, ведь бойцы батареи смотрели на меня.

Страх смерти мне удавалось побороть, но был уверен, что живым я из боев не уйду. Многие в глубине души таили надежду вернуться живым или в крайнем случае умереть быстро, без мучений. Я готовил себя к худшему.

Постоянное внутреннее напряжение. Особенно тяжело было возвращаться на передовую после короткого отдыха. А потом втягиваешься в бои, и уже нет даже душевных и физических сил думать о возможной гибели.

Мне часто везло. Ладно, если в бою убьют, но смерть была везде и шла по пятам. Едем в Карпатах. Саперы проверили узкую дорогу и дали добро на проезд. Моя машина шла первой. Вдруг взрыв мины под колесом. Всех по сторонам разметало. Только я и водитель остались целыми.

Спал в ровике на передовой, со мной еще два бойца. Тесно. Рядом стоял стог с сеном. Встал, прошел до стога 15 метров, и тут сзади взрыв! Прямое попадание в ровик. А мне только осколок в лицо достался…

В Чехословакии, в уличном бою, нарвался на пулеметную очередь почти в упор. Остался жив, только пилотку прострелило. Или шел бой на каком-то кладбище, бежал вдоль стены. Снайпер выстрелил… и пуля только обожгла подбородок.

На Украине в конце марта 1944 года мне приснился сон, что я ранен осколком мины в живот и умираю. Я проснулся среди ночи в холодном поту. И принял этот сон как предзнаменование, решив, что так и будет.

До самого конца войны я постоянно в бою надвигал свою полевую сумку на живот, защищаясь таким образом от предназначенного мне осколка. Так я обманывал судьбу…

Было еще много нелепых неожиданных смертей.

Вроде и боя нет, а люди погибали. В декабре сорок четвертого солдаты батареи варили что-то в ведре для себя. Вместо дров использовали ящики из-под мин. Недосмотрели и положили под костер ящик, в котором еще была мина. Взрыв. Трое раненых.

Под Шепетовкой, на окраине села стоял тлеющий дымящийся дом. Зашли внутрь погреться да заодно выбить вшей. Стена обрушилась. Один наш товарищ умер от ожогов.

От своей судьбы никто не ушел. Наш почтальон Волчков, человек, никогда не принимавший участия в бою, шел в колонне. Положил свой автомат на повозку роты ПТР под брезент. И когда доставал его, видно, рукояткой затвора за что-то зацепился. Выстрел, получил пулю в живот из своего автомата, и нет Волчкова.

У нас был Забродин, бывший сварщик на танковом заводе. Его забрали в армию в 1942 году. Жена Забродина узнала, что есть приказ об отзыве с фронта специалистов для оборонной промышленности, и долго бегала в тылу по начальникам, добралась до генерального конструктора и добилась, выхлопотала для мужа вызов на завод в Челябинск. Завод нуждался в квалифицированных специалистах. У Забродина уже лежали в кармане все документы на демобилизацию. Нужно было «рвать когти», а ему еще захотелось получить новые сапоги.

Побежал Забродин на склад, а по дороге его тяжело ранило. До санбата не довезли – умер… Судьба такая…

– Сколько времени занимало подготовить хорошего наводчика орудия?

– Теоретически на подготовку наводчика требовалось три-четыре дня.

Наводчик следит за шкалой барабана, выставляет прицел с учетом упреждения. Вроде все просто, но… Наводчиком может быть не каждый. От него многое требуется – быстрота, аккуратность, даже скрупулезность в действиях, и, главное, хладнокровие. Быстро и точно навести орудие на движущуюся цель, когда вокруг с визгом рвутся снаряды и мины, стучат о щит орудия пули и танки нагло прут на огневую позицию, стреляя на ходу. Неаккуратность или медлительность наводчика дорого обходится расчету.

Хороший наводчик на тренировках попадал в ствол дерева первым же выстрелом, на расстоянии 700 метров.

– Какими качествами должен был обладать командир орудия в ПТА?

– Вся наша война – это прямая наводка. И роль командира орудия в ПТА более ответственна, чем в крупной артиллерии, где стрельба ведется с закрытых позиций или из укрытий и где командиры орудий противника не видят, получая все данные для стрельбы с НП комбата или от КВУ по связи. Другое дело у нас. Командир орудия должен сам определять данные для стрельбы, управлять огнем, корректируя стрельбу, и при этом поддерживать в своих людях спокойствие и уверенность, даже когда вражеские танки и автоматчики находятся в ста метрах от огневой позиции.

Поэтому командир орудия в ПТА должен быть смелым и думающим человеком, со стальными нервами.

– Как происходило перевооружение дивизиона осенью 1944 года?

– – Получили пушки ЗИС-3, «трехдюймовки». Эти орудия были вдвое тяжелее, чем «сорокапятки», и управляться с ними на прямой наводке стало гораздо труднее. Громоздкие орудия с большим прямоугольным щитом.

Видно за три километра невооруженным взглядом. Так или иначе, из-за этого мы особенно навлекали на себя огонь противника – пулеметный, минометный, артиллерийский. Нам не требовалось особой переподготовки, чтобы воевать на этих орудиях. Провели одну учебную стрельбу, и все.

А дальше, как всегда, выскакиваем на позиции, ставим пушку и начинаем стрелять. Сошники после третьего выстрела уходили в рыхлый грунт, но мы даже не подкапывали землю под них.

Просто подкладываем бревна под сошники.

– Первый немецкий танк, подбитый из «трехдюймовки», помните хорошо?

– Да. В Польше. Пехотная рота, человек сорок, окопалась впереди нас метрах в 300-х. Из-за холма выскочил немецкий средний танк и начал давить пехоту. Мы попали в него первым снарядом. Танк задымился и ушел догорать за бугор.

– Как пехота относилась к артиллеристам ПТА?

– С уважением, для них мы были защитой и большим подспорьем, дополнительным шансом выжить в «мясорубке» войны.

На марше проезжаем мимо пехоты, так сразу начинается обмен традиционными приветствиями: «Не пыли, пехота!». В ответ раздавалось – «Эй, прощай Родина! Ствол длинный, жизнь короткая!» В бою на передовой пехота радовалась, когда нас ставили рядом, но при этом все пехотинцы предпочитали занять позиции подальше от наших орудий, прекрасно понимая, что первый огонь примут на себя и пойдут на тот свет – «сорокапятчики». Находиться рядом с нами было большим риском.

А бывало, что из-за близости к немцам нас своя артиллерия принимала за противника, и мы получали «подарки» от своих.

– Один из артиллеристов, служивший в ИПТАПе, вспоминал, что перед каждым боем на огневые приходили офицеры штаба полка и политработники, которые заменяли в бою выбывших из строя бойцов расчетов. В вашем дивизионе тоже существовала такая традиция?

– Мне трудно поверить, что такое где-то было. Никто и никогда к нам во время боя не приходил. Ни штабные офицеры, ни всякие там замполиты и парторги. Никто не хотел в бою находиться рядом с нами.

И если в каком-то ИПТАПе такое происходило, то скорее всего это был приказ командира полка. Я начальника штаба дивизиона по 4-5 месяцев не видел даже вблизи со своей огневой позицией. Что тогда говорить об остальных.

Замполит у нас был из бывших газетчиков районного звена. Был еще парторг, грузин. Они умели красиво говорить пламенные речи, но в боях не участвовали.

– Какой эпизод войны для вас самый тяжелый?

– В марте 1945 года, под Балатоном. Мы отходили, отбиваясь от немцев. Человек пятьдесят, пехота и артиллеристы. Немцы окружили наших раненых в какой-то ложбинке, метрах в ста от нас. Пробиться к ним на выручку мы не смогли. Раненые долго кричали нам: «Добейте, братцы!»… Этот крик преследует меня

всю мою жизнь…

– Вы упомянули в рассказе случай потери Знамени дивизии. Что за история?

– История очень неприятная. 4 мая 1945 года два штабных «студебеккера» вышли из штаба дивизии в районе Фридека, повернули в направлении села Водяница и исчезли. Одна машина принадлежала шифровальному отделу дивизии, и там были секретные документы, карты и шифры. Во второй машине под охраной комендантского взвода находилось Знамя дивизии и Знамя нашего ОИПТД, которое еще в 1943 году было передано в штаб дивизии на хранение.

Дивизион дислоцировался близко к району, в котором исчезли машины.

К нам прибыл командир дивизии со свитой штабных начальников, группой из СМЕРШа и дивизионной разведротой.

Весь личный состав дивизиона собрали и пустили на прочесывание и поиски Знамени в пешем строю. Нашедшего знамена заранее пообещали представить к званию Героя. Командиры решили, что Знамя находится в селе Водяница.

Мы взяли штурмом это село. Батарея потеряла в этом бою бывалого солдата и многодетного отца, пожилого наводчика Катанина, был тяжело ранен казах Мухамбетов, бывший шахтер из Караганды. Три человека получили легкие ранения. Было несколько убитых и на других батареях.

В ходе боя мы не нашли ни машин, ни документов, ни людей.

В штабе артиллерии служил мой земляк Аркадий Захаревич.

От него я имел достоверную информацию, что происходит. Через пару дней я встретил Захаревича, и он рассказал, что нашли место, где машины попали к немцам, но там обнаружили только трупы бойцов. Машины со всей начинкой немцы угнали. Генерал, наш комдив, не терял надежды найти знамена.

Прочесывание местности продолжалось.

Седьмого мая наш дивизион вместе с дивизионными разведчиками отправили в рейд в тыл противника – к Праге. За день мы прошли на машинах по немецким тылам 150 километров. Утром восьмого мая дивизион попал в немецкую засаду.

Снова были потери. Мы похоронили убитых, перевязали раненых…

В тот же день мы соединились с солдатами 1-го УФ.

Девятого мая мы праздновали Победу.

Выпивший лишнего начальник штаба Макухин проговорился и рассказал комбатам Романову, Дмитриеву и мне, что проблема со Знаменем благополучно разрешилась. Мол, нашли наши

сожженные машины, оформили акт, что все знамена и документы сгорели во время боя в машинах. Пепел собран в отдельную специальную урну с гербовой печатью. Все документы оформили должным образом, и урну отправили на самолете под охраной в Москву. Мол, наша дивизия спасена от расформирования, а многие офицеры от разжалования.

И все остались довольны…

Но 10 мая в одной из чешских гражданских больниц танкисты из армии Рыбалко обнаружили раненого старшего лейтенанта, шифровальщика штаба нашей дивизии, числившегося уже павшим смертью храбрых.

Он потребовал, чтобы с ним срочно встретились представители СМЕРШа, и сказал, что он хочет передать важное, срочное и секретное сообщение.

Танкисты и прислали к нему своих «особистов». Шифровальщик рассказал, что во время боя, будучи раненым, он успел сжечь все шифры, и достав саперную лопатку из-под сиденья убитого водителя, сумел отползти в сторону и надежно запрятать сорванные с древка полотнища знамен, закопав их в земле под каким-то сараем. Потом он потерял сознание и не помнит, как очутился в больнице за добрую сотню километров от места боя. Доложили Рыбалко.

Танковый командарм приказал выделить санитарный самолет, и шифровальщика доставили под Фридек. Он показал тот самый сарай, но закопанных знамен не нашли. Шифровальщика направили для дальнейшего расследования ЧП в Москву. А по «солдатскому радио» до нас доходили дополнительные детали этого происшествия.

СМЕРШ выяснил, что вечером 5 мая «штабники» напились до чертиков во Фридеке, после чего посадили в свои машины девок из санбата и ДОПа и поехали дальше на пикник, догуливать на природе.

Да не на ту дорогу свернули и нарвались на немцев. Нашу дивизию сразу отвели в Польшу. 16 июня сорок пятого мы стояли уже в Польше, в Пшемысле.

Командир дивизии приехал к нам попрощаться в ОИПТД.

Генерал поблагодарил бойцов за верную службу и сказал, что нет вины солдат дивизиона в утере Знамени ОИПТД, поэтому наш дивизион не подлежит расформировке, а просто получит другой номер и будет выведен из гвардии с последующей передачей в обычную стрелковую дивизию.

Он добавил, что личные гвардейские звания и награды будут сохранены всем офицерам и солдатам дивизиона.

А нашу гвардейскую дивизию полностью расформировали…

– Чем осталась война в вашей памяти?

– Война для меня является самым значительным, самым сильным ощущением в жизни. На ней я узнал цену человеческой жизни, увидел, каким жестоким и безжалостным становится человек на войне.

Война не забывается. До сих пор часто снится…

Зимаков Владимир Матвеевич

О начале войны я узнал, когда немецкие самолеты начали бомбить Смоленск, где мы тогда жили. Это было либо 22-го, либо 23 июня. Наша семья эвакуировалась, а в 1943 году, по достижении 18 лет, меня призвали в армию.

Привезли нас сначала в Моршанск, что в Тамбовской губернии, а потом, погрузив в эшелон, отправили на учебу в Меликесские лагеря в Ульяновской области. Белье нам выдали новое, а вот обмундирование старенькое, видимо, снятое с наших же убитых – видны были аккуратненько заштопанные пулевые и осколочные отверстия. А мороз-то какой был! Нам еще ничего – на нас шинель, теплое и х/б белье, ботинки с теплыми обмотками. А вот прислали узбеков – ой, несчастные люди! Так вот, им разрешили халаты под шинелью носить. Хотя там особо не замерзнешь – атака, пробежка, да марш бросок раз в 10 дней по 20 километров. В вещмешок 16 килограммов песка насыпят, винтовочку взял – и вперед. Вот так – с января по март. В марте нас построили и говорят: «У кого 7 классов и выше – три шага вперед». Я вышел, поскольку у меня было 8 классов образования. В основном же у нас были крестьянские ребята с образованием 5-6 классов, а то и вообще необразованные. Отобрали нас человек сто и отправили в офицерское училище. Вещички взяли и вперед. Ну какие у нас вещи?! – пара белья, мыло черное хозяйственное и полотенце. Даже зубной щетки ни у кого не было: не положено было. У немцев в рюкзак посмотришь: там и щеточка зубная, и порошок, и эрзац-мыло – по-немецки все аккуратно сделано. А это

эрзац-мыло было корявое такое: в нем песок, что ли, был. Скоро не смылишь.

Трое суток ехали из Меликесса в город Кинель, что под Самарой. Определили нас в 3-е Кубышевское пехотное училище, казармы которого располагались в 140 километрах от Волги. Нас обмундировали во все курсантское, как до войны – яловые сапоги, шерстяная гимнастерка, диагоналевые штаны. После шестимесячного курса нас должны были отправить на фронт, и уже там, на фронте, присвоить звание младшего лейтенанта. А сколько этих лейтенантов на фронте ложилось – ой! Мало кто выживал! Как попал на фронт – на снайпера точно наткнется. У нас же не могут защитить человека: у офицеров и гимнастерка другая, и фуражечка, а не пилотка. У немцев снайперы хорошо стреляли.

Вот два месяца мы проучились, и вдруг приказ – отправить старший курс на фронт. Все бы ничего, да обмундирование для них не пришло. Поэтому нас раздевают, их одевают в наше, а нам дают нашу старую одежду, а вместо ботинок, которых почему-то уже не было, дали лапти и белые обмотки.

И вот мы в лаптях месяца два, пока обмундирование не прислали, ходили. В общей сложности в этом училище месяца 3 проучились, и его расформировали, а нас повезли в Инзу, в кузницу младшего комсостава – сержантов готовили. Там был огромный лагерь в сосновом лесу. А нары там трехэтажные, а крысы там вот такие – как лошади! Там было так: учебная бригада, а в ней пулеметный, артиллерийский, ПТР и танковый полки.

Обучение расчета ПТРД.

Так я попал в полк ПТР. Учили нас неплохо: много стреляли

и из винтовки, и из автомата, и, конечно, из ружей Дегтярева и Симонова. Дегтярев в плечо здорово отдает, а у Симонова толчка почти не ощущаешь, да у него еще 5 патронов в обойме и полуавтоматическая подача. Из ПТР мы стреляли по фанерному макету движущегося танка.

Куда стреляли? Если прямо на тебя танк движется, то надо либо по смотровой щели бить, либо под башню, чтобы ее заклинить. А пойди попробуй с 500 метров попасть в смотровую щель! Некоторые попадали, но мне не удавалось. Да еще можно гусеницу разбить, если удачно попасть. А уж как он встал, его либо ПТРовцы, либо артиллеристы добьют. Ну а если танк бортом подставился, то в боекомплект попасть – милое дело. Это такой взрыв, такой фейерверк! Все разваливается на части, башня с пушкой летят в сторону… Красиво! Солдаты «Ура!» орут, подпрыгивают, шапки вверх бросают.

Вот так мы своего «фердинанда» и подбили, но об этом дальше.

Учили нас буквально три месяца, присвоили звание «сержант» – и на фронт. Ехали на фронт месяца два. Пока ехали, из эшелона погибло человек 20 – кругом все заминировано. Один чудак-матрос мину-лягушку отсоединил. Как уж он умудрился?! Вот голова садовая! Тут еще зеваки молодые, необстрелянные вокруг него собрались: «Вот, – говорит, – смотрите, как она подпрыгнет, я ее поймаю, и она не взорвется». Она подпрыгнула да и взорвалась. Ему руку оторвало, и кишки вывалились. Еще одного убило и троих ранило.

Под Старый Оскол приехали, а там мост взорван, и мы застряли. Курская битва недели две как закончилась, и, пока эшелон стоял, нас рассредоточили и заставили трупы зарывать. Танкистов из танков вынимали – и немецких, и наших. Трупный запах! Потом привыкли, а поначалу рвало всех. А что делать? Танков там набито было – ой! Там некоторые прям друг с другом сцепились и стали дыбом. Чьих больше? Мы не считали… может, немецких и побольше. Хоронили в братских могилах. Сначала, конечно, обыскивали карманы – искали документы. У кого медальон или деньги, например, все отправляли домой. Иногда в карманах находили записочки на случай смерти. А у многих ничего не было, никаких документов. От танкистов так только обуглившееся чучело оставалось. Как определить его фамилию? Удивительно, но они не пахли. Немцев и своих вместе зарывали. Просто писали на могилах: «Похоронено столько-то русских, столько-то немцев». Как один политработник сказал: «Хоть они и фашисты, но они же люди».

До начала 1944 года наша 202-я стрелковая дивизия 53-й

армии в боях не участвовала, а стояла в резерве, а потом нас перебросили под Корсунь-Шевченковский. Туда мы, наверное, неделю шли, делая километров по 70 за длинную январскую ночь. Спать хотелось страшно. А погода в январе стояла теплая. Дороги развезло. Идешь, и вот на эти ботиночки с обмотками чернозем украинский по пуду налипает. Счистишь его, десять шагов шагнул – опять такой же ком. О-ох, потоптали мы там земли! Я был в роте ПТР. У нас с напарником Малышевым, высоким парнем, сибиряком, 1925 года рождения, был ПТР Симонова. Сначала несли его целиком, потом командир роты разрешил разъединить. Представь, что весило ружье 22 килограмма, а еще 200 штук патронов – 28 килограммов. У меня был наган (первый номер вооружен был наганом, а второй автоматом), а у Малышева – ППШ и к нему еще три диска с патронами, НЗ, продукты, бельишко. И все на себе тащили!

Остановка. Разведка доложила – немцы рядом. Нам команда окопаться на краю деревни. Какая деревня? Комаровка, по-украински «Комаривка». Окапываться в какую сторону? В эту – на деревню. А там штаб расположился, разведка полковая. Мы окопались. Под мельницей сделали подковой свой окоп, ПТР выставили. Ждем команду. Сколько времени? Три часа. Ну мы еще подкопали – вода хлюпать стала…

Ну досталось нам там здорово! За всю войну единственный раз так было. Оказалось, что немцы затаились рядом в овраге за деревней, а когда все более или менее успокоились, пехота вдоль деревни себе окопы отрыла, как начали они садить из минометов по деревне. А на этой мельнице, прям над нами, у них был крупнокалиберный пулемет, который начал по деревне строчить. Наш окоп в пяти метрах был! И как они не догадались гранату в нас бросить? Может, у них не было? Малышев сидел-сидел, говорит: «Володька, я полезу. Я, говорит, его шлепну. Дай свой наган». Я дал ему наган, а у него еще и автомат был, и он полез. Через некоторое время слышу – стрельба. И немцы стреляют, и он стреляет. Ну думаю: «Конец Малышеву!» Ничего подобного! Вылезает оттуда! Шлепнул этих двоих, что там были! «Все, – говорит, – я их кончил!» А тут такой кошмар начался! Командиров я больше и не видел. Начали мы стрелять из ПТРа. А куда стрелять – не видно никого! Темнота, черт возьми! По вспышкам стреляли. Патронов 20-30 израсходовали.

Как потом выяснилось, немцев было всего-то человек 500. А против них – 2 наших батальона в окопах сидели, а один в резерве стоял. Мы-то еще необстрелянные пришли, но и обстрелянные люди, что с нами были, – и те растерялись. Тут старший лейтенант, не знаю, с какой роты, бежит, кричит:

«Отступаем, ребята. Бросайте свой ПТР к черту, затвор только выньте». Мы так и сделали – ПТР разобрали и бросили в окопе, а Малышев своей телогрейкой прикрыл затвор – в карман. А этот офицер был ранен в обе ноги. Мы его подхватили под руки и бежим. А немцы из миномета садят. Остальные тоже отступают, падают, падают. Немцы стреляют. Основная масса наших повернула в лощинку, чтобы от пуль спрятаться. Он говорит: «Бегите прямо на бугор! Бегите на бугор! Ни в коем случае не в лощину – сейчас там будет каша!» И правда, как немцы из минометов туда дали – только клочья полетели. Представляешь? И вот мы через бугор перевалили. Сели передохнуть. Говорит: «Подождите, не могу – сердце сейчас выскочит».

Расчет ПТРД сменяет позицию.

Ну, вроде молодой, но в обе ноги ранен, кость, правда, не задета, но обе мякоти прострелены. И вот мы сидим в высоком бурьяне. Светает. Два немца идут. Лейтенант первый их заметил: «Тихо – немцы! Ложитесь, я сам их шлепну, а то вы можете промазать». Пистолет взводит – у него ТТ – целится. Шлеп. А второй сразу из автомата как даст очередь на выстрел. Они «на выстрел» здорово стреляли! Он другого шлеп. Спокойно так – опытный вояка! А у нас уже сердце в пятки ушло. Думали – уже конец. Первый раз все-таки.

Вот мы отступили. А резервный батальон подошел, как двинул по немцам, занял деревню и дальше пошел. А мы – два батальона – удрали. Вот. И половина тех, кто в лощину влез, там и осталась. Два батальона в один потом свели. А в батальоне около 500 человек. В роте 125 человек. 3 роты и пулеметный, автоматный и минометные взвода.

И вот наутро пришли мы в штаб дивизии. Лейтенанта в медсанбат сдали. Сказали начальству о том, что произошло, и

они обещали послать в ту лощину людей с лошадьми и вывезти живых. Лейтенант говорит: «Вот, ребят надо наградить – они меня спасли!» А мы говорим: «Не мы его спасли, а он нас!» Все смеются – необстрелянные. Его сразу на операционный стол. Разрезали без наркоза. Прочистили ему все. Терпел мужик. Молодец! Ну потом – куда нас? – Где у вас оружие? – Вот! – А кто вы? – ПТРовцы. – А где ПТР? – Там остался. – Давайте туда! Пошли мы обратно. А к утру подморозило – идти уже посуше стало. Идем обратно, а там в лощине стоны! Идем – боимся. Черт возьми! Нет никого – одни мы идем. Ну ладно, пришли. ПТР на месте. Зашли в деревню – ни одной живой души. Потом дед какой-то из сарая вылезает. Я говорю: «Дед, как ты жив остался?» – «Ой, сынки, не знаю. Тут ваши, – говорит, – отстреливались до самого утра. Вон из той хаты». Мы подошли – разведчики наши. Все там легли. Вот так вот. Это и был наш первый бой.

Приходилось ли стрелять по пехоте? Стреляли, но вообще-то берегли патроны на случай, если танки появятся. Был, правда, такой случай. Прошло всего дня три, как мы прибыли на фронт. Видать, немцы решили проверить, как мы под обстрелом себя покажем, и давай садить по нам. Обстрел был сильный: мины рвутся, снаряды, – мы лежим на дне окопа. Видимо, в соседний окоп снаряд попал: кого-то убило, а одного узбека контузило, и он как выскочил из окопа, так крутанулся вокруг своей оси и как дунет – прямо в сторону немцев. Тут комбат бежит, кричит: «Стреляйте! Стреляйте!» Подбегает к нам, Малышева отпихнул, ПТР навел и как шлепнул – точно ему в затылок попал. Мы потом в контратаку пошли, труп перевернули, а лица нет – вырвало все. А что ты хочешь – 70 граммов пуля…

А там, под Корсунем, еще неделю мы в окопах побыли. Вот там мы с Малышевым самоходное орудие «фердинанд» подбили.

Позиция наша была очень неудачная – немцы на бугре, а мы в низинке. Расстояние между нами метров триста, наверное. На том бугре – деревня. И вот за одним из домов спряталась самоходка – один ствол торчит. Видимо, там у них и наблюдатель был, потому что как заметят нашу огневую точку, так эта самоходка выползает из-за дома, как даст – прям точно накроет, только смотришь – клочки летят от людей… А наши «сорокапятки» на бугре стояли за нами и, главное ведь, какую позицию выбрали – самое открытое место! Ни одного артиллериста не осталось. Когда мы пришли, посмотрели – 2 пушки стоят, а рядом – мертвые, и всех уже замело, солдатиков-то. Никто их не убирает. Пять «тридцатьчетверок» подожгла на наших глазах. Как даст – готов! Как даст – готов! Немцы, сволочи, вояки сильные. Сильнее их да еще вот нас, русских дураков, никого нет в мире! Мы все на

кулаках. Постоянно на рожон лезли.

Командир роты три пары пэтээровцев послал – все там и остались. То ли их снайпер снял, то ли под другими танками лежали, не знаю. Он нам говорит: «Давайте, ребята. Лезьте под первый, не бойтесь». А Малышев мой – отчаянный малый. Ух! Охотник, сибиряк. Я потрусливее, хоть и был первым номером, но стрелял всегда он. Так вот он говорит: «Пошли, Володь, не бойся. Мы его шлепнем». И вот мы ночью пришли и под самый первый танк, что прорвался ближе всех, стреляя, залезли. До хатки метров 150 было. Утром начали постреливать.

Расчет ПТРД позирует на фоне подбитого немецкого танка.

То в ствол, то в гусеницу пуля попадет – видны-то только эти части. Она нас заметила. Как даст по башне! Боже мой! Скрежет, грохот! Башня с нашего танка долой! Хорошо еще не под танк попала, а то бы нам капут! Я ничего не слышу. Оглох. Самоходка эта выползла из-за хаты, чтобы нас добить. Ну, думаю, все – крышка! Сейчас нас положат. А Малышев не растерялся – пока та борт подставила, просунул ПТР и из-под гусеницы в бочину сразу 5 пуль засадил. Как рванет этот наш «фердинанд», и у него куда башня улетела, куда чего. Развалилася к черту! А когда назад ползли – накрыли нас минометчики. Уже к своим окопам подползали. Вижу, мины рядом рвутся: перелет-недолет. Я говорю: «Ну, Малышев, давай, бежим!» Чего он медлил? Я не знаю. То ли ранило его, то ли он не слыхал меня, поскольку тоже оглох. Я его дергаю за ногу: «Давай! Вперед!» Потом ничего не помню. Очнулся в окопе – уж стрельба кончилась. Ребята говорят: «Мина на вас взорвалась». У меня была кираса, ватник и сверху шинель. Так вот вся шинель на спине изорвана в клочья, а на

самом ни царапины. А Малышеву ногу правую оторвало. Почему ночи не дождались? Сам командир роты нам сказал: «Как свое дело сделаете – уползайте сразу. Иначе вам крышка. Немцы подползут и убьют». У нас что: ПТР, наган и автомат с одним диском. Малышев больше не взял с собой – надеялся, что все будет нормально.

За эту самоходку в конце войны медаль «За отвагу» дали. Вообще, за подбитый танк полагалось 500 рублей и орден Красной Звезды. Ну а первая, самая лучшая награда, это – «За отвагу», потом уж орден Славы.

– У вас в части ставили на ПТР оптические прицелы?

– Нет, не было такого. Да и ружье на дальней дистанции было уже неэффективно. Так, на 200-300 метров, ну может, 500 – стрелять хорошо – танк видно: как плюнул, так дыра сразу! А дальше оно броню и не пробивало.

Когда заканчивалась вся эта эпопея, у нас в роте народу никого не осталось. Было 60 человек – 30 ружей – полковая рота ПТР, а осталось, дай бог, 10 пар. Командира взвода убило. Ну, неделя примерно прошла, и нам пополнение небольшое дали из местного населения – 1926-1927 год. Всех под гребенку – и на фронт. Мы их называли «чернорубашечники», потому что одеты они были во все темное, да в серых шинельках – обмундирования на них не выдавали.

Потом пошли дальше и пришли в готовые землянки – добротные, в 2 или 3 наката – саперы постарались. Вот там меня контузило, правда, в медсанбат я не обращался. Когда я очнулся, никого в землянке нет, а один угол обвалился. Батюшки мои! Я так и не понял, обстрел, что ли, был? Да вроде у них снарядов не было. Может, бомба упала?

Пошли дальше. Шли опять ночью. Луна светит. Немецкие разведчики летают, а мы идем. И вот, когда «рама» летит, команда: «Рота – стой!» Весь полк останавливается и стоит. Пролетел – марш вперед. Шли-шли мы с напарником… у меня уже другой напарник был, и вдруг – бултых – проваливаемся с ним в воронку. А вода в ней вровень с землей была и глубина – с головкой. И смех и грех! Еле выкарабкались и – в медсанбат. Напарника моего отправили назад в часть. Проверили – температуры нет, ничего нет, а меня на неделю задержали – контузия. У меня уши опухли, говорить стал плохо. Забрали меня в госпиталь, и там я лежал две недели. Потом ребята говорят: «Давай часть свою догонять. Что мы тут будем торчать? Там веселее!» Нас человек шесть набралось. Медсестру обманули, она дала наше обмундирование, а мы ей говорим:

– Маша, до свидания!

– Куда вы, ребята?

– Мы – на фронт. Часть догонять.

– Я напишу в вашу часть!

– Пиши-пиши.

Дело было на пасху. Шли мы, шли и попали в деревню. Хозяйка хаты, в которой мы остановились, по случаю праздника и картошки нажарила, и мамалыги наварила, и самогонку достала, свинину, сало, огурцов-помидоров. Батюшки! Мы такую прелесть не видели столько лет! Вот праздник был! И как горилочки их украинской хлебнули, так и проспали два дня.

Пришло время дальше идти. Четверо наших чего-то задумали, говорят: «Вы идите, а мы вас догоним. Сейчас догоним». Мы вышли вдвоем, а куда идти, не знаем. Ждали, ждали, а попутчиков наших нет. Тут идет один тип, с немецким автоматом, в немецких сапогах. Подходит:

– Ну, что, хлопцы? С какой вы дивизии?

– С 202-й.

– Уууууу – драп-дивизия! Пошли лучше к нам, в разведку, в 180-ю!

– Как же так? Мы – бронебойщики.

– Да ладно вам! Хватит хлопать по этим танкам! Пошли в разведку – там лучше!

Так вот я попал в 90-ю отдельную разведроту 180-й дивизии.

Я к командиру роты подошел, сказал, что из 202-й дивизии 645-го стрелкового полка, роты ПТР, тот обещал сообщить, что я у них. И все.

В районе Початьевцы – Шурженцы немцы прорывались и на обе наши 202-ю и 180-ю дивизии навалились. Но мы им там дали «прикурить»! Когда закончили Корсунь-Шевченковскую операцию, там трупов и лошадей, и людей было – это кошмар! Особенно в одной лощине. Ужас! «Катюши» туда как двинули, как дали два-три залпа! Вот так все перемешали!

Весной 44-го под Яссами наступление захлебнулось. Мы, разведка, уже на окраине Ясс были, но они нас оттуда выперли танками. И откуда только у них танки появились? Они же всю технику в Умани и за Уманью бросили! И ведь не застряли! Наши застряли, а их нет! Может, свежие силы? Вот танками они нас километров на 15-20 от Ясс и отогнали. До августа встали в оборону.

Ходили в разведку через день – день пешая, день конная. Всегда – и летом, и зимой – одевали ватники и ватные штаны, потому что ватник спасал от случайных осколков. Если осколок летит 100 метров, он только воткнется в вату и все, даже с 30 метров он может пробить вату и только коснется тела, но уж

когда рядом рванет – пиши пропало! Всего изрешетит, хоть и в ватнике будешь. Были и кирасы у нас. Кираса была не тяжелая, толщиной миллиметра полтора, но у меня она была только в роте ПТР. Ну, это скорее моральная защита. Маскхалатов у нас никаких не было, а была обычная полевая форма. У немцев были плащпалатки, плащнакидки, все камуфлированные, а у нас ничего подобного я не видел. Поэтому мы их камуфляжи носили. Иногда возвращаемся обратно – крик:

– Немцы!

– Да вы что, дураки! Свои! Недавно проходили!

А то и свои обстреляют. Только туда надо возвращаться, откуда выходили, а то свои же и убьют. Немцы тоже не дураки и у нас еще как языков таскали! Ловкие они ребята! Мы, разведчики, у них многому научились: хитрости, маскировке, умению воевать. Аккуратный народ – лишний патрон не выстрелит. Только наверняка! Правда, когда по нейтралке лупят – ни патронов, ни гранат не жалеют. Как начнут – так надо расползаться, иначе убьют.

Один раз на секрет немецкий напоролись. У нас один разведчик впереди полз, а двое сбоку, и передний напоролся на секрет. Его убили. Ну, уж тут и мы не растерялись – секрет этот сняли к черту. Так вот, они как начали по нам лупить из гранатометов! О, черт возьми! Как начнут со всех сторон в одно место стрелять – ужас! Там спасения нет! Ямку любую ищешь, чтобы голову спрятать. Но выбрались. Правда, двоих ранило, но мы их вытащили – раненых и убитых никогда не оставляли.

А ребята ой-ей какие были у нас подобраны! Я-то маленький, всегда в группе прикрытия был – куда мне с немцем справиться! А там такие лбы были! Особенно выделялись Фомичев и Александров из полковой разведки. Ох, ловкачи были – вдвоем языка приводили! Вот такой был эпизод. Мы подобрались бесшумно и видим: в окопе ходят двое часовых. Выглянут, посмотрят, опять ходят. Друг к другу подойдут – опять расходятся. Пулемет у них. Блиндаж. И вот эти Фомичев с Александровым, которые всегда с нами ходили на особо ответственные задания, говорят: «Одного мы берем, без шуму. Кто другого берет?» Ну, у нас тоже такие ребята были. Только эти часовые разошлись… Как синхронно они сработали! Хе-хе!

– Вы тренировались в свободное время?

– Когда стояли в обороне, инструктор-лейтенант молодой – лет двадцати пяти, физически крепкий, показывал нам приемы джиу-джитсу: захваты, подсечки, как повалить человека, как ножом пырнуть или у него нож выхватить. Там же меня обучили езде на лошади: как на нее садиться, как лозу рубить.

Командовал нашим взводом старший сержант, которого за глаза мы прозвали Кочубей, за его пшеничные усы и чуб. Ходил он всегда в казацком чекмене и кубанке с красным верхом. Ему командир дивизии говорит: «Ты одень обыкновенную, армейскую форму. Что ты как петух ходишь? У нас тут казаков нет!» А он не слушал. Потом он куда-то пропал, и к нам прислали командиром лейтенанта Петю Доможира, 1925 года рождения, мне ровесник, из Нижнего Тагила. Он всю войну прошел в разведке. У него было 3 боевых ордена Красного Знамени и орден Ленина. Ранило его в одном из поисков, и после госпиталя он не вернулся, а нам сказали, что ему присвоили звание Героя и отправили учиться в Москву.

– На какую глубину за линию фронта вы уходили?

– Недалеко. Мы вдоль фронта ходили и вглубь, километров на 8, не больше. С собой брали автомат и гранаты-лимонки. Лимонок много брали – на поясе штуки 3 и в вещмешке десяток и патронов, сколько влезет. Боезапас брали очень большой. Ну и ножи обязательно! Сначала у меня был обыкновенный ножик, грубовато сделаный, но острый. А потом пошли в наступление. Смотрю, лежит немец, такой длинный, здоровый, огромный рыжий дядя. Ну, пуля-то всех берет – и больших, и маленьких. Вот я и смотрю, а у него нож хороший, и я его прямо с ножнами срезал с ремня. Вот это нож! Его как ни брось, – а он все лезвием вперед летит. Хороший нож и очень острый, можно было даже бриться!

– Убивать приходилось?

– Приходилось, но счет я не вел. В бою-то стреляешь, смотришь – вроде упал, а убит он или спрятался, кто его знает? Иногда, конечно, видишь, что попал. Зрение-то у меня хорошее было. Я когда в разведку ходил, всегда был как впередсмотрящий на корабле: «Володька, смотри лучше!» Я ночью как кошка видел. Главное – мины заметить. Растяжки – они же в траве, низенькие. Только когда ракету немцы пустят, замрешь и видишь, Ага! Вот она, растяжечка – впереди.

– А как себя вели немцы, когда их захватывали?

– Ну, сопротивлялись, конечно. Ведь в момент опасности у человека утраиваются силы. Но от таких волков, как Фомичев и Александров, ни один немец не уходил! Ни один! Не было случая такого! Хоть какой он здоровый ни был! Как скручивали? Обыкновенно – руки за спину, голову за волосища назад, в пасть кляп. Старались голову так назад дернуть, чтобы подломить позвоночник, но так, чтобы не убить, а только оглушить. Главное внимание на руки – чтобы ни за автомат не схватились, ни за нож.

– А немцев не брили?

– Да нет, у них все с волосами, редко кто встретится с короткими волосами. Немцы вообще-то осторожные люди, аккуратные. Правда, иногда удавалось и их застать врасплох. Один блиндаж, я помню, разбомбили. Подобрались мы тихо. Дозорные спали. Мы их скрутили – кляп в рот и за окоп выбросили. Сапер аккуратно проделал проход, и в этот проход накидали гранат, потом двое вскочили в блиндаж и по нарам из автоматов… Может, кто и остался жив, неизвестно. Уже когда отходили, немцы со всех сторон стали из минометов и гранатометов стрелять (такие специальные гранаты, которые насаживались на винтовочный ствол и выстреливались холостым патроном метров на 50. У нас тоже такие были) и из пулеметов перекрестным… Еле ушли. Вот тогда мне осколок в ногу попал. Хорошо, что в ватных штанах был.

Вообще, у меня три ранения и контузия, но ни одной справки о ранениях у меня нет, поскольку все они были легкие, а у нас в роте свой санинструктор был, осетин Саша Геворков, вроде так его звали. Он у нас еще и переводчиком работал, поскольку немецкий в совершенстве знал. Вот он нас лечил. Ранило меня первый раз в ногу. Сапог стащили – разрезали. Вынул он этот осколочек, реванолью промыл: «Эх, Володька! Две недели попрыгаешь, лошадей постережешь, и все будет нормально». А потом в пятку пуля попала. Каблук пробила, мякоть пробила и в кость уперлась. Он сказал: «Если будет сильно болеть – значит, трещина. Пулю я вытащил, но резать я тебя не буду – если будет нагноение, тогда разрежу». Но все, как на собаке, зажило. Погиб он. Прибежали в окоп – где Саша? Командир: «Ну-ка двое обратно, найдите и притащите». Немцы уже успокоились. Притащили его уже мертвого. Искали-искали ранение. Ремень расстегнули, и из-под гимнастерки прям сгусток крови вывалился. Осколок гранаты перебил аорту под мышкой левой руки. Жалко было – такой хороший малый 1920 года.

А вот разведка накануне наступления мне очень запомнилась. Два раза ходили: один раз неудачно, а второй раз удачно. Это числа 15-16 августа под Яссами. Первый раз у нас командир взвода струсил. Далеко нас не повел, а вывел между дивизиями обратно. И доложил, что ходили тогда-то, туда-то. Везде охраняемые объекты. Ну, его сняли и отправили неизвестно куда. Дело темное. Тогда СМЕРШ работал. После этого неудачного похода немцы очень бдительные стали. Стыки между дивизиями стали охранять дозорами и секретами. Ну никуда нельзя было пролезть! Второй раз нас уже хотели по воздуху заслать, а потом полковой разведчик доложил, что есть место, где можно пройти.

Действительно, прошли легко, без шума. Был бы шум – не прошли бы, немцы бы не дали. В эту же ночь пришли к штабу их дивизии. А они беспечные: в тылу ведут себя как хозяева. Раздеваются донага. Да что в тылу – и на переднем крае! Сколько раз мы ходили. Вот шуму наделаем – смотрим, немцы в белье выскакивают и стрелять начинают. Культурно жили! Мы-то спали во всем. Сапоги кто снимал, а кто и нет. Так сидишь в секрете или в окопе, и вроде дремлется, и в то же время холодно, особенно зимой. Летом еще можно подремать. Один дремлет, другой смотрит. А вот зимой не уснешь – колотун. Движешься немного, да еще вши едят – мешают.

Так вот нас было 16 человек. Четверо отделились, видимо, уйдя на спецзадание. Нас оставалось 12. Так вот, Фомичев и Александров пошли, сняли часовых и комендантский взвод забросали гранатами. Штаб обчистили, документы в мешок, генерала в плен взяли, положили на плечи и поперли. Шуму-то наделали, там уже из соседних деревень едут! Мы от деревни ушли, обогнули кукурузное поле, что рядом с ней было. Наш командир взвода – умный малый, какой-то порошочек нам всем дал. Мы всю одежду натерли и по кукурузе обратно. Легли и трое суток лежали. Ни есть, ни курить! Жара – ой-ей! Пить хочется! Вода была, правда. Мочились под себя. Такое можно выдержать, только пока молодой! Если бы пошли – нас где-нибудь настигли. Вот, а потом он нас повел и вывел на тот участок, где мы перешли линию фронта. Надо было, может, левей или правей, а тут нас ждали. Командир говорит мне и Павлику Федоренко: «Ребята, идите, а мы их задержим». Мешок документов нам дали, а генерал с ними остался. Куда нам его? Что они с ним сделали? Наверно, прирезали. Там Павлюк такой был – ему что курицу зарезать, что человека. Тем более немца. Вот мы двое только и прошли, хотя Павлика в ногу и руку ранило. А что с теми ребятами стало – я не знаю. Я потом никого из них не видел. Говорили, что Фомичев и Александров в полк вернулись. Ребята они были хваткие – нигде не пропадали, но они – в полку, полк впереди, а я вроде при штабе, так что я их не видел. Вот это удачно мы сходили. Потому что перед самым наступлением кучу документов принесли.

А когда наступление началось, нам с Павликом доверили пленных водить. Мы их в тыл отправляли – человек 70 дадут, и они идут покорные, как телята. В селении остановимся, кто-нибудь им поесть даст. Ни одного у меня не убежало. Один раз, правда, был случай, после которого меня хотели в штрафную отправить. Я был в штабе дивизии. Мы пришли с Павликом. Его куда-то отправили, а мне командир разведки сказал: «Тебе,

Зимаков, нужно отвести четырех пленных в штаб корпуса, и, не дай Бог, они убегут – это очень опасные люди». Дело уже осенью было, во второй половине дня. Вот командир объясняет: «Если по шоссе идти – это 15 километров будет, а если по проселку, то 7-8». Ну, думаю, пойду по проселку – куда они денутся – автомат у меня. Я – на лошади. Обыскали их – оружия нет, но руки и ноги свободны. Шли-шли – кукуруза пошла. А она там о-го-го какая! И вдруг один из них резко оборачивается ко мне. Лошадь аж немного вспрянула. Выстрел. Я из автомата его шлеп. А эти трое в разные стороны – один влево, двое вправо. Левого я из автомата убил. По тем двум стреляю – кукуруза шуршит, головки мелькают. А уже темнеть начало. Ну, ладно, думаю – поеду. Тот, кто стрелял, – лежит, и левый тоже недалеко убежал. Я пошел по следам. Одного нашел, тоже убитый. Я слез, пульс пощупал. Готов. Тепленький, но готов. Я пошел дальше. Лошадь на поводу веду. Автомат в руке на изготовку, ремень на шее. Он, правда, тяжелый, наш ППШ. Я одно время немецкий таскал, а потом запретили. Правда, в разведку только с немецкими ходили. Они безотказные, хорошие. ППС тоже не плохой – легкий, удобный, а у ППШ диск по горбушке бьет. Иду-иду, и тут – крик:

– Стой!

– Стою, – говорю я, а сам автомат держу.

– Кто такой?!

– Вот, сопровождал пленных. Двоих там уложил, а один за мной недалеко лежит. Стреляли в меня, да лошадь спасла.

– А мы, – говорит, – в картошке одного нашли – он раненый. Ботвой прикрылся.

Это оказались заградотрядовцы. Забрали они его, а мне расписку дали, что всех уничтожил. Заградотряд – войска НКВД. Они вылавливали дезертиров, солдат с «5-го Украинского фронта», болтающихся в тылу. А то некоторые из госпиталя идут, где-нибудь в село зайдут, напьются, вот их и отлавливали. Мы раз одну бабку ограбили. Это еще на Украине было. Пришли ротой в селение, а кухня отстала. Жрать хочется! И вот бабка говорит: «Ребята, у меня такая коняка! Двухлеток! Немцы меня ограбили. Хорошо, что Красная армия пришла и коня вернула!» А где он? А вон – в сарае стоит. Ночью наши два грабителя вывели коня за село, застрелили и – в котел. Ох, она плакала! Но, уходя, мы ей отдали другого коня.

За этих четверых мне ничего не было. Вернулся в штаб дивизии, записку передал.

– Как же ты так не усмотрел?!

– Ну что ж вы таких даете?! Да и двоих надо посылать! Хорошо, меня лошадь спасла. А то ушли бы, а меня и в живых не

было.

– Эх, не уберег! – поморщился в ответ.

Вот когда линию фронта прорвали 20 августа, пошли вперед. Вся разведка была впереди километров на 30-40 от дивизии. И вот румыны капитулировали. А надо сказать, что румыны не любили немцев. Вот венгры, да – те любили, а румыны их просто ненавидели, как и мы. Бедный народ. Очень бедно жили.

Уже под Будапештом поехали на рекогносцировку с командиром дивизии. И по дороге попали под бомбежку – нас пикировщики Ju-87 накрыли. Там меня последний раз ранило. Лежал я в госпитале, расположенном в монастыре города Кичекунфелетхаза. Через три недели нас собрали в маршевую роту. И отправили под Будапешт, который уже был в кольце. Там из нас сформировали штурмовую бригаду. Дали нам пушки, пулеметы и автоматы. И вот нами затыкали дырки вокруг Будапешта. Свежая часть подходит – нас заменяют, и на новое место, потом опять замена. В марте месяце немцы прорывались из города по канализации. Они шли на нас лавиной, без выстрелов, а мы стреляем. Потом видят – дело плохо, стали оружие бросать. Навалили мы там трупов – я не знаю сколько, но много. Когда мы после отдыха шли, они еще лежали штабелями по 5 человек в лесу. В самом Будапеште страшные бои были. Там ни одного здания живого не осталось – все разрушено было, все буквально! Вот мы когда отдыхали в Пеште, посмотришь на город – он весь в развалинах! Весь! Кошмар! Прямо волосы дыбом встают – неужели это мы наделали?! А все из-за того, что немцы сопротивлялись. Там встретил я своего разведчика-артиллериста. Он говорит:

– Твои разведчики все под землей, в канализации погибли. Их командир дивизии послал дом занять, а они на немцев напоролись. И немцев положили, но и сами легли.

Я говорю:

– Все?

– Да, – говорит, – даже обозники.

В Австрии, недалеко от немецкого Мюнхена, встретились с американцами и англичанами. Сначала дня 3-4 пьянствовали, потом произошел эпизод. Наши ребята с ними подрались из-за негра. Увидели, как один из них негра ударил, и давай его лупить, подбежали еще англичане или американцы и наши – началась драка. Наш комендантский взвод их всех растащил и провел границу, отведя войска из селения в лес.

В Альпах наши столько войск перехватили, которые к союзникам сдаваться шли – ой! Мы этих немцев неделю обшаривали! Стояли и обшаривали! Оружие, драгоценности

снимали. Оставляли только обручальные кольца. Все остальное отбирали, и нас потом тоже шмонали.

– Посылки посылали?

– Из города Галатца посылал посылку – маленькие женские часики и браслет, а также у меня был отрез цветастой материи – «нашел» я его, будем так говорить. Но ничего из этого не дошло, все разворовали на почте.

За Веной меня малярия затрясла, и определили меня в госпиталь на три недели, а тут и война кончилась.

– Что было самым страшным на фронте?

– Бомбежка – это самое страшное дело. Не знаешь, где бомба разорвется. Хоть и в щель забрался, а как рванет, и все – куда ручки, куда ножки, куда кишочки. Бомбили нас много! Главное, они такой момент выбирают, когда нет наших истребителей. Думаешь: «Да где же наши-то? Куда же они пропали?» А немцы налетят – пикируют и бросают, и бросают, и заходят, и еще заходят – земля дрожит. Минут 10-15 – и смотаются сразу. Ну, наши штурмовики им тоже давали прикурить. Я видел, когда на наблюдательном пункте бывал. Заходят на бреющем полете, смотришь: взрывы, взрывы, – ракетами точно по окопам. Еще этот «ванюша» – шестиствольный миномет. Как завоет: «У-у», «У-у», «У-у» – ну все, сейчас рванет! Смотришь – поглубже в окоп ложатся ребята, поглубже.

– Как вы мылись, стирались?

– Ой нет! Зимой не мылись, по-моему. Летом – да. Устраивали баню. Вот я когда в разведке был, возле нас протекала речушка Жижа. Сама она желтая, а вот приток у нее был чистый. Вот наши ребята его перегородят, чтобы побольше воды было, и вот там полоскаемся. А белье не столько стирали, сколько прожаривали. Для этого на дно бочки наливали 3-4 ведра воды и сверху клали решетку, а на нее одежду и – на костер. Сверху крышкой закроем или старой шубой, и как прожарят – там ни одна вша или гнида не выживет! Потом ходишь месяца два.

– Болели ли вы?

– Болеть – болели, конечно, но очень мало. Так, случайно кто-то заболеет ангиной или еще чем. Ну, полежит человек дня 3-4, придет в себя, и все – вылезет опять из землянки, вроде живой. Ну, там санинструктор ходил, опрашивал: «Больные есть?» Да, чего там – молодые все были, здоровые!

– Что входило в сухой паек?

– Гороховый концентрат. Это такой суп в брикетиках. Потом каша гречневая была, тоже в брикетике, причем она была уже с жиром или маргарином. Ее кипятком зальешь, и она готова. Некоторые солдаты просто так жевали эти брикеты – неохота

варить. Сухой паек, когда он есть – это еще неплохо, а то вообще ничего нет и подвезти невозможно – обстрел, обстрел, обстрел! А если старшина трусоват – так вообще будешь голодный сидеть! Правда, уж ночью-то всегда накормят. На переднем крае хоть раз в сутки, но привезут горяченькое.

– А какие-нибудь были на фронте суеверия?

– Не знаю. Некоторые носили ладанки, но у меня ничего такого не было. Но мысленно я все же к Богу обращался, когда сильное волнение или опасность: «Господи пронеси! Господи помоги! Господи пронеси мимо!» Вот так вот.

Шишкин Николай Константинович

В 1939 году я с отличием закончил десятилетку в казахском городе Петропавловск и подал документы в три института: Московские авиастроительный и архитектурный и Свердловский политехнический. Поступив во все три – отличников принимали без экзаменов, я решил пойти учиться в Свердловский политехнический, на металлургический факультет. Через два месяца после начала учебы, одновременно с началом Финской войны, объявили добровольный призыв студентов на военную службу. Можно было не идти в армию, но мы были патриотами и на защиту Родины решили пойти чуть ли не всем курсом. Так же поступили и ребята из соседних вузов.

Мы думали, нас сразу повезут на Запад, однако оказались мы в городе Ачинске. В начале ноября там уже лежал снег. Прибыли мы на пересыльный пункт, где нас помыли и переодели в армейскую форму, которая нас так изменила, что поначалу друг друга не узнавали. Построили нас на плацу, в две шеренги, мимо которых пошли «купцы», отбирая бойцов в свои подразделения. Я и еще несколько человек попали в полковую артиллерию. Вот так я стал наводчиком 76-мм орудия образца 1927 года. С этой пушкой я прошел и Финскую войну, и начало Великой Отечественной. Командиром взвода был лейтенант Орел, а командиром моего орудия – Сергей Семин, получивший за бои на Карельском перешейке звезду Героя. Там так получилось: финны прорвались к штабу нашего полка, и хотя наша пушка была неисправна – не работал накатник – мы ее развернули и открыли

по ним огонь, накатывая ствол пушки руками. Вот за то, что мы штаб полка спасли, Семин был награжден, стал потом капитаном, командиром дивизиона; погиб он в 1943 году…

Учили нас в Ачинске хорошо, но очень мало. Стрелять не давали – мы только тренировались заряжать орудие деревянной болванкой, а уже в середине ноября нас направили на фронт. Пока ехали, лейтенант Орел проводил с нами занятия. Я помню, он заставлял нас, наводчиков, вслепую, вращая маховички панорамы, устанавливать угломер и возвышение. Таким образом мы научились устанавливать угломер с ошибкой не более чем в 2-3 тысячных.

Выгрузили нас на станции Дно. По снегу оттащили пушки на полигон и впервые постреляли, пороха понюхали. Надо сказать, вышли мы на позиции часов в 10-11 утра, а кухни пробились через снег только к вечеру. Весь день были голодными! И представь – повара соль забыли! Приготовили гороховый суп, а как его есть без соли?! Лейтенант Орел говорит: «Сыпьте сахар – ощущение будет таким же». Насыпали – вообще есть стало невозможно.

Вот оттуда, со станции Дно, в составе 613-го стрелкового полка 90-й стрелковой дивизии я пошел на Выборгское направление. Бои шли очень тяжелые. Декабрь месяц – снег по пояс. Правда, нас, сибиряков, подготовили и экипировали хорошо. Мы были одеты в полушубки, шапки-ушанки, меховые варежки по локоть. Не могу сказать, что 40-градусный мороз был нипочем, но мы чувствовали его не так остро.

Полковая пушка образца 1927 года.

Могли пролежать (и лежали) в снегу по нескольку дней. Нас и в Сибири к этому приучали, а еще приучали бегать по снегу. Взводный, спасибо ему, нас тренировал. Вывезем пушку на

позицию. Он дает команду: «Цель – ориентир один, правее двадцать – пулемет, два снаряда. Огонь!» А потом кричит: «В укрытие!» А это значит, надо пробежать метров 200 по полуметровому снегу. Пробежишь и – падаешь. Чуть отдышался, а уже команда: «Расчет, к орудию!» Бегом меряешь те же 200 метров до орудия. Вот так он нас и от мороза спасал, и тренировал. На Карельском перешейке нам это – ой, как помогло! Мы могли быстро открыть огонь, а потом пробежать, укрыться от артналета или минометного обстрела. Ведь за всю войну мы, может, несколько раз с закрытых позиций стреляли, а так все время орудие на руках за пехотой перетаскивали, все время на прямой наводке. Гряду возьмем, продвинемся на 100-200 метров и неделю на одном месте топчемся, потом опять 100-200 метров и – опять остановка. Вот так линию Маннергейма прорывали. И, хотя я считаю, что командование полка было грамотное, тем не менее, пока дошли до Выборга, полк пополнялся не один раз.

Потери, конечно, несли большие. Я считаю, что командование недооценило противника. Думаю, солдат нельзя винить. Они выполняли ту задачу, которую им ставили. Оборона у финнов была грамотная, с бетонными дотами, «огневыми мешками» и, конечно, если на эту оборону идти без разведки, без подготовки, без надежного подавления огневых точек (как это не раз и было), то потери будут большие и неоправданные. На нашем участке фронта были доты-»миллионники», в которых было по два-три пулемета, а то и пушка. Для того, чтобы этим дотом овладеть, надо было выкатить чуть ли не 203-мм гаубицу и вложить несколько снарядов в амбразуру или же подтащить почти тонну взрывчатки. Финская война была очень тяжелой, но не будь ее – в Отечественную нам бы пришлось еще хуже, чем это было. Финская – это школа, которая далась большой кровью.

– Какие задачи выполняла полковая артиллерия?

– Поддержка пехоты. Можно сказать, что «полковушка» имела двойное подчинение. Перед боем ею командовал командир батареи, который находился рядом с командиром стрелкового батальона. Он получал от комбата задачу и доводил ее до командира орудия через командиров взводов, которые всегда находились при нем. Командир взвода прибегал с НП батальона и давал команду двум своим орудиям (между нами обычно было не более 100 метров) подавить ту или иную цель. С началом боя управление нашими действиями переходило к пехотинцам. Допустим, стрелковый взвод наступает на какой-то холмик. Во взводе может быть тридцать человек, а может и пятнадцать. В руках у каждого бойца винтовка и один-два пулемета на взвод, если они целы. Задача командира орудия засечь огневые точки

противника, которые могут располагаться в первой траншее, а могут – и в глубине обороны. Ну, а моя задача как наводчика подавить эти огневые точки. Мы все лежим в снегу или позднее, в Отечественную – на земле, или за щитом прячемся: пули свистят, до противника 400-600 метров. Командир наблюдает в бинокль – ему тяжело, поскольку приходится высовываться. Пехота пробежала метров двадцать и легла. Мы в это время даем огоньку по засеченным вспышкам. Пехота по сигналу опять поднимается в атаку. Опять смотрим – откуда стреляют и бьем туда. Допустим, взяли первую траншею. Противник отошел на вторую, что расположена в 200-300 метрах. Толкаем пушку на 100-200 метров и стреляем через голову пехоты. Дальше ждем команду от пехотинцев – они должны указать цели, или командир орудия сам их выбирает, если обнаружит. Какая связь с пехотой? От командира роты или взвода прибегал посыльный с приказанием подавить ту или иную огневую точку – вот и вся связь. Проводная связь была до уровня ротного, а потом – голосом, свистком и ракетами. Например, красная ракета – указание направления движения, зеленая – в атаку. Ну а там смотри, что делает сосед, что делает пехота.

В боекомплект полковой пушки входило до 80 снарядов, но в день могли разрешить выстрелить не более двадцати или тридцати. Экономили снаряды особенно в Отечественную, под Ленинградом, где каждый выстрел был на вес золота. Там на день боя могли выдать пятнадцать, а то и десять снарядов. Надо сказать, что лимиты расходования боеприпасов были всегда, но если в стесненных обстоятельствах на выполнение задачи давали половину боекомплекта, то к концу войны могли дать боекомплект. Надо же учитывать, что пушка тоже изнашивается. Ее можно за один день так «уходить», что завтра она и стрелять не будет. Нужно соблюдать режим стрельбы, чистить, смазывать. Так что стрелять надо с головой.

Что касается расхода снарядов на выполнение конкретной тактической задачи, то были установлены нормативы. Например, с 800 метров хорошо подготовленный расчет должен был со второго-третьего выстрела попасть в амбразуру размером 50 на 50 сантиметров. Перед Отечественной войной на соревнованиях в стрельбе по движущемуся танку с расстояния около 1000 метров прямой наводкой мой расчет уложил все три снаряда в цель 50 на 50 сантиметров и получил оценку «отлично». Вот так мы были подготовлены!

– Вы понимали, за что воюете на Финской?

– Воспитательная работа была и на Финской, и на Отечественной войне поставлена очень хорошо. Я считаю, что

комиссары, а потом замполиты, работали здорово. Это были люди, которые себя не щадили, с собой не считались. С солдатами разговаривали хорошо, обычно вели деловую беседу «за жизнь», спрашивали, что пишут из дома, как кормят, а не пичкали агитками про «партию Ленина – Сталина». Я, например, не слышал, чтобы в бою кричали «За Сталина!» – мата больше было. Может быть, и было такое в пехотном взводе, в роте, кто-то поднимет ребят: «За Сталина! За Родину!». Но, чтобы массово – нет.

Что касается нашей батареи, то в Финскую так сложились обстоятельства, что батарейным составом за все три месяца войны не собирались, чтобы с нами побеседовал комиссар. Не было такой возможности – мы все со своими пушками были в порядках стрелковых батальонов.

– В Финскую давали водку?

– Все время. Утром до атаки в роте 100 человек, вечером – 20, а водки – полный бидон на всех. Пей, сколько хочешь. Я-то не пил, а ребята говорили, что «не берет» – мороз. Земля была как сталь, блиндажей не выкопать. Вот так за убитым ляжешь, консервную банку ножом поковыряешь. Какая там водка?! Все три месяца в снегу. Вал из него сделаешь, в центр слой лапника настелешь, ляжешь и снегом укроешься. Если 2-3 ночи сидим, то делали шалаши из хвойных веток. Днем разводили костер, а ночью нельзя – боялись самолетов. Кормили нормально – постоянного голода мы не испытывали. Бывало, что кухня отставала. Вот под Ленинградом в 42-м, там, да, голодно было.

– Встречались ли вы с финскими «кукушками»?

– Лично я – нет, но разговоров о том, что финские снайперы устраивают засады на деревьях, было много, и у меня нет основания им не верить, поскольку мне кажется, что на той местности такой тактический прием был вполне оправдан.

– С финнами приходилось общаться?

– Нет. Я их видел только через прицел. Правда, в нашей батарее был такой случай. Поваром у нас был крупный мужик, весельчак, Ваня Чечулин. Кухню редко удавалось подтащить к переднему краю – то снайпера мешают, то снега навалит. Тогда на нее отправлялись подносчики пищи с термосами, которых хватало человек на двадцать. Если образовывалась пауза в боевых действиях, то кухню ставили рядом с расположением батареи. Так вот однажды батарейцы выстроились в очередь с котелками. Подходит к Ване, раздававшему пищу, очередной воин, а тот посмотрел на него: «А ты, кто такой? А… ты финн, наверное?!» И как даст ему по голове своим черпаком. Оказалось, что это действительно финн! До того обнаглел, что пришел на нашу

кухню получить котелок горячего супа. Ваня Чечурин за бдительность был награжден медалью «За отвагу».

* * *

Последние бои полк вел за Выборг. Во время штурма города мы задержались. Соседям удалось прорваться, а нашу пехоту финны положили под проволокой фланкирующим огнем пулеметов. А до окраины города всего метров 300-400 осталось! Командир полка собрал всех, кто остался, взял половину личного состава батареи и повел всех к проволоке. Сам поднял людей в атаку. И хотя народу потеряли много, но ворвались на окраину Выборга. А в ночь на 12-е, когда было уже известно, что завтра наступит перемирие, вся артиллерия вела огонь в сторону финнов. А там леса, полянки маленькие, так орудия стояли рядами в трех метрах друг от друга и всю ночь долбали финнов, не жалея снарядов.

* * *

Летом 1940 года нас перебросили на полуостров Ханко, создав на основе нашей дивизии 8-ю отдельную стрелковую бригаду. Я в это время стал командиром орудия. Там нам пришлось обустраивать границу. Была создана специальная комиссия по ее демаркации. Я с ней ходил, таскал артиллерийскую буссоль. Председателем комиссии был генерал Крюков, и, кроме того, в нее входил командир батальона нашего полка, капитан Сукач, награжденный за бои на Карельском перешейке орденом Красного Знамени. С финской стороны стояла та же часть, которая воевала против нас на перешейке. Когда один из финнов узнал об этом, он сказал капитану: «Мы же с вами там были противниками, а тут делаем мирную границу». Я был свидетелем этой встречи. Кроме того, гарнизон полуострова торговал с финнами, которые поставляли нам молоко, масло, овощи.

Полк занял оборону на Петровской просеке, через которую по преданию во время войны со шведами Петр протащил корабли из одной части залива в другую. К июню 1941 года мы зарылись в землю основательно.

До 17 июня на орудие было только шесть деревянных снарядов, с которыми мы тренировались в заряжании, а в этот день поступил приказ занять оборону и вместо имитационных снарядов нам выдали 200 штук боевых. ДЗОТ для нашей пушки еще не был закончен: были залиты две боковые стены и насыпан вал, прикрывавший орудие с фронта, так, что только ствол торчал поверх него. Мы перекрыли его швеллерами, натаскали бревен и камней, а потом все это сооружение засыпали землей. Получился большой холм, хотя мы его и замаскировали, но выделялся он на

фоне местности отчетливо. Впереди нас был вырыт ров, по дну которого было проложено три ряда колючей проволоки под напряжением. Перед рвом были выстроены два пулеметных дота с фланговыми секторами обстрела. Все было заминировано. Инженером полка у нас был лейтенант Репня – мастер своего дела и большой выдумщик. Он установил не только мины, но и управляемые фугасы и камнеметы (в земле выкапывалась конусообразная яма, в которую устанавливался пороховой заряд, а сверху клался мешок камней). Нам сказали, что что-то будет, и дали задачу – не пропустить врага. Стрелять можно было только в ответ на атаку противника, а так – был строжайший приказ не стрелять, чтобы не спровоцировать войну. У нас даже такой случай был. Водитель приданного нам трактора «Комсомолец» Емельян Несин при чистке пулемета случайно дал очередь. Его взяли в особый отдел, как провокатора войны, но через некоторое время отпустили. Мы его спрашиваем: «Ну, Емельян, как ты?» – «Приказали молчать». Вот такая хохма…

22 июня мы по радио услышали, что началась война. В этот же день два наших истребителя сбили немецкий разведчик Ю-88, а на земле – тишина. Обстановку мы не знаем. Нам сказали: «Если начнется, стреляйте, отбивайтесь», 25 июня финны первый раз открыли по нам артиллерийский огонь, но в атаку не пошли. А часа в три ночи (какая там ночь? Светло как днем!) 1 июля началась артподготовка, которая продолжалась часа два. Весь лес горел! Лупили и по нашей точке. Грохот стоял страшный! Камни раскалывались, разлетаясь в стороны. Мы сидели в блиндажике для расчета, а пушка стояла на площадке, прикрытая бетонным бруствером. Наши в ответ стреляют. После артподготовки финны пошли в атаку сплошными цепями. Впереди моего орудия чуть левее и правее находились два пулеметных ДЗОТа, которые могли вести фланкирующий огонь, а наше орудие как бы прикрывало их, находясь на некотором удалении, в вершине условного треугольника. Надо сказать, что перед пулеметными ДЗОТами, к границе, был выдвинут секрет. В тот день в нем дежурили сержант Сокур и солдат Андриенко. Все думали, они погибли – по ним и своя, и чужая артиллерия била, да к тому же цепи атакующих через них шли. Но после боя они вернулись, да еще и пленных несколько человек пригнали. За этот бой сержант Петя Сокур получил звание Героя Советского Союза, а солдат был награжден орденом Ленина.

Как только финны пошли, мы начали стрелять. Работали на коленях, чтобы не высовываться над орудийным щитком. Финны начали залезать на ДЗОТы. Стреляем в упор на картечь, а вернее, чем придется, поскольку времени выбирать снаряд нету.

Правильный Саша Клевцов, здоровый вятский грузчик, кидал пушку направо-налево, причем не раз бывало, что выстрел происходил, когда он ее держал на весу! Мы уже без наводки стреляли, только чтобы снаряд взрывался перед нами. Зарядили орудие. Выстрел! А выстрела нет! Открываем замок, гильза выскакивает, а снаряд остался в канале ствола. А тут атака идет, пулеметные очереди. И тут Саша Клевцов решился на подвиг. Он крикнул, не я, а он крикнул: «Ложись!» Мы, естественно, легли. Он схватил банник, а ведь по уставу положено в случае, если выстрела не произошло, снаряд аккуратно выбить полубанником, который толкает снаряд в плечи, не касаясь взрывателя. Банник же плоский и ударит прямо по взрывателю. А где этот полубанник искать? Саша выскочил под пули и ударом банника вытолкал снаряд, который, слава Богу, не взорвался. Саша остался жив и после боя был награжден орденом Красной Звезды. Вообще с наградами там такая история получилась. Я, командир батареи и наводчик были представлен к ордену Боевого Красного Знамени. Командир батареи его получил, а мы нет. Наверное, представления наши затерялись. Ведь представление к ордену мог подписать только командарм, а ребята, которых представили к ордену Красной Звезды и медалям «За отвагу», их получили, поскольку наградные листы могли подписывать командир полка и дивизии. Так что их уже недели через две наградили. А потом, когда уже прибыли в Ленинград, там посмотрели, а у меня награды нет, ну и дали медаль «За отвагу». Так вот, два часа шел бой, два раза финны повторяли атаку. Им даже удалось приблизиться к моему орудию на 20 метров, но мы выстояли, уложив порядка двухсот солдат и офицеров. К концу боя у меня осталось только шесть снарядов; был ранен подносчик Озеров, с орудия слезла краска, а у нас из ушей и носа кровь шла. Эти швеллера, которыми был перекрыт наш дзот, гудели так, что мы совершенно оглохли. Потом уже выяснилось, что мы приняли на себя основной удар. После этого боя весь расчет заменили, а нас отправили в госпиталь, где мы примерно неделю приходили в себя. У нас полопались барабанные перепонки, мы что-то говорим, а друг друга не слышим. В госпитале мы отдохнули неделю и вернулись на передовую. Огневая точка была разбита, маскировка вся слетела, камни раскололись и рассыпались. Мы сменили место расположения орудия, сделав дзот немного в стороне у поселка, замаскировав его под сарай. Вообще позиции приходилось часто менять, практически после каждого боя.

Вот так и держались 164 дня. Нас завалили листовками, в которых говорилось: «Вы – герои, но ваше положение безвыходное, сдавайтесь». Белым-бело было от них. Но и мы их

заваливали тоже. Я помню, на одной из листовок был нарисован Маннергейм, лижущий щетинистую жопу Гитлера. Хохот стоял дикий! Музыку нам ставили: «Стенька Разин», «Катюша» и другие, но и воевать не забывали. Обстрелы были беспрерывные, а каждые две-три недели они повторяли попытки прорваться, но такая была оборона и такие люди ее держали, что не дали им продвинуться ни на шаг. Уже под конец обороны Ханко частенько давалась команда: «Замолчать». Мы не стреляем весь день, никто не ходит, создаем видимость эвакуации гарнизона. То, что она будет, никто не сомневался – мы были фактически отрезаны от основных сил. Нам завезли лыжи. Это потом я уже выяснил, что у командования был план прорываться по берегу, но не думаю, что кто-либо выжил бы в этом походе. Пройти 400 километров через финскую территорию было нереально. Так вот после паузы нам давалась команда открыть огонь, не жалеть снарядов. Мы перепашем всю полосу в километре от этого переднего края. Потом опять ведем вялую перестрелку. Проходит пара недель, мы молчим. Потом врежем, опять все перепашем. Первого декабря была дана команда в полдень прекратить огонь. Наш полк отходил последним. В 12 часов ночи нам было приказано оставить орудия, выбросить замки и пешком отходить. С собой катили только мое орудие, как героическую пушку, начавшую войну. Говорят, что сейчас она стоит в Ленинграде, в музее.

Наш корабль шел впереди каравана последних судов, покидавших Ханко, но мы видели, как подорвался дизель-электроход «Сталин». Мне потом солдатик из моего расчета Султан Ахмедгаллиев, который был до этого ранен в обе руки, рассказывал, что началась паника, поднялась стрельба. Он по вентиляционной трубе выбрался на палубу, подошел тральщик и он, закрыв глаза, поскольку лететь надо было метров десять, прыгнул на его палубу. Потерял сознание, очнулся, когда его несли в госпиталь, а через пару недель он уже вернулся к нам в полк.

С прибытием в Ленинград на базе нашей бригады была сформирована 136-я стрелковая, впоследствии 63-я, Гвардейская дивизия, командовать которой назначили полковника Симоняка. Этот был грамотный командир с большим опытом и практикой, умевший готовить войска, выдвигать толковых командиров.

Воевать на Ленинградском фронте было тяжело. Люди гибли не только в боях, но и от голода. Мы стояли на берегу Невы возле деревни Новосаратовская колония. Помню, хозяин дома, в котором мы ночевали, в перерыве между боями вышел на улицу, прошел 50 метров, упал и умер от голода, а в кармане у него еще был кусочек хлеба – берег, не съел. Люди были изможжены.

Подойдешь к кухне, нальют тебе полкотелка горохового супа, который только так назывался – желтый и одна горошина плавает – еще снежка туда добавишь и кушаешь. А после этого еще надо и пушку по снегу таскать. Летом около пушки ляжешь, травинку тянешь, тянешь, пока не появится белая часть – съешь и новую тянешь. За день наешься. Хлеба дадут кусочек. Нарежешь кубиками и медленно эти кусочки жуешь. Ломтик съешь – вроде сыт. И ничего – толкали пушки, воевали.

Второго сентября 1942 года дивизия прорывала блокаду в районе поселка Ивановское под Усть-Тосно, в так называемой Долине смерти. Мы заняли исходные позиции, пехота выкопала траншеи метрах в 100 от проволочных заграждений. До окопов противника оставалось 100-150 метров. Мы тоже подкатили свою пушку вплотную к пехоте. Саперы сняли минные поля. Наступление должно было начаться в 8 часов утра, пока туман еще не поднялся, после артподготовки, которая должна была длиться около двух часов. Не знаю, по какой причине, но артподготовка началась с опозданием на час-полтора. К этому времени туман поднялся, и немец, заметив сосредоточенную к атаке пехоту, открыл шквальный огонь. В траншеях кровь, мясо. Ужас! Мы два часа сидим, нас бьют. Когда прошла скомканная артподготовка, пехота пошла вперед, но потери в ее рядах уже были огромными. В итоге прорыва не получилось, и мы увязли в позиционных боях, продвигаясь в день на 200-300 метров. Местность полуболотистая, полупесчаная. Передвигались по-пластунски. Винтовки не стреляют – забиты песком и грязью. В долине стояло разбитое огромное серое бетонное здание, от которого тянулась железнодорожная насыпь. Пехота гранатами немцев закидает – они с этой насыпи скатываются, мы ее занимаем. У нас гранаты кончились, они нас сбрасывают. Эта насыпь неоднократно переходила из рук в руки. Потери огромные… Но полк наступал. На каком-то участке прорвались на километр, полтора. Пушку толкали прямо за боевыми порядками пехоты. Тут налетели Ю-87, бомба разорвалась у левого колеса орудия. В живых остался я, троих ранило, из них передвигаться мог только один, а остальные, в том числе и Саша Клевцов, погибли. В это время с правой стороны поднялась группа немцев, чтобы ударить во фланг роте, которую я поддерживал. Рота! Это мы сейчас большими категориями рассуждаем: армия, дивизия, полк, батальон. А у нас в батальоне оставалось 100 человек вместо 500, а в роте 20. У немцев тоже, наверное, рота поднялась, но и в ней было не более 30-50 солдат. Пушка моя – сзади. Что делать? У пушки были разбиты панорама и колесо, но стрелять она еще могла. Откуда-то взялись силы. Я пушку за хобот

развернул, и мы эту пехоту уложили, выпустив по ней остаток снарядов, штук десять, наверное. Побили не всех, конечно, но главное, они от атаки отказались. Симоняк потом сказал: «Вот ведь Шишкин! Опять у него все получилось. Отбил атаку». А я потом сутки отлеживался, приходил в себя – меня знобило. Потом я принял вторую пушку, и с этой пушкой мы продвигались вперед. Ее тоже покалечило при бомбежке.

За эти бои я первый раз был представлен к званию Героя Советского Союза, но бои были неудачные. Потери были большие, и после этих боев командующий фронтом собрал отличившихся сержантов и сказал: «Я могу вам своей властью присвоить звания младших лейтенантов, или дать документы на 3-4 месяца на учебу на Большую землю в училище». Кто-то остался, а я и еще несколько ребят отправились на Большую землю. Наверное, я смалодушничал, но прошедший год я воевал честно и просто устал, хотелось отдохнуть от войны, голода, холода.

Нас направили в Саратов во второе артиллерийское училище, где мы проучились 3-4 месяца, потратив месяц из них на заготовку дров и рытье окопов. А чему нас учить? Мы все с боевым опытом, артиллерийские премудрости знали почище некоторых училищных лейтенантов. Поэтому нам в апреле 1943 года быстренько присвоили звания лейтенантов и направили в Челябинск, получать СУ-152.

В это время формировался 30-й Уральский добровольческий танковый корпус, а в Челябинске его 244-я танковая бригада, которой командовал Фомичев. В области формировалась на добровольной основе мотострелковая бригада. Так там на каждое место было 100 заявлений. Во-первых, было сознание, что негоже в тылу сидеть, когда другие кровь проливают, а во-вторых, в тылу плохо было. На фронте кормят, а тут жрать нечего.

Нашим 1545-м тяжелым самоходным полком поставили командовать одного, так скажем, ретивого офицера. Он, например, перед строем рядового состава мог покрыть матом любого офицера. А это грубейшее нарушение устава! Каково было солдатам слушать, как мордуют их командира?! Ребята-лейтенанты говорили: «Придем на фронт, он свое увидит». Полк перед отправкой на фронт находился в центре самоходной артиллерии. Этот командир полка уехал куда-то в день погрузки. Полк получил команду на погрузку, а начальник штаба доложил в Центр, что командира полка нет, убыл в неизвестном направлении. Буквально через час к нам на перрон на станцию Мамонтовка прибыл крупный такой мужчина, как потом выяснилось, новый командир полка Тихон Ефремович Карташов. Походил, никого ни о чем не спрашивал, только смотрел: кто,

как, что делает. Так он принимал полк. Другой бы начал учить. Такие тоже были – учили, как танк грузить, а для этого есть лейтенанты, старшины. Я чуть позже расскажу про наш первый бой, но когда мы из него вышли, то оказалось, что соседний танковый полк, которым волею судьбы командовал наш бывший командир полка, потерял почти все машины. Мы потом разговаривали с ребятами: «Ну как с нашим дураком воевать? Только и знает, что «Вперед!» А Карташов нам говорил: «Полезете на рожон, я вас первый прихлопну! Вот кустики, вот овражек, вот скирда, используйте местность, внезапность, скрытность». Вот такие командиры и выигрывали войну. Нашего командира ценили и начальство, и солдаты, поскольку полк всегда был готов и к бою, и к маршу. Первыми командами после боя были: «осмотреть оружие, выверить прицелы, заправить машины боеприпасами и горючим, проверить ходовую». Только потом разрешалось поесть и поспать. Поэтому у нас подбитых танков много, а потери небольшие.

ИСУ-152 поддерживает атаку пехоты.

Конечно, относительно небольшие потери в нашем полку объясняются еще и тем, что нас использовали для поддержки. Мы только обеспечивали выполнение задачи основным боевым подразделениям – танковым и стрелковым, которым нас придавали, а не решали самостоятельные задачи.

Первый бой мы приняли на реке Нугрь, за которой на крутом берегу виднелась деревня Большая Чернь, превращенная немцами в опорный пункт. Оттуда по наступающим по большому ржаному полю танкам и пехоте били 88-мм зенитки. В этой ржи не поймешь, откуда стреляют. Танки горят. Наводчик Бычков у меня был отличный. В этом бою он сжег два танка. В какой-то момент по нам попали. В рубке – искры, запах каленого металла, гарь.

Механик-водитель Никонов бросил машину в низинку. Я вылез из люка, стал оглядываться. С трудом обнаружил противотанковую пушку на окраине поля в кустарнике. Мы вышли из ее сектора обстрела, и она теперь била по танкам. Я решил развернуться и, наведя орудие на ориентир в створе с пушкой, выкатиться на нее для выстрела. Если с первого выстрела не попадем – нам хана. Едва мы вышли из низинки, как пушка стала разворачиваться в нашу сторону. Бычков крикнул: «Выстрел!» – и одновременно раздался грохот. Я успел крикнуть: «Никонов! Назад!», но это было лишним – Бычков попал.

Танки форсировали неглубокую речку, обходя Большую Чернь слева. Мы прикрывали огнем их маневр. Вдруг во фланг атакующим танкам вышло три или четыре «Пантеры» и открыли огонь. Я так скажу, если танк противника появился в полутора километрах, то различить его тип можно только в бинокль, да с упора, да в неподвижной машине и то не всегда. Ну, а в реальной обстановке на поле боя, в пыли, в дыму, мы их не рассматривали. Так вот с тысячи метров мы их сожгли, по крайней мере три штуки остались на месте. Продвинулись вперед, смотрим, и у меня волосы дыбом – это наши Т-34. Все – трибунал! Только проехав еще немного и увидев кресты на башнях, я успокоился – танки оказались немецкие. Я был прав – они по нашим стреляли, но если бы это были наши танки, вряд ли мне удалось бы доказать свою правоту…

В этих боях пришлось мне встретиться и с командармом. Мы вышли в район Шемякина. Из садов, расположенных на окраине этого населенного пункта, немцы встретили нас огнем, подбив несколько танков. Одно орудие мы подавили, поймали в прицел следующую цель. Я крикнул: «Аладин, заряжай!» И в это время удар – рация слетела с места, казенник орудия резко опустился вниз – болванка пробила цапфу. Я крикнул: «Никонов! Назад!», и вторая болванка только чиркнула по броне. Самоходка откатилась метров на двадцать и встала за пригорком. Ствол висит, в казеннике – снаряд, а тут еще и стук по рубке. Я открываю лючок в броне, смотрю, стоит командарм 4-й танковой Баданов с пистолетом в руке: «Куда, сынок, путь держим?» Я говорю: «Болванка в цапфе» – «А, хорошо, ну, давай, двигайся в ремонт». А мог бы шлепнуть, если бы целым пятился назад. В ближайшем лесу ремонтники заменили орудие на снятое с другой машины, и вскоре мы уже догнали полк.

Недели через две, в одном из боев ранило командира батареи, и я взял командование на себя. Все же у меня был опыт двух войн, а многие командиры машин впервые попали на фронт. Получалось у меня хорошо, и впоследствии на формировке меня

утвердили в этой должности.

За бои на Курской дуге наш 30-й Уральский добровольческий танковый корпус получил звание гвардейского, а я – орден Красной Звезды. Я не пил ни в Финскую, ни в Отечественную, а тут пришлось. В полку был обычай опускать орден в стакан, полный водки, выпивать его до дна, и потом уже можно было крепить награду к гимнастерке. Помню, командир полка усадил всех награжденных за стол, достал орден, положил в стакан. Все выпили, а я отодвинул его и ем. Командир полка посмотрел: «Я ему орден, а он не пьет! А ну!» Пришлось выпить. Поставил стакан, закусываю. Командир: «А говорит, не пьет! Стаканами пьет!» Можно сказать, что это было мое водочно-орденское крещение.

Кстати, там же мы освободили деревню командира полка. От деревни одни печные трубы остались, но родители Карташова были живы, спрятались в лесу. Нас в это время вывели из боя на ремонт. Так мы в этой деревне несколько изб срубили, печки сложили. Короче говоря, поставили деревню на ноги. Оставили после себя все как надо.

Кроме наград за подбитые танки экипаж получал деньги – 2 тысячи рублей за каждый. Обычно за операцию батарея подбивала не один танк, а, как правило, 3-5, а то и больше. В моем экипаже не было постоянной схемы распределения денег: иногда делили поровну, иногда давали больше наводчику или, если знали, что, например, у Аладина дома старики остались, давали ему побольше, чтобы мог домой послать. Иногда деньги распределяли и между батарейцами, не участвовавшими непосредственно в боях. Например, давали механику-регулировщику или еще кому – они же тоже у нас работают. Офицерский паек – печенье, тушенка, конфеты – всегда делился на весь экипаж, а не съедался где-то в сторонке. Работали все вместе, поэтому и экипаж, и приданные нам автоматчики к нам, командирам, относились очень тепло.

Был такой случай на Курской дуге. Мы несколько дней стояли, приводили себя в порядок. К нам во взвод автоматчиков прибыло несколько человек из бывших зеков. На следующий день мне доложили, что один из этих ребят украл булку хлеба. Хотя мы были не голодные, но питание было ограниченным, да и как можно у своих воровать? Я ему говорю: «Выкопай яму, так, чтобы только голова твоя торчала». Посадил его в эту яму и поставил часового – сделал своеобразную гауптвахту. Все ходят, видит, что он там сидит – позор. Короче, через несколько часов он взмолился: «Комбат, освободи от этого позора. Искуплю кровью!» Я говорю: «Хорошо. Но, смотри, ты обещал». Через несколько

дней полк опять вступил в бои. Мы ехали через деревню, сидя на боевой рубке. Вдруг он меня как ударит, я кубарем слетел и шлепнулся на корму. Вскочил и на него: «Ты чего!» А он ранен – увидел автоматчика, который сидел на крыше сарая, и успел скинуть меня до того, как тот выстрелил. За спасение офицера можно было представить к ордену Красная Звезда, что я и сделал.

С конца 1943 года и до начала 1944 года полк стоял на формировке в районе города Карачев. Мы получали новую материальную часть, ремонтировали старую, занимались боевой подготовкой, обучали людей. Я, как бывший наводчик, много внимания уделял обучению своих экипажей стрельбе и без ложной скромности скажу, что моя батарея стреляла лучше всех.

В январе-феврале 44-го года наш полк перевели из 4-й танковой армии в 5-ю гвардейскую танковую армию, которую весной перебросили на Украину. Очень тяжелые бои были под Тыргу-Фрумос. В этих боях, в мае 1944 года, меня ранило. Мы стояли на одной из позиций, готовились к атаке. Немцы вели беспокоящий артиллерийский огонь, а тут еще налетело несколько десятков самолетов. Я как раз высунулся из рубки, чтобы осмотреться. В это время снаряд или бомба разорвался недалеко от машины. Я нырнул обратно и почувствовал, что стукнулся ребром о кромку люка. Занемог немножко. Потом провел по месту удара рукой, смотрю – а она вся в крови – осколок попал в спину. Я говорю: «Ребята, меня ранило». Они меня быстро перевязали, помощник командира полка по хозяйственной части отвез меня в госпиталь. Рентгена нет, осколок глубоко. Как его достать? Резать не стали, просто засунули в рану марлевый жгут. Он наберет крови, они его вытаскивают. Вот так я недели две ходил, пока рана не заросла. А уже после войны, когда сделали рентген, я узнал, что осколок чуть-чуть до сердца не дошел. Так он там и сидит.

Там еще такой случай был. Я вызвал к своей машине всех командиров самоходок, чтобы поставить им задачу. Получили они приказ и разбежались по машинам, а один, Крашенинников Юра, задержался немножко. В это время налетели Ю-87. Начали нас бомбить. Пехотинцы, что были мне приданы, рассыпались, лежат кругом. Бомба летит, я смотрю – куда она упадет, и бегу, их пинаю, чтобы они перебрались на другую сторону машины, а не лежали, как чурбаны. Их сечет осколками, а я за машиной всегда успеваю спрятаться. Так вот мы бегаем от бомб и тут видим, что бомба попала точно в люк машины, которой командовал Юра. Он как осознал, что чудом спасся, задержавшись у моей машины, поседел и заикаться начал. Пришлось даже его на лечение отправлять. Я к чему веду? Если

человек смотрит – куда повернуться, куда прыгнуть, как выстрелить – тогда и успех у него будет, и жив останется. Ну, и везение много значит… Я, наверное, родился в рубашке…

В июне нас перебросили в Белоруссию. Полк наш действовал в составе 3-го гвардейского Котельниковского корпуса под командованием генерала Вовченко И. А. Моя батарея практически всегда действовала с 19-й гвардейской танковой бригадой Григория Походзеева – это была лучшая бригада корпуса. Это были искусные командиры, у которых я многому научился. Командир бригады полковник Жора Походзеев – орел. Требовательный, немногословный. Приходишь к нему на совещание, чтобы перед боем указания получить. Он спрашивает: «Так, артиллерист, задачу знаешь?» – «Знаю». – «Понял, как надо действовать?» – «Понял». – «Свободен».

Вот тут один бой мне запомнился. Три танка головного дозора, который вышел из леса на поляну и поднялся на пригорок, были уничтожены «Тигром», открыто стоявшим на другой стороне поляны. Обойти эту поляну было невозможно, и командир бригады приказал: «Ты – «зверобой»? Вот и уничтожь этот танк». Моя самоходка выдвинулась вперед, подошла к подножью холма и стала медленно на него взбираться. Я сам по пояс высунулся из люка. В какой-то момент я увидел немецкий танк, стоявший упершись кормой в ствол огромного дерева. «Тигр» выстрелил. Завихрением воздуха просвистевшей над моей головой болванки меня едва не вырвало из люка. Пока я думал, что же мне делать, он еще выпустил одну или две болванки, но поскольку над холмом торчал лишь фрагмент рубки, а траектория пушечного снаряда настильная, – он не попал. Что делать? Выползешь – погибнешь впустую. И тут я решил воспользоваться возможностями своей 152-мм гаубицы-пушки, имевшей навесную траекторию полета снаряда. Я заметил на этом холме кустик. Смотря через канал ствола, я добился от механика-водителя такой позиции самоходки, чтобы кустик был совмещен с кроной дерева, под которым стоял немецкий танк. Сел за наводчика, в прицел вижу кустик, опускаю ствол орудия до точки, в которой должен был быть танк противника. Расчетов – миллион, но рассказываю я дольше, чем все это проделал. Выстрел! Высовываюсь из люка – башня «Тигра» лежит рядом с ним – точно под обрез попал! Потом в бригадной газете написали: «Шишкин стреляет как Швейк из-за угла».

В июне 1944-го корпус наступал, с задачей выйти на Березину в районе Борисова, а затем двигаться на Минск. Шли не по Минскому шоссе, а в основном лесами. Бои проходили так: мы в колоннах проходим километров 10-20, потом натыкаемся на

заслон, развертываемся, сбиваем и идем дальше. В районе населенного пункта Бобр корпус вступил во встречный бой с немецкой дивизией. Дивизию нам удалось разбить, но сам я был ранен в живот разорвавшимся прямо передо мной снарядом, когда перебегал между машинами. Я упал. Рядом был окоп, в котором, как я потом узнал, сидел комиссар корпуса, который был комиссаром моей бригады на Ханко. Меня перевязали и на штабной машине отправили в полевой госпиталь. Госпиталь представлял из себя десяток небольших солдатских палаток, в каждой из которых стоял операционный стол. Раненых много. Меня на солому положили, я лежу и молчу, а поскольку я молчу, то и на стол меня не кладут. Так я день пролежал – меня никто даже на обработку не взял! Хорошо, что командир полка приехал, потребовал, чтобы меня осмотрели. Положили, сделали укол, достали осколок, зашили, забинтовали, а буквально через неделю я вернулся в полк. Минск мы взяли, но потом мне снова пришлось лечь в госпиталь, поскольку рана не заживала.

Вернулся я на батарею, когда Вильнюс уже был взят. В Литве шли ожесточенные бои. Там нас то на одно направление бросят, то на другое, то на Шауляй, то на Тукумс. Линия фронта менялась с калейдоскопической быстротой. Мы пытались разрезать Курляндскую группировку. Нам сказали, что командир части, которая войдет в город Тукумс, получит звание Героя. Народу погибло много, а Героя никому не удалось получить. Форсировали речку Дзелду. От поймы реки шел пологий подъем длиной метров 200-300. Немцы заняли оборону в роще, метрах в трехстах за этим подъемом. Моей батарее и танковому батальону Героя Советского Союза капитана Пенежко, бывшим в авангарде основных сил бригады, удалось переправиться на плечах противника. Танки пытались продвинуться дальше, но пока они выбирались из низины на ровное место (в это время пушка задрана вверх, стрелять невозможно, да и не видно ничего), их почти в упор расстреливали. Потеряв три или четыре танка, мы откатились. Попросили огонь артиллерии – она еще только развертывается. Командиры танков вылезли из машин, каждый из них наметил себе цели. Пошли в атаку, несколько танков у немцев сожгли, но и сами потеряли две машины и опять откатились. Целый день так ерзали. Начало смеркаться. На другом берегу сконцентрировались основные силы бригады, подошел штаб, а с ним и мой командир полка. Моя машина стоит рядом с машиной Пенежко. Слышу, он говорит: «Командир бригады приказал через 20-30 минут, после того как артиллерия даст огня, мы все дружно выходим наверх и атакуем». Артиллерия провела огневой налет. Пошли в атаку, потеряли

одну машину и откатились. Стало уже темно. Приказ надо выполнять. Заводим моторы, доползаем до гребня, но башнями не высовываемся, останавливаемся. Смотрим на танки, танки никуда не идут. Просим огонька, артиллерия опять накрыла немецкие позиции. Командир полка кричит мне по рации: «Пенежко докладывает, что атакует, вышел на дорогу. А ты? Почему молчишь?

Что ты делаешь?» – «Нахожусь на исходных позициях». – «Давай, вперед! Пенежко атакует!» – «Танки Пенежко стоят на месте, ни один не тронулся, только моторы гудят и стреляют в небо». Он хитрый – только моторы заводит и стреляет, а сам докладывает: «Атакую, вышел на дорогу, встретил мощный огонь. Пришлось отойти, занять исходные позиции. Сейчас будем повторять атаку». Командир полка меня отматюгал: «Ну ладно, действуй как танкисты». Утром переправились танки бригады. Вся артиллерия подтянулась. Провели мощную артиллерийскую подготовку и прорвали немецкую оборону, потеряв всего 2 или 3 танка. Боев было много, но запомнился один под Мемелем. Я в то время воевал в составе 18-й гвардейской танковой бригады. Бригада сосредоточилась в лесочке, на опушке которого в кустах я расставил свои машины. Перед нами простиралось поле, а за ним виднелась высотка 29,4, поросшая кустарником. В бригаде в то время было не более 20 танков – фактически танковый батальон. Командир бригады вызвал командиров батальонов и приказал атаковать высоту. Пока готовилась атака, мы успели заметить в роще левее высотки несколько танков. По моей команде орудия выдвинулись на огневые позиции и уничтожили обнаруженные цели – один-два выстрела, и танк подбит. Мой наводчик Бычков до тысячи метров в танк с первого раза попадал, да и других я научил неплохо стрелять, так что за сутки, пока танкисты атаковали этот холм, моя батарея сожгла около десяти танков, а это все ж 20 тысяч рублей! Ну, а танкисты что? Выскакивают на открытое место, а немцы их начинают избивать. Один сгорел, другой, третий. Они назад. Никому гореть неохота. Значит, один раз откатились обратно. Проходит некоторое время, опять собирает командир бригады: «Повторить атаку». Опять пошли вперед, опять потери, опять откатились. Третий раз: «Родина должна сегодня дать салют в честь нас! Мы должны взять Мемель! Наши соседи уже в Мемель ворвались, а мы все на месте топчемся! Зеленая ракета – в атаку!» Любил комбриг это дело… Ребята говорят: «Опять гореть будем. Надо сначала артиллерией немцев обработать. А он безрассудно гонит в атаку». Пошли в атаку третий раз. Некоторые танкисты люк на дне откручивали, экипаж высыпался, а танк шел и сгорал. За три атаки роту танков

положили. Когда этот командир попытался погнать бригаду в четвертую атаку, один комбат достал пистолет и сказал: «Еще раз в атаку пошлешь – расстреляю. Мне все равно – сейчас сгореть или в штрафную». В это время моей батарее было приказано совершить марш вдоль фронта и сосредоточиться на другом направлении. Я собрал ребят, сказал, чтобы скрытно вышли с позиций и сосредоточились за рощицей в нашем тылу для дальнейшего движения. Когда мы собрались на дороге и стояли в ожидании команды, над нами на бреющем проскочил немецкий истребитель. Летчик кулаком нам погрозил и улетел. Я думаю, что он передал, что тяжелые самоходки ушли из этого района. Вдруг вместо сигнала вперед поступает команда командира полка вернуться на исходные позиции и восстановить положение. Все. Это сейчас пишут большие приказы на 2-5 страниц. А тогда несколько слов: «Вернуться и восстановить положение». Смотрю из рощи, из которой мы только что вышли, бежит какой-то майор и кричит: «Стой, стой!» – Я остановился. «Бригада сгорела, там немцы наступают. Когда вы ушли, подъехали зенитчики, зенитчиков подавили, там идут «Тигры». Смотрю, один танк выходит из леса, следом за ним другой. У одного ствол разворочен, у другого крылья потрепаны. Так штук 5-6 танков вышло. Я даю команду: «Орудия зарядить. На старые места, по атакующим танкам противника – Огонь!» Зарядили, вышли на свои старые огневые точки, а прямо на нас идут пять «Тигров» и расстояние до них метров 400. Ну что?! С первого выстрела – 4-х штук нет; по пятому, крайнему справа, не попали, промазали. Он остановился, попятился за дом. На правом фланге у меня был экипаж Устинова. Я ему приказал, прикрываясь кустарником, по канаве выйти и добить «Тигра». Так он и сделал. Я вернулся на окраину рощи, доложил командиру полка, что положение восстановлено. Тут комбриг подошел: «О! Вот мы с тобой оборону держим!» За этот бой меня представили к ордену Суворова третьей степени, но не дали. Представление потерялось или просто не дали – ведь Мемель не сразу взяли, а полбригады потеряли. Всегда можно причину найти. Да, если бы все заслуженные ордена получали бы, то их некуда бы было вешать!

В октябре или ноябре 1944 года дали команду грузиться на станции Вайноде. Есть населенные пункты, которые запоминаются надолго…. До него двадцать километров, а грязь такая, что дороги – не дороги, а болота. Наступишь, сапог останется, а нога вылезает. Даже из зашнурованного ботинка нога выскакивала! На железнодорожную насыпь забраться нельзя – за это можно и пулю получить. На проложенную бревенчатую гать пускают только автомашины. Пришлось идти колонным путем

через лес. Более суток полк преодолевал двадцать километров! Самоходки садились в грязь по днище, они даже двигаться не могли. Спереди к гусеницам привязывали бревно. Бревно – под себя, под себя, и – перебираешься на длину корпуса. Потом бревно отвязываешь и опять… То трос порвется, то бревно вырвется, то трак сломается.

Ну, тем не менее, погрузились, и перевезли нас под Варшаву Начали мы наступать на Млаву в направлении города Эльбинг. Развернулись ночью. Ничего не видно Кого-то бьем, в кого-то стреляем, только ракеты, сполохи выстрелов и взрывов. Короче говоря, Млаву взяли. Наша 19-я танковая бригада пошла в передовой отряд, и я с ними. Дальше пошли на Прейс-Холлянд (Paslek). Танки взяли левее, а я пошел по шоссейной дороге с задачей выйти на северную и северо-восточную окраину Прейс-Холлянда. Прошли станцию Марау (Morzewo). Она оставалась чуть в стороне от шоссе. Думаю: «Мне станцию не говорили захватывать, но надо посмотреть, что там такое». Подошли, смотрю, эшелоны стоят, народу много. Я остановил колонну, приказал развернуть машины орудиями на станцию. А в качестве переводчика взял мальчишку из угнанных в Германию, который к нам по дороге прибился. Он свободно говорил по-немецки. Подошли к станции. Стоит толпа гражданских немцев и солдат, на путях – воинский эшелон. Попытался выяснить, кто главный. Приказал, чтобы солдаты шли сдаваться. И в это время из этой толпы автоматная очередь по нам. Мальчишка согнулся, упал, я отскочил за угол. Дал сигнал: «Огонь!» Пару снарядов мы по этому эшелону выпустили. В кого попали, не знаю. Принцип такой – в меня стреляют, я стреляю. Вернулся, приказал, чтобы военные сдавались или всех уничтожим. В это время толпа ведет этих немцев, что стреляли, к нашим машинам. Сдал их автоматчикам, их связали и оставили несколько человек дожидаться наши войска, чтобы их сдать. Парнишку перевязали и отправили в госпиталь. Санитаров у нас не было. А толпа гражданских окружила машины, кричит: «Не стрелят, не стрелят… это фашисты!» – на них показывают. Я говорю: «Ребята, давай быстрей от этой толпы сматываться».

С этой станции пошли на Прейс-Холлянд. Дорога идет по высокой насыпи, с обеих сторон которой – пятиметровые откосы. Она вся забита беженцами, огромными фурами, как в фильмах про Дикий Запад. Все они движутся на Прейс-Холлянд, занимая оба ряда. Чуть правее нас, под углом, идет в этот город еще одна дорога. Смотрю, а по ней движется какая-то немецкая часть – артиллерия, самоходные установки, грузовики. Если они успеют войти в город раньше меня, то закрепятся там, и я ничего с ними

не сделаю. Даю команду: «Держаться левой стороны. Задраить люки. Вперед!» Пришлось давить эти повозки. Кто не свернул с дороги, тот попал под гусеницы. Все же я успел выскочить на окраину, развернул машины, подпустил колонны метров на 500-600 и начал вести огонь. Колонну рассеял, а в это время пришла бригада. Вот так мы заняли город. Считаю, что это я его захватил. Не все же танкистам захватывать! На другой день мы получили задачу передвигаться дальше на Эльбинг. Какие-то еще городки по ходу брали. Противник в основном был в населенных пунктах. Подойдешь к городку, выберешь дом побольше, по нижнему этажу дашь, он и обвалится; или по саду в полосе атаки дашь пару снарядов. Ведь если пойдешь не стреляя, то тебя могут самого подбить. Снаряды, конечно, экономишь.

Подошли к Эльбингу примерно 20-25 января. Взяли город ночью. В ресторанах играла музыка, гуляки на улице были. Нашему полку поставили задачу, занять деревни Баумгарт (Ogorodniki), Трунц (Milejewo) и Гросс Штобой (Kamiennik Wielki), с тем, чтобы перекрыть дорогу на Эльбинг отступающим из-под Кенигсберга немецким частям. Моя батарея расположилась у деревни Гросс Штобой, батарея капитана Зверева заняла Баумгарт и еще одна батарея – Трунц. К своим позициям мы на буксире подтянули два брошенных «Шермана» – они не могли забраться на пригорок по обледеневшей дороге и, видимо, их бросили. Потом их пулеметы мне здорово помогли.

Немцы сначала пошли правее автострады, нарвались на батарею Зверева, отошли и решили прорываться по автостраде. Ничего другого им не оставалось – прорваться по раскисшим полям было невозможно. Где-то утром, 29-го или 30 января, они пошли на меня. В течение дня те танки, что пытались пройти по дороге, мы сожгли. На другой день они повторили попытку прорваться. Мы снова их отбили. Пехоту побили, но у меня снаряды кончаются. Оставалось всего лишь по 10-12 на машину. Немецкая пехота вышла на наши позиции, но, слава Богу, ни гранат, ни мин у них не было. Пришлось отбиваться автоматами и гранатами. Кое-как мы от них отбились. Даже пленных захватили – набили в сарай человек пятнадцать. Они стоят, трясутся – думали, что их сейчас расстреляют, но у нас хватило воли их не расстрелять… В какой-то момент я из своей машины увидел, что несколько танков свернуло с дороги в лощину, пытаясь выйти к нам на левый фланг. Радио не работало, и я решил лично поставить задачу крайним машинам выйти левее и прикрыть лощину.

Самоходная установка ИСУ-152 на марше.

Выскочил из машины, рядом находился старшина Семин, моторист-регулировщик. А механиком-водителем моей машины был его брат техник-лейтенант Семин Николай Константинович. Мы отошли метров на двадцать. Моя машина выстрелила. Недолет или перелет. Думаю, сейчас будет второй выстрел. Вместо выстрела машина взорвалась. Алексей на меня облокотился: «Комбат, молчите! Не сообщайте ничего домой. Мать умрет от горя». У него недавно брат-летчик погиб, теперь еще один брат сгорел на глазах… Встретились они в Румынии. Наш полк готовился к атаке, а тут пришли ребята-танкисты из другого корпуса. Сидим, разговариваем: «Вы откуда?» – «Прибыли с Дальнего Востока вам помогать, а то у вас тут ничего не получается». Туда-сюда… подначки… Кто-то говорит: «Семин, иди сюда, тут ребята с Дальнего Востока прибыли. У тебя брат там служит, может быть, знают про него». – Он подходит. – «Да, есть у нас Семин». – «Давай его сюда!» Позвали. Вот так два брата встретились в Румынии у Тыргу-Фрумоса, старшина и лейтенант. Мы старшину Семина забрали к нам в полк. И, видишь, как судьба все перевернула… Что произошло? Заряжающий ошибся, задел взрывателем казенник. Но дело даже не в этом. Если бы взрыватель был исправен, то он бы не сработал. Оказалось, что на партии взрывателей инерционный предохранитель был сработавшим.

Я радировал в полк, что снаряды на исходе, и просил прислать танки и пехоту. Ночью, в свете луны вижу, подошли две машины. Из них вылезли начальник штаба Саша Шипов и командир взвода саперов Иванов, а с ним человек десять бойцов его взвода – пехоты не было. Я стою, они подходят. До них метров пятнадцать оставалось, когда прямо в центре этой группы разорвался снаряд…

За этот бой меня представили на «Героя». Мы три дня держал

автостраду. Но заменили на Красное Знамя. Почему? Через некоторое время немцы прорвались в тридцати километрах правее. Командующий вроде сказал: «Какие вы герои?» А я-то при чем? Мне дали три километра, я их три дня держал, никого не пропустил. Представляли через месяц, когда немцы прорвались. Может, если сразу бы это сделали, то дали…

После этого боя меня назначили заместителем начальника штаба полка вместо погибшего Шилова. А через месяц назначили заместителем командира полка.

– По танкам какими снарядами стреляли?

– Бронебойными – ими надежнее. Т-3 или Т-4 – эти разваливались при попадании снаряда, а болванка тяжелые танки насквозь пробивала. Если при этом детонировал боекомплект, то башню с погона срывало.

– Какое соотношение в боекомплекте было бетонобойных к бронебойным и осколочно-фугасным?

– По разному. Что на складе есть, в той пропорции и выдадут. Болванкой хорошо по танкам стрелять, а если дом надо завалить, то тут без фугасного не обойдешься.

– Какое было прозвище у самоходок ИСУ-152?

– Зверобой. «Коровами» их никто не называл.

– Как подбирали заряжающего?

– На ИСУ-152 было раздельное заряжание. Снаряд весил 48 кг и гильза килограммов 16-20, медная – больше, картонная – меньше. Для заряжающего это феерически тяжелая работа. Старались подбирать ребят соответствующей комплекции – ростом примерно 160 сантиметров, чтобы головой о крышу не бился, но чтобы руки и ноги были как у штангиста.

– В экипаже было четыре человека?

– У меня всегда было пять человек. Наводчик, заряжающий, радист, командир машины, и механик-водитель.

– Роль радиста?

– Пулемета на ИСУ-152, к сожалению, не было. Хотя потом ДШК ставили, но моя батарея таких машин не получала. Это обстоятельство вынуждало нас приватно где-то добывать трофейный пулемет, и мы почти всегда его имели с запасом патронов. Он обычно лежал на броне в ящике. Вообще, помимо пулемета на крыше рубки всегда лежало 4-5 ящиков со снарядами. За рубкой стояла бочка с горючим. Машина шла к полю боя, всегда имея этот верблюжий горб. На исходных позициях мы горючее из бочки заправляли во внутренние баки и выкидывали. [253]

Иногда дополнительные баки сбрасывали, но снаряды не сбрасывали, они – на башне. Полтора боекомплекта машина

всегда имела. Двадцать штук – это мало. Мы во время паузы очередной снаряд брали не из укладки, а из ящиков.

– Вам приходилось покидать горящую самоходку?

– Пару раз. Один раз по глупости – внутри загорелись тряпки с маслом. Пришлось выскочить. Ребята сразу бросили брезент, пожар потушили. А один раз – в бою. Снаряд пробил броню и загорелся порох. Но он медленно горит – выскочить просто. Ну, и бывало не раз пробитие без пожара. В Прибалтике в самоходку попал крупнокалиберный снаряд, когда мы были внутри. По машине пошли искры, как от автогена. Я до сих пор не знаю, что это было, но ощущение, что пожар начался. Правда, прошло это очень быстро.

– Как использовали самоходки вашего полка?

– В основном нас использовали для поддержки танков. Мы двигались чуть сзади них. Мы не решали самостоятельных задач, но обеспечивали выполнение задач основным боевым подразделениям – танковым и стрелковым. Поскольку наш полк входил в состав танковых армий, нас побатарейно придавали танковым бригадам.

– На марше вы не отставали от Т-34?

– Колонна всегда состоит из различных машин, которыми управляют водители с самым разным уровнем подготовки. Дай Бог, чтобы бригадная колонна двигалась со скоростью 20 километров в час. В целом мы не были помехой, обузой для Т-34.

– Батареи потери имели?

– Как же без этого. Командиры машин почти все поменялись за полтора года.

– Различали ли вы СУ-152 и ИСУ-152?

– Сейчас я даже не скажу, в чем их отличие. Только в названии. Пушка 152 мм, снаряд 3 пуда, а на чем ходит – плевал я на это. Меня не интересовало, семь у нее катков или шесть, 20 снарядов укладка или 22 – тоже.

– В самоходке что-то ломалось?

– Как и в любом механизме. Выходила из строя ходовая часть, подшипники летели. Мотор мог забарахлить. Если ее хорошо обслуживать, она будет хорошо ходить. Текущий ремонт экипаж проводил своими силами. Иногда участвовал в среднем ремонте, а капитальный мы никогда не делали.

– Экипаж весь участвует в ремонте вместе с командиром?

– Все 100 процентов. Бывали командиры-белоручки. Здесь у него белое подшито, френч у него не из такого материала, как у других… Такие надолго не задерживались. Кому он нужен такой? Меняли таких или воспитывали.

– Как строились взаимоотношения в экипаже? Не

возникало панибратство?

– Я так скажу: слово «пани» – отбросим, а «братство» оставим. Экипаж был одной семьей. Конечно, многое зависит от командира и от характера членов экипажа, но в большинстве случаев, в абсолютном большинстве, экипаж – это одно единое целое, это один человек. Такого не бывало, чтобы один-два что-то делали, а другие сидели-смотрели-курили.

Все работали вместе. Допустим, машина заправлена, а боеприпасы надо загружать. Все идем загружать боеприпасы. Или, допустим, осталось горючее залить. Тогда один шланг готовит, другой открывает бочки. Работа распределяется таким образом, чтобы она была выполнена максимально быстро.

Конечно, была подчиненность. Команды я отдавал, как положено, но я не говорил командиру орудия: «Товарищ сержант, я приказываю!» Я слово «приказываю» никогда не произносил. Я просил. Или не буду же я говорить: «Ну-ка застегнись» или еще что, если нам через 5 минут в бой вступать. Это же чушь.

В самоходке два офицера – командир и механик-водитель. Это два главных члена экипажа. Конечно, иерархия была. Побывали в бою, сидим, обедаем, один котелок на всех, наркомовские сто грамм – тоже. Если есть свободное время – у солдат и сержантов свои байки, у офицеров есть свои дела, свои профессиональные вопросы, свой круг обязанностей. Но как только появилась общая задача, иерархия перестает существовать.

– В училище вас учили водить?

– Обязательно. Командир машины всегда мог подменить механика-водителя.

– Когда вошли на немецкую территорию, какое было отношение к немцам?

– Про всех не могу сказать, но у моих ребят злобы не было. К солдатам ненависть определенная была. А к населению? Я бы не сказал, что у нас где-то что-то проявлялось по отношению к гражданскому населению. Я этого не видел. Мы были в боях, нам этим и некогда было заниматься, и мы их и не видели почти. Выйдя из боев, оставались вне контакта с населением. Скажем, в первом же городе Нейбенбурге ребята разбежались по домам, но население уже ушло или попряталось. Но никто их и не искал, чтобы выместить зло, хотя были те, у кого кто-то погиб. По матери сужу: пленные строили дорогу возле моего дома, просили ее: «Мать, воды или хлеба можно?» Мать вынесет и хлеба, и воды. Мы отзывчивые люди, добрые.

– Какого цвета у вас были машины?

– Зеленые. На них наносили условные знаки, присвоенные полку. Или буква «К», или квадраты. Зимой в белый цвет никогда

не красили.

– Радиосвязь хорошая?

– Да. Для тех времен хорошая. Радиостанции были на уровне. Бывало, что и с немцами перебранивались. Хотя именно поломка радиосвязи, как я уже говорил, спасла мне жизнь.

– Знали, против кого воюете или нет?

– Зачем? Мне важно знать, сколько передо мной противника, есть ли танки и артиллерия, а кому они принадлежат, мне неважно. Пусть об этом думают те, кто разрабатывает оперативные планы.

– Какие трофеи брали?

– У нас такой привычки не было – брать в машину что-то или в обоз. Убьют, а о тебе скажут: «вдобавок барахольщиком был». В районе станции Марау мне навстречу едет мотоцикл с коляской. Останавливается, выскакивает немец и вручает мне пакет. Видимо, подумал, что это немецкая колонна. Мы его в плен, а в коляске мотоцикла шоколад, какие-то бутылки. Мы, конечно, его разобрали. Потом, под Эльбингом, мы подбили несколько машин. Мы их обследовали, там был шоколад, виски, тоже забрали. Трофеи были такого плана – все на ходу. Мы взяли Марьенбург, я говорю солдатам: «Походите, посмотрите что к чему». Один принес длинный футляр, как для оружия, в нем на бархате были уложены разноцветные хрустальные фужеры. Я ему говорю: «Зачем ты это принес?» – «Вам». – «Мне пистолет некуда положить, а ты фужеры. Убери». Не знаю, куда он дел их, но красота этих фужеров запомнилась.

– Какое у вас было личное оружие?

– В начале войны револьвер, потом пистолет ТТ; ну, второй пистолет немецкий – «Вальтеры», Парабеллум…

– Сколько всего у вас подбитых танков?

– Как считать. Сам же я не стрелял. Я отдавал команды. Вот моя самоходка подбила, наверное, 2-3 десятка танков, ну, а батарея – еще больше, конечно.

Волошин Алексей Прохорович

Я родился в 1920 году. Родители жили в Тамбовской области. В 1921 году родители бежали под Канев к родственникам моей мамы. Десять классов я окончил в 1938 году и подал заявление в Севастопольское военно-морское училище. Экзамены все сдал, но на медкомиссии у меня нашли какие-то шумы в сердце и забраковали. В том же году я поступил в Одесский институт водного транспорта.

Война застала меня в Бессарабии. Разговор поначалу шел, что надо идти воевать, а то война без нас кончится. Это продолжалось недолго. Мы вернулись в Одессу и добровольно явились в военкомат. В военкомате нас, как студентов технического вуза, определили на учебу в Одесское артиллерийское училище, готовившее артиллеристов в артиллерию особой мощности. Потом была эвакуация. Сначала пешком до Николаева, потом по железной дороге до Камышлова. Учеба продолжалась до февраля 1942 года. Мне присвоили звание лейтенант, и вскоре я попал командиром огневого взвода в 54-й тяжелый артиллерийский гаубичный полк РГК. Я командовал единственным орудием батареи, к которому не было ни одного снаряда.

В марте 1942 года во время артналета я был ранен, а уже в апреле, после выздоровления, стал командиром взвода управления батареи 1104-го артполка 62-й армии, который на вооружении имел 152-мм пушки-гаубицы. Вскоре я стал командиром батареи. На реке Мышкове подбил свой первый танк.

Как это произошло? Заметив скопление немцев, выпросил у командира полка четыре снаряда. Подготовил данные для стрельбы и этими снарядами накрыл противника. Один из них попал в танк, который загорелся. Командир полка с командиром армии выпили в землянке, поскольку это был первый подбитый полком танк, а меня даже не позвали. Я думал, что дадут мне медаль «За отвагу», такую же, как носил командир дивизиона, а меня наградили орденом Красной Звезды. Я был недоволен. Отступали за Дон. Пушки перетащил небольшой паромчик, а мы вплавь. Начальник штаба, который еще империалистическую прошел, говорит: «Ломайте тын, кладите на него свое барахло – брюки, рубашку, пистолет, ремень и плывите. Не бросайтесь спасать тонущего, потому что потянет на дно». Мы договорились, если я буду легко ранен, тогда мне помогут, а если тяжело – плывите, а я уже сам на дно пойду.

Вскоре меня перевели на должность командира батареи полковых 76-мм пушек в 271-й стрелковый полк 10-й дивизии НКВД… Вообще-то самые жуткие впечатления от войны я получил при обороне Сталинграда. Преимущество немцев было подавляющее. Их самолеты буквально по головам ходили. А что? Авиации нашей нет, зенитная артиллерия вся на прямой наводке погибла. Поэтому найдешь какую-нибудь ямку, вживаешься в землю – хочешь продавить ее грудью. И это при том, что я был ранен в середине сентября и не воевал в этих жутких, сверхжутких оборонительных боях, где погибла вся наша дивизия. Правда, за то время, что я в ней был, один раз сходил в штыковую атаку… В батарее оставалось 16 человек, пошли в штыковую атаку – осталось восемь.

Ранен я был в ногу, чуть выше колена. На пароме переправились через Волгу. Рассказывали, что, когда дивизию отвели на правый берег, в строю оставалось 191 человек из десяти тысяч, вступивших в бой.

Привезли меня в Томск. Там я лечился три месяца. Очень хотелось на фронт, потому что было скучно и голодно. У нас каждую неделю показывали два кинофильма: «Чапаев» и «Светлый путь». В январе меня выписали. В тот же день начальник госпиталя получил телеграмму от начальника артиллерии 10-й дивизии НКВД, или, как она уже стала называться, 181-я стрелковая Сталинградская дивизия, подполковника Цыганкова с просьбой направить меня после излечения обратно в нашу дивизию.

С трудом добрался до Челябинска, где дивизия стояла на переформировке. Вскоре нас погрузили в эшелоны и в конце февраля выгрузились в районе Ельца. Оттуда совершали

десятидневный ускоренный марш под Севск, где немцы окружили кавалерийский корпус. Полковая батарея, которой я командовал, была на конной тяге, а лошадей всего было по две на орудие вместо положенных четырех. Приходилось расчетам впрягаться в лямки и тащить орудия. Трудно было. На дорогах заносы. Мобилизовали население на расчистку дорог. Один раз встретили генерал-полковника Рокоссовского. Он ехал на машине. Остановился. Кричит: «Кто командир?!» Я подбегаю, докладываю: «Командир полковой батареи 271-й стрелкового полка лейтенант Волошин». – «Что такое?! Почему так медленно идете?!» – «Лошадей нет, заносы». Уехал. На следующий день приходит приказ: «Отбирать лошадей в совхозах. Давать им расписки о том, что лошади будут возвращены». Помню, пришел к председателю одного колхоза. Он мне говорит: «У меня только 3 лошади». – «Мы забираем». – Он показывает на одну. – «Эта же хромая!» – Солдату командую провести лошадь. Оказалась действительно хромая. – «Забираем две лошади». – У него на глазах слезы. – «Вот вам расписка». Зачем она ему? Ему пахать через месяц… Вот так наскребли лошадей на батарею. Подошли к Севску. Вдоль дороги стали встречаться то справа, то слева лошади, все вверх ногами – замерзли. Начали снимать с них седла. Обувь у нас уже паршивая была – снял седло, считай, будешь с сапогами. Мне там сапоги сделали. Полк занял оборону правее Севска. В обороне батарея один раз обеспечивала разведку боем. Вообще и мы, и немцы плохо там воевали. Завшивели. В ротах половина людей заболела тифом. У меня в батарее было 80 человек. Из них половина заболела. А весна холодная была. В дома набивались так, что чуть ли не в несколько слоев спали. В конце марта я тоже заболел. Весь апрель лежал в санчасти. Волосы вылезли. Но все же в конце апреля я уже встал, стал ходить. Помню, хотел какую-то палку перепрыгнуть, но зацепился и упал – ноги не держали. Есть хотелось все время. Мясо было, поскольку было много побито коров, телят, но не было соли, а говядина без соли невкусная. И зашли мы как-то с командиром еще одной батареи к командиру батальона. Он угощает вкусным мясом: «Николай, где ты взял соль?» – «Это конина». Командир батареи побежал на улицу – его тошнило. Ведь до войны считалось, что конина – это несъедобное мясо. Помню, что комиссар батареи уехал на курсы. Так я написал ему письмо, чтобы прислал мне соли. Ему удалось это сделать, прислал такие дробиночки – соль крупного помола. Я помню, в рот возьмешь эту дробиночку и ходишь, сосешь ее. Такой деликатес!

Как был организован быт на фронте? Удовлетворительно. Или, можно сказать, посредственно, хотя начальство думало, что

хорошо. А в 1942 году кормились подножным кормом. Просили везде, где можно. Помнишь кино «Они сражались за Родину», где Шукшин хотел что-то достать? Вот такие случаи были постоянно.

В мае месяце нас отвели в резерв, а в июне вывели в тылы 13-й армии. Приказали занять оборону и ждать приказа. До нас немцы не дошли – выдохлись, а 15 июля уже мы пошли в наступление. Я со своей батареей поддерживал батальон. Он продвинулся где-то на километра три и завяз в бою. Я решил их подогнать. Переправились через небольшой ручеек, протекавший в лощинке, и, поднимаясь на бугор, заметили два немецких танка, направлявшихся в нашу сторону. Успели развернуть орудия, замаскировать их, и когда танки подошли метров на 200, мы их сожгли. Я решил, что дело сделано и можно двигаться вперед. Пушки подцепили, стали выезжать на пригорок и попали в засаду. Немецкий танк первым же выстрелом разбил первое орудие. Я только увидел, как разлетелись в разные стороны руки и ноги солдат расчета. Второму орудию снаряд попал в передок. Я побежал к третьей пушке, чтобы ее остановить. Кричу: «Стой!» Ординарец мне ногу подставил. Я упал. Он рядом: «Все, товарищ лейтенант, не успеете». В самом деле он и третью разбил. Четвертая пушка не вышла на пригорок, осталась цела.

Взвод 76-миллиметровых полковых пушек изготовился для ведения стрельбы с закрытой позиции.

Полежали немного, потом вытащили одно орудие, которое осталось целым. Через некоторое время решили мы этот танк подбить. Один командир взвода погиб, а оставшемуся в живых я приказал с двумя орудиями обойти танк. Вечереть стало. В сумерках мы его обошли, поставили орудие примерно в ста метрах от его укрытия за какой-то бугорок. Он вышел и стал

пятиться. Стреляли залпом – загорелся. Немцы пытались выскочить, но мы их расстреляли. Продвинулись дальше и заняли оборону. Утром подъезжает начальник артиллерией полка: «Где подбитые танки?» – «Вон стоят». – «Молодец! Сколько пушек потерял?» – «Три. Одна не сильно повреждена». – «Пойдешь под суд!» – «Танк же был в засаде. Мы подбили этот танк». – «Зачем ты туда лез? Твоя задача поддерживать пехоту!» – Приезжает комдив генерал-майор Сараев Александр Андреевич: «Кто подбил? Где этот молодец? Иди сюда, сынок!» Расцеловывает. Говорит начальнику штаба: «Представить к ордену Ленина». Мой непосредственный начальник угрожал под суд отдать, а этот к ордену представляет! Орден Ленина, правда, мне заменили орденом Красного Знамени.

Вскоре мы подошли к южной окраине Чернигова, с ходу форсировав Десну. В городе был большой гарнизон, поддерживаемый танками. Разведчики насчитали их около ста штук. Было решено в каждом полку создать штурмовой батальон из славян (в районе Слуцка дивизия получила пополнение из Средней Азии. Воевали эти бойцы плохо – одного ранят, двадцать человек его тащат), усиленный всей артиллерией полка и саперами. Вечером 19 сентября сформировали, а в час ночи пошли в атаку. Договорились с пехотой, что до ближайших домов подвозим орудия на конной тяге, а дальше солдаты впрягаются и помогают расчетам тащить пушки. Они согласились. Вообще пехота любит, когда рядом артиллерия. Она не боится – если пушка рядом, не так страшно, защитят. В этом ночном бою моя батарея пять танков подбила. Город мы освободили к шести часам утра. Отдохнули, привели себя в порядок и двинулись на Днепр. К этому времени я уже стал начальником артиллерии полка.

Форсировали реку у деревни Глядки, прошли километра четыре и заняли большое село Колыбань. Расставил орудия так, чтобы по одному танку могли вести огонь несколько орудий с разных направлений. За деревней проходила насыпь железной дороги. Саперы ее заминировали. Утром 28 сентября немцы пошли в атаку. Прибежал к первому взводу своей бывшей батареи, а его нет на месте, ушел.

Ушли пушки, а за ними и пехота тронулась. Командира взвода недавно прислали из кавалерийского полка. Вроде такой боевой. Догнал я его: «Ты почему удрал?!» – «Здесь позиция лучше. Пойдут танки, я их подобью». – «Назад! Пристрелю!» Впрягли пехоту в лямки и метров пятьсот протащили орудия назад. В этот момент появились танки. Подпустили их поближе и начали стрелять. Подбили три «четверки». Два танка пошли через насыпь и подорвались на минах, а мы их добили.

Немцы обошли, взяли немного левее и пошли на соседний 292-й полк. Мне приказали перебросить батарею 76-мм пушек ему на помощь. Им удалось прорвать оборону полка, раздавить командный пункт. Мы развернули орудия, открыли огонь. Перебегая от орудия к орудию, руководил боем. Бежал через лощинку с сержантом, парторгом батареи. В лощинке стояла копна сена. Забегаем за нее, а там два немца с винтовками. Я растерялся, автомат на них направил и стою, а потом вдруг тяжесть с плеч свалилась, я очередь дал – они упали, а я все продолжаю стрелять… В этом бою батарея подбила еще шесть танков. Всего за сутки мы уничтожили 11 танков. За что я был представлен к званию Герой Советского Союза.

Помню, мы поехали на комсомольскую конференцию. Я выступил, а один командир батареи говорит: «Подумаешь, подбил 11 танков, так у него же было какое направление. Танки пошли на него. Если бы на меня пошли бы, я бы тоже подбил. Это не его заслуга, а немцев, что они пошли в атаку»…

Севернее Луцка в районе поселка Рожище летом 1944 года я подбил «фердинанд». Мы стояли в обороне, а он километрах в двух на бугре замаскировался. Разбил у нас несколько пулеметов и «сорокапятку». Вдруг командир полка вызывает меня и говорит, что командир дивизии решил приданный нам танковый батальон «Валентайнов» ввести на нашем участке, а я должен обеспечить ввод артиллерией. Приходит ко мне командир танкового батальона, капитан. Я ему говорю: «Осторожно, тут «фердинанд». – «А чего мне «фердинанд»?! Я его подавлю! У меня 15 танков». – «Да?! «Фердинанд» за два километра уничтожает любой танк». – «А ничего, я пойду вот здесь слева». И вот построил он свои танки в колонну и двинулся. Прошел он примерно километр, когда немцы открыли огонь. Первые два танка заскочили в какое-то болотце, и он их пропустил, а начал с третьего. Только бац – горит, бац – горит. Тринадцать танков поджег! Командир дивизии матюкался на командира полка: «Где твой истребитель танков?! Тринадцать танков и пушку потерял! Если он не уничтожит этот «фердинанд», я сниму с него Звезду». Хотя к этому времени Звезды у меня еще не было. И вот вечером я пошел с одним взводом, обошел этот бугор и поставил орудия метрах в трехстах от предполагаемой позиции самоходки. Когда рассвело, мы открыли огонь по гусеницам. Сделали пять-шесть выстрелов. Она попыталась дернуться – гусеницы слезли. После этого саперы подползли, заложили под днище противотанковые мины и подорвали. Говорили, что потом на ней написали «181-я дивизия» и отправили в Киев на выставку трофейного оружия.

В июне 1944 года я получил касательное ранение в живот.

Сначала лежал в Киеве, а потом решил съездить в Москву. Прямо на вокзале у меня открылось кровотечение из недолеченной раны в животе, и я попал в госпиталь. Там меня нашли и пригласили в Кремль на вручение Звезды Героя Советского Союза. После вручения я попал на прием к Главному маршалу артиллерии Николаю Николаевичу Воронову. Маршал предложил мне поступить в Артиллерийскую академию. Я не стал отказываться. А осенью в Кремле представитель американского президента Гопкинс, посол США Гарриман и военный атташе вручали мне «Серебряную Звезду», которой я был награжден указом президента США Рузвельта.

Черномордик Михаил Александрович

Я родился 31 декабря 1922 года в Смоленске. В июне 1941 года закончил десятый класс и ждал вызова на экзамены в Ленинград, в Высшее военно-морское училище имени Фрунзе. Еще весной военкомат отобрал мою кандидатуру среди десятков других, желающих стать морскими офицерами. Романтика моря, красивая форма, кортик и девичьи глаза, с восторгом глядящие на это великолепие. Сами понимаете. Перед войной была развернута просто бешеная агитация среди старшеклассников за поступление в военные училища. И мое поколение, воспитанное на ура-патриотических лозунгах, верное своему гражданскому долгу, – с радостью шло в военные учебные заведения. Но надеть тельняшку помешала война.

22 июня пришел в военкомат, попросил документы для отправки в училище, но нашей группе в количестве тридцати человек предложили, а вернее, приказали поступить в Смоленское артиллерийское училище, готовившее командиров для гаубичной артиллерии. Уже через две недели немцы подошли к Смоленску, и училище в экстренном порядке эвакуировали в город Ирбит на Урале. Привезли нас, 700 человек курсантов, и объявили, что срок обучения сокращен до полугода (до войны в училище обучали в течение почти трех лет). Занимались в училище по 12-14 часов в день, и за шесть месяцев из нас сделали «людей». Боевые стрельбы проводили только «огневики», но подготовка, включая общевойсковую, была на высоком уровне. Я даже три раза стрелял на стрельбище из пулемета «максим» и

один раз из ручного ДП.

Уже 4 января 1942 года меня выпустили из училища в звании «младший лейтенант», и в составе группы «свежеиспеченных» артиллерийских командиров меня направили на Алтай, в город Бийск, на формирование 232-й стрелковой дивизии.

Нас разобрали по артполкам. Я и еще три человека попали в отдельный 214-й дивизион противотанковой артиллерии. Так что на гаубицах воевать не пришлось.

Дивизион состоял из трех батарей, вооруженных 45-мм пушками.

Батареей командовал старший лейтенант Востриков, политруками были Мотенко и Шамшиев. Меня назначили заместителем командира батареи, а взводами командовали лейтенанты, ребята старше меня по званию, выпускники Ростовского артучилища, которое готовило командиров для частей ПТА, известных как «Прощай, Родина». Сами представьте – январь, морозы страшные, а жили мы в лесу в шалашах. Кормили по самой захудалой тыловой норме, полушубков и валенок не было, так что нашей главной задачей было не замерзнуть. Боевую подготовку начали только в конце апреля, отработали взаимозаменяемость в расчетах. Люди, приходившие на формировку, были в основном алтайские крестьяне и зэки из Красноярского края, амнистированные досрочно и посланные на фронт. Атмосфера в частях дивизии была соответствующая контингенту. Об этом даже не хочется говорить. Командиров в дивизии, особенно в стрелковых полках, не хватало. Командовал дивизией майор (!) Улитин, ставший к концу войны генералом. Вострикова забрали на должность начальника штаба дивизиона, и мне пришлось лично командовать батареей. В июне сорок второго нас погрузили в эшелоны и направили в район города Воронеж. Мой друг, Илья Эйдинов, погибший потом, в 1943 году, сказал мне одну фразу перед отправкой на фронт: «Я знаю, что ты выживешь». Почему-то он был в этом уверен.

Прибыли в Воронеж, город чистенький, опрятный, было такое ощущение, что дыхание войны его не коснулось. Встали на южной окраине города, заняли огневые позиции. Мимо нас двигалась огромная колонна беженцев. Поразило, что среди них было большое количество молодых парней. Мы все удивлялись, почему они не в армии. Потом, через два дня, эта «молодежь» ударила нам в тыл. Это были переодетые немецкие парашютисты, свободно владевшие русским языком. Потрепали они нас солидно! По крайней мере панику посеяли такую, что многие снялись с позиций и побежали…

Первый бой сложился для нас удачно, мы потерь не понесли.

Вслед за очередной колонной отступавших, в метрах трехстах от нас, из леска появились два танка. На одном из них реяло красное знамя. Вдруг порыв ветра развернул знамя, и мы увидели на нем белый круг с черной свастикой. Все на какие-то мгновения опешили… Огонь орудий дивизиона загнал немцев обратно в лес. На следующий день на батарею вернулся Востриков. На место начштаба прислали другого человека, и Вострикова «попросили назад». В довольно грубой форме он сказал мне: «Иди к начарту дивизии за назначением, эта батарея – моя». К тому времени должность «заместитель командира батареи» в армии уже отменили.

Пришел в штаб дивизии, к начальнику артиллерии Минткжову. Объясняю причину своего появления в штабе, и в это время из-за перегородки выходит комдив Улитин. Получаю от него приказ: «Пойдете в штаб армии офицером связи нашей дивизии. Передадите секретный пакет». На попутках приехал в штаб армии, а там таких же, как я, делегатов связи человек тридцать. Все в звании от капитана и выше. Только я был там единственный с одним «кубарем» в петлицах, да еще в солдатском обмундировании! Через пять дней вызывают меня в оперативный отдел армии, вручают пакет. Я поинтересовался местом расположения моей дивизии. Предложили искать где-то севернее Воронежа. Ситуация почти как у Ваньки Жукова, с его письмом на деревню к дедушке…

Штабист еще пару слов добавил: «В плен к немцам не попадать, в случае опасности пленения пакет сжечь и застрелиться». Лучше бы он места дислокации дивизий знал! Сутки добирался до станции Воронеж-Северная. На станции стояли четыре эшелона: три с боеприпасами и один – санитарный поезд. Налетела немецкая авиация, началась бомбежка. Из полыхающих вагонов санитарного поезда выскакивали раненые, и те, кто мог передвигаться, бежали, не разбирая дороги. Тяжелораненые пытались выползти из вагонов, но взорвался состав со снарядами, и осколки безжалостно косили всех. Грохот стоял невообразимый…

Я лежал под бомбежкой, понимая, что не имею права погибнуть, возможно, от пакета, что был в моих руках, зависит жизнь многих людей. Если пакет не доставлю, я буду виновен в их гибели, а если меня бомбой разорвет и мой труп не найдут, подумают, что сбежал. А на моих глазах сотни солдат погибают. Видно, я «в рубашке родился», после того как немецкие самолеты улетели, кроме меня на станции живых и не покалеченных было всего несколько человек… Я еще долго плутал по линии нашей обороны на Задонском шоссе. Картина была удручающей. Многие

просто без приказа отходили в тыл, бросая орудия и машины. Стойко держались в этот трагический день только бойцы, сражавшиеся в районе стадиона и здания сельхозинститута. Все части перемешались, никто ничего толком не знает, но я нашел штаб дивизии. Передал пакет Улитину под расписку. Комдив говорит – «Пойдешь ко мне адъютантом. Моего капитана-адъютанта вчера при бомбежке убило. А ты мне подходишь, видно, что парень смелый».

Майор Минтюков стоял рядом и немедленно отреагировал: «Я вам его не отдам. У меня в противотанковом дивизионе командиров почти не осталось, а младший лейтенант опытный артиллерист. Я его знаю». Получил под командование батарею 45-мм пушек на автомобильной тяге, а 15 июля мне присвоили звание лейтенанта.

Полгода мы держали рубежи по берегу Дона, примерно в 20 километрах от северной окраины Воронежа. Все это время батарея находилась сразу за боевыми порядками пехоты. Снарядов катастрофически не хватало. Я, командир батареи, не имел права сам открыть огонь без получения разрешения от командира дивизиона! Наших пехотинцев все время «гробили» в попытках захватить плацдарм на правом берегу Дона. Река в этом месте не была особо широкой.

Помню бой за деревню Хвощеватка в августе сорок второго. Там был страшный случай, два наших стрелковых батальона ворвались в эту деревню, но примерно полтора десятка немецких танков окружили их, и большинство солдат попало в плен. Немцы уводили пленных из деревни, «конвоируя» их танками с четырех сторон. Мы получили приказ открыть огонь по удаляющейся колонне, но уже ясно видели, что это не немецкая пехота, а уводят в плен наших товарищей. Дали залп в сторону. Политрук батареи промолчал. А вот с соседней батареи дали залп вдогонку довольно точно… Первый немецкий танк моя батарея подбила через месяц в боях на плацдарме возле села Новоподклетное. Это был средний танк, и «сорокапятки» могли противостоять танкам такого типа. Хоть и говорили про «сорокапятчиков», что они смертники, но воевать с этими пушками все же было возможно, хоть и недолго… Пока не убьют… Нашей судьбе никто на фронте не завидовал, добровольно к нам никто не приходил.

45-мм пушки, приземистые, легкие, почти игрушечные, подвижные и очень маневренные, их легко можно было развернуть в любую сторону и катить на руках, перемещая вместе с наступающей пехотой. У нас были эти «пушечки» еще довоенного выпуска. Но именно благодаря своей конструкции они были чрезвычайно уязвимы. Невысокий и неширокий щит не

защищал расчет орудия от огня противника. Вести огонь из «сорокапятки» было крайне неудобно – артиллеристы при ведении огня должны были или стоять на коленях, или согнуться в «три погибели». До сорок третьего года мы могли относительно успешно бороться с танками, но любая промашка расчета – был ли кто убит, или ранен, либо наводчик промазал и снаряд ушел в «молоко» – для артиллеристов, как правило, грозила смертью. Без преувеличения… Танки успевали добраться до позиции орудия и своими гусеницами стирали в пыль и пушку, и расчет. Действительно, «Прощай, Родина»… Даже находясь в стационарной обороне, дивизион нес существенные потери постоянно, хоть и немецких танков в тот период в районе Воронежа было немного. В январе сорок третьего мы перешли в наступление. Помню, как несколько суток бились за деревню Кочетовка. Наши 605-СП и 712-СП там потеряли почти весь личный состав в лобовых атаках.

А после с непрерывными боями дошли до границ Курской области.

В самом конце февраля 1943 года меня забрали в ИПТАП.

– Каковы были критерии для отбора в ИПТАПы? Чем истребительно-противотанковые полки отличались от обычных артиллерийских полков? Какова была структура вашего полка и его вооружение?

– Отбирали в ИПТАПы артиллеристов с боевым опытом, проявивших себя в предыдущих боях с хорошей стороны, только коммунистов и комсомольцев. Но, например, полк, в котором я воевал в конце войны, был сформирован из новобранцев, в основном 1925 года рождения, ранее «не нюхавших пороха». Других критериев отбора я не знаю. Никто в анкеты не смотрел, репрессированных или раскулаченных среди родни не выискивал. Попал я в истребители танков после довольно своеобразной истории, которая вам покажется неправдоподобной, но, к сожалению, имевшей место в моей фронтовой судьбе.

В феврале 1943 года батарея застряла в курском селе из-за неисправности двух машин. Я не спал до этого двое суток. Завалился спать на полу в ближайшей избе, вдруг меня будит мой комвзвода Малышев и спрашивает: «Полицая поймали. Что с ним делать? Шлепнуть или в штаб передать? Местные жители хотят его казнить». Единственное, что я успел сказать спросонья, это: «Лейтенант, иди ты к черту, делай, что хочешь, только дай поспать». Через пару минут автоматная очередь во дворе. Вышел из дома – на снегу полицай убитый и толпа селян вперемешку с моими бойцами. Крестьяне кричат: «Собаке – собачья смерть», – да рассказывают, какой гадиной был убитый немецкий пособник.

Прошла неделя, и тут вызывает меня к себе на допрос уполномоченный особого отдела полка и начинает выяснять обстоятельства происшедшего в деревне события. Рассказал, как было дело, особист, дружелюбно улыбаясь мне, пожал руку и пожелал боевых успехов. А еще через неделю вызывают меня в штаб дивизии. Взял коня у стрелкового комбата. Приехал в штаб, расположенный в здании сельской школы. Подходит ко мне капитан-юрист и властно командует: «Следуйте за мной!» Заводит в класс, а там… – заседание дивизионного трибунала! Сидят три тыловых дармоеда и, не слушая моих объяснений, обвиняют в самосуде над гражданским человеком, переспрашивают вопросы из протокола особиста и минут через десять объявляют, что трибунал удаляется на совещание. Возвращаются, и председатель зачитывает приговор: «Восемь лет заключения». Я взбесился: «За что?!». А он дальше монотонным голосом продолжает читать по бумажке: «Если в боях за социалистическую Родину будут проявлены мужество и героизм, приговор может быть пересмотрен и смягчен, по представлению командования». И никаких слов о замене срока штрафным батальоном или о том, что исполнение приговора отложено до конца войны, вообще ничего больше! Развернулись и вышли из комнаты. Я еще сидел там два часа и ждал, когда придут конвоиры, сорвут петлицы, заберут ремни и пистолет. Никого… Что делать – не знаю. Вышел, сел на своего коня и спокойно беспрепятственно вернулся на батарею. На душе муторно, вот думаю, сволота чекистская! Вас бы на передовую, особисты хреновы! Пришел командир дивизиона, я ему пересказал, что случилось, он в ответ говорит: «Воюй и не думай об этой ерунде, попробуем разобраться». Другой бы на моем месте, наверное, или бы дезертировал, или бы к немцам перебежал… Но я еврей, коммунист, патриот, и слово «Родина» для меня не пустой звук. Мне подобный выбор не подходил. А еще через две недели по телефону приказ – сдать командование батареей и прибыть в штаб дивизии. Тут я был уже точно уверен, что маршрут один – в Сибирь, в лагеря. Старшина батареи собрал для меня продукты в вещмешок. Простился с боевыми товарищами, все свои «трофеи» друзьям раздал и пошел пешком в штаб. Нас там собрали, пятерых артиллерийских командиров, и предложили служить в истребительно-противотанковых частях РГК. Отказов не было. А что дальше с моим «уголовным» делом стало, я не знаю. При демобилизации в моем личном деле не было никаких трибунальских документов. А попасть в штафбат я не боялся, я и так всю свою войну провел в частях под названием «Ствол длинный – жизнь короткая». Какая разница, где погибать?! Давайте вернемся к вашему вопросу.

Я попал в отдельный 1660-й ИПТАП, под командованием прекрасного человека и смелого офицера подполковника Ивана Васильевича Черняка.

Полк состоял из пяти батарей. В ИПТАПах не было разделения на дивизионы, но встречались истребительно-противотанковые полки шестибатарейного состава, причем среди них могла быть одна батарея «сорокапяток», одна – гаубичная и одна, оснащенная пушками ЗИС-2. Наш полк был вооружен только пушками ЗИС-3, прозванные в армии длинным словом – «семидесятишестимиллиметровки».

В батарее было четыре пушки, перевозимые на «студебеккерах». Два огневых взвода, по две пушки каждый, В расчетах по семь человек. Взвод управления состоял из отделения разведки (командир и 6 разведчиков), отделения связи (командир, два радиста и пять связистов-телефонистов), отделение материально-технического обеспечения и боепитания (старшина, водители и свой арт. мастер), а взвода боепитания у нас не было. Всего числилось на батарее примерно 60 человек личного состава. На батарею полагалось шесть машин. Все артиллеристы были вооружены карабинами, только разведчики были с автоматами ППШ. На батарею полагалось два ручных пулемета для защиты орудий от немецкой пехоты, но у меня всю войну был еще пулемет «максим» с большим запасом лент, который не раз нас выручал в трудные минуты. А отличий от обычных артполков было немало. Например, мы ходили с пришитой на рукаве эмблемой истребителей танков – две скрещенные пушки на черном фоне. В 1186-м ИПТАПе эту эмблему офицеры носили на каракулевых кубанках. Та же эмблема по трафарету рисовалась на кабинах машин. А вот своей полевой кухни на батарее не было, хотя питание «иптаповцы» получали по усиленной норме. В некоторых батареях таскали с собой противотанковое ружье, но это больше для успокоения, как «последний шанс». У меня было в «заначке» два ящика противотанковых гранат, чтобы, если «умирать, так с музыкой». Стрелковых рот в полках РГК не было, они находились только в составе бригад.

Все солдаты и офицеры получали двойной денежный оклад, и нам засчитывалась выслуга лет – полтора года – за год в ИПТАПе. За подбитую немецкую технику нам полагались денежные выплаты, но мы все деньги переводили в Фонд обороны.

В отличие от обычных артиллерийских батарей у нас имелось две рации, ведь очень часто полк для прикрытия танкоопасных направлений действовал отдельными батареями на разных участках, и связь со штабом поддерживалась только по рации.

Боевая подготовка была построена так, что в каждом расчете было минимум три подготовленных человека, способных заменить наводчика орудия в случае необходимости, ведь потери у нас были чувствительные…

Еще одна существенная деталь. Командир батареи истребителей танков мог по своему усмотрению израсходовать снаряды из НЗ – (12 снарядов на ствол), не испрашивая разрешения командира полка. Наш боекомплект был как минимум двойной – 140 снарядов на орудие, в «простых» артчастях он был всегда гораздо меньше. Было всего по тридцать-сорок осколочных снарядов, два ящика картечи, а в основном были бронебойные и подкалиберные. Можно вспомнить еще немало отличительных черт, свойственных только ИПТАПам…

– Чем запомнились первые бои вашего полка?

– В мае 1943 года полк принял первый бой, но нас использовали для огневой поддержки пехоты. Во время Курской битвы полк стоял во второй линии обороны, возле Прохоровки, и немцы не дошли до наших позиций всего три километра. А мы уже приготовились геройски погибнуть. В конце июля полк участвовал в тяжелом бою с немецкими танками, моя батарея подбила три танка, но во время немецкой бомбежки нас пикировщики просто смешали с землей, и мы остались без орудий. Да и солдат в живых было всего ничего.

Но самое страшное воспоминание сорок третьего года – это переправа через Днепр. Переправлялись ночью, побатарейно, вместе с пехотой. Немцы заметили начало форсирования, и их осветительные ракеты превратили ночь в день. Вода в реке кипела в буквальном смысле от падавших в нее снарядов и мин. С правого, высокого берега был открыт такой ураганный огонь, что никому не посчастливилось в ту ночь переправиться через Днепр. Только десятки разбитых лодок и плотов с убитыми гребцами… Сколько там людей погибло и потонуло! Течение Днепра равнодушно сносило вниз все – живых, мертвых, обломки плотов, бочки, бревна. Нечеловеческий вой тонущих солдат стоял над рекой… Я, хоть и готовился стать моряком, но плавал очень плохо, поэтому перед переправой знал точно, что сегодня последний день в моей жизни. Войти в этот ад и надеяться выжить было глупой иллюзией. Мы срубили и связали плоты заранее, но, когда скатывали орудия по настилам на плоты, немцы дали залп из шестиствольных минометов по кромке берега и разнесли и наши плоты, и орудийные расчеты в щепки. Прямые попадания… Мы, человек пятнадцать уцелевших, вместе с пехотой откатили два исправных орудия назад от берега. По рации связался с комполка, доложил обстановку и получил

приказ «отставить переправу». А на берегу немецкий огонь уничтожал все живое, весь берег был завален трупами наших солдат. Страшно даже сейчас вспоминать об этом… 19 октября нас перебросили на плацдарм севернее Киева. Меня как раз «схватили» приступы малярии, день командую батареей, а на другой – валяюсь в блиндаже, загибаюсь от лихорадки. Замениться я отказался. Потом потихонечку оклемался. 3 ноября пошли в наступление на Киев. Нервное напряжение от сознания предстоящих боев и хлопоты перед наступлением оказались лучшими лекарствами против приступов малярии – их как рукой сняло. 5 ноября батарея вступила в Святошино. А дальше наш путь лежал на Житомир.

Мы дошли до Коростышева. На батарее кончились снаряды, кроме НЗ, и по рации я получил приказ остановиться возле какой-то деревни, в пяти километрах от города, и ждать подвоза снарядов. Остальные батареи полка ушли вперед. Вдруг видим, по проселку идет немецкая машина с пехотой и бронетранспортер. Уничтожили их первым залпом. Навстречу нам бежит наша пехота. Подошел лейтенант-пехотинец и обратился ко мне: «Мы, кажется, в окружении, возле деревни много немецкой пехоты и танков штук двадцать. Возьмите нас, иначе мы к немцам в руки попадем». Своих бросать нельзя. Посылать в деревню разведку времени не было. Услышали звук мотора мотоцикла и увидели, как вдалеке проехал немец. Нас он, к счастью, не заметил. Понимаю, что если в деревне немцы, то надо проскочить ее на большой скорости, не давая им опомниться, но звуки моторов наших машин привлекут внимание немцев еще до того, как мы туда доберемся. Принял решение двигаться к деревне на самой малой скорости, производя как можно меньше шума. Пехоту поставил по обе стороны от «студебеккеров» и предупредил, что в случае появления немцев открывать шквальный огонь, прыгать в машины и прорываться на полном газу вперед. Риск такого маневра был чрезвычайно велик, но другого выхода не было, без снарядов мы с танками успешно воевать не можем. Подошли к крайней хате. Большое село словно вымерло. Состояние было такое напряженное, я даже был уверен, что немцы, притаясь в засаде, уже взяли нас на мушку и сейчас начнется!.. Зашли в крайнюю хату, там старик сидит и от страха трясется. Спрашиваю: «Немцы в селе есть?» – «Есть, много, и с танками». – «Выведи нас на дорогу, чтобы немцам на глаза не попасть». А он: «Не пойду, меня за это немцы расстреляют!»

Достаю пистолет и говорю: «Немецкого расстрела боишься, а красноармейского нет? Не выведешь, я тебя раньше убью!». Это подействовало. Вывел нас старик.

Встали на шоссе Киев – Житомир, наш полк выскользнул, наудачу, из окружения с малыми потерями. Полку по рации указали наиболее подходящий маршрут для выхода, и они смогли выйти из кольца. А многие тысячи там, в окружении, навеки остались… Через день меня снова стала терзать малярийная лихорадка, и меня отправили в ближайший санбат. Лежу и слышу топот ног, вроде бегут десятки людей. Выглянул в окно, а там наши солдаты сломя голову от чего-то драпают. Смотрю в другое окно, а там метрах в сорока немецкий танк стоит. Выскочил из окна и побежал к лесу. Бежал, падал, поднимался и – снова бежал. Только когда достиг леса, совершенно обессилел. Нашел свой полк. Лучше «болеть дома».

Наш полк пополнили, дали немного отдохнуть, и двинулись «смертники» дальше на запад. За киевско-днепровские бои только двух человек из нашего полка – меня и Исаева – представили к орденам Красного Знамени. Исаев этот орден получил через несколько месяцев, а мне заменили «боевое знамя» на орден Отечественной войны первой степени.

– Как вас ранило? Почему вы вернулись на фронт? Ведь ваше ранение сделало вас негодным даже к нестроевой службе. Я же вижу, что правая рука почти не действует. Расскажите поподробней об этом.

– В январе 1944 года с бесконечными боями, теряя людей и матчасть, пополняясь и опять теряя, мы вышли под Шепетовку, приближаясь к старой границе СССР. В двенадцати километрах от Шепетовки, на окраине деревни Великие Деревичи, батарея застопорила свое движение на запад. Немцы предприняли сильную контратаку. Три орудия поставил на фронтальный огонь, а четвертое, как обычно, замаскировав, поставил в стороне, в 300-х метрах от батареи. Назначение этого орудия – вести кинжальный огонь по уязвимой бортовой броне надвигающихся на нас танков противника. 15 января из ближайшего леса выползли два немецких танка. Один мы сразу подбили, а второй отполз обратно в лес. Через некоторое время на нас пошли уже четыре танка, стреляя с ходу. За ними шли цепи немецкой пехоты. Наша пехота побежала без оглядки. Вроде не сорок первый год. Но это пехотное подразделение было необстрелянным и в основном состояло из недавно мобилизованных колхозников с освобожденных территорий. Ко мне подбежал командир этого полка: «Родной! Прикрой, прошу, умоляю! – чуть не плача, стараясь перекричать грохот орудий, умолял он. – Прикрой, пока я полк соберу! Я тебя к Красному Знамени представлю!» С правого фланга появились еще три танка. Прямое попадание в орудие «кинжального огня», пушку

подбросило и перевернуло в воздухе. Расчет орудия погиб. Мы подбили два танка, и немцы отошли на исходные позиции.

Я понимал, что это не последняя атака, и велел поменять позиции батареи. На рассвете следующего дня большая группа немецких танков двинулась по параллельной дороге. Один танк отделился от колонны. Не увидев батарею на прежнем месте, двинулся дальше, прямо по направлению к нашим новым позициям. Для этого ему надо было перейти через мост. Решил подождать и подбить его на мосту, чтобы закупорить дорогу для других танков. На середине моста мы его и «кончили». Он проехал чуть вперед, гусеница распласталась перед ним. Некоторое время спустя появился немецкий тягач, чтобы стянуть подбитый танк с моста. Но тягач мы тоже подбили. Тогда все танки развернулись в нашу сторону и открыли по нам огонь. Одно орудие накрыли вместе с расчетом, все погибли. Второе орудие было целым, но расчет был полностью выведен из строя.

Побежал с ординарцем к этому орудию. Прямо впереди полыхнуло желто-красное пламя, с визгом пронеслись осколки… Перелет… Вскочили на ноги, бросились к орудию, но тут грохнуло вторично. Меня отбросило в сторону. Осколки пробили правую руку, пальцы повисли на сухожилиях. Ординарец мой получил осколок в живот, лежал на земле и стонал. К нам бросились солдаты из взвода управления. Я приказал им оказать помощь сначала ординарцу, его ранение было более тяжелым. Пытался сделать себе перевязку. Подбежал шофер нашего «студебеккера», оторвал кусок доски от находившегося рядом забора и положил на эту доску мою руку, приладив к ладони пальцы. За неимением перевязочного материала он привязал мою руку к этой самодельной шине пропитанной солидолом тряпкой. Я вышел из боя, а потом санбат, и далее – госпиталь. В батарее были разбиты все орудия, а из солдат орудийных расчетов все были убиты или ранены. Такой вот бой был….

В феврале получил от матери письмо, а в него вложена «справка» от командира полка, в которой сказано, что я воевал хорошо, представлен к двум орденам Боевого Красного Знамени, и так далее. Пальцы мне к ладони пришили, но они бездействовали, рука в запястье не сгибалась, все кости кисти были раздроблены и деформированы. При выписке из госпиталя умолял врачей не комиссовать меня, что-то «плел», что не могу жить без армии. Сжалились надо мной и дали вторую группу инвалидности и направление в запасной артиллерийский полк, в мой родной город Смоленск, на должность командира учебной батареи. Прибыл туда и пришел к полковнику, командиру полка. Он обрадовался, говорит, хорошо, мол, что опытный офицер с

боевым опытом будет у него служить. А я прошу отпустить меня в действующую армию, к своим ребятам. В ответ: «Кругом! Приступить к службе!» Пошел к замполиту, показываю письмо из своего полка, говорю, что я, коммунист, не могу быть в тылу, когда война еще продолжается: что хочу Родину защищать, что всю мою родню немцы вырезали и я обязан отомстить… Комиссар вспылил: «А я, значит, могу в тылу служить?! Ты что думаешь, раз ты герой-орденоносец, так ты нам указывать здесь будешь, где кому служить?!» Но с полковником поговорил. Уже на следующее утро командир ЗАПа вызвал меня к себе и сказал: «Слушай, комбат. Я уважаю твое стремление вернуться на фронт. Но что ты там, инвалид, делать будешь? Ладно, поезжай, но знай – мы тебя в Смоленске не видели и никаких документов тебе не дадим. Береги себя!» В мае 1944 года я нашел свой полк. Никто меня на прифронтовых дорогах не останавливал и документов не проверял. Старые офицеры полка обрадовались моему возвращению в строй. Решили «обрадовать» и меня: «Пойди в штаб, – говорят, – полюбуйся на свой орден». И рассказали мне, что когда в штаб полка поступила реляция о представлении меня за мой последний бой к ордену Красного Знамени, начальник штаба майор Быков переписал наградной лист и вместо моей фамилии вставил свою. Так что предложили мне посмотреть, как мой орден красуется на чужой гимнастерке. На войне часто бывало: рисковали жизнью одни, а ордена получали другие. Но искать справедливость в армии – себе дороже обойдется. Воевать рядом дальше с такой сволочью, как Быков, не хотелось… Спрашиваю, а что Черняк, промолчал, узнав о подобном «фортеле»? Отвечают, что Черняк с конца февраля командует 640-м ИПТАПом, который находится в двадцати километрах от их расположения. Попрощался с ребятами, зашел к себе на батарею, а из прежнего состава среди управленцев всего трое человек осталось. Я в тот момент «в списках не значился» и был «вольной птицей». Поехал искать 640-й полк. Захожу в блиндаж к Черняку. Он сначала не поверил, что я вернулся. Обнимает меня, говорит, что вместе воевать будем до Победы, а все бюрократические формальности, связанные с зачислением в полк, он лично уладит. Дали мне под командование батарею. Была там еще одна радостная встреча. В этом полку начальником разведки служил мой сосед по Смоленску, Рувим Яковлевич Долин. Он был чемпионом города по шахматам, и до войны мы часто играли с ним в шахматы. Рувим был на два года старше меня и закончил Смоленское артиллерийское училище еще в сорок первом.

– Были ли в вашем полку случаи, что кто-то отходил без приказа или бросал орудия. Люди не из железа сделаны,

жить хочется всем…

– Со мной лично был такой случай. Чего только не случается на войне… Иногда думал о себе, что я уже обстрелян, насквозь пропитан пороховым дымом, не кланяюсь каждой пролетающей пуле, прошел огонь, воду и медные трубы, считаюсь матерым воякой, сват министру, кум королю и сам черт мне не брат. Но случается, что и таких черт может попутать. Ни с того ни с сего «душа в пятки уходит», становится неспокойно на сердце и с трудом получается сдерживать страх. Было это под Золочевом. Мою батарею придали в поддержку пехоте, наступавшей на Львов. Закрепились на северо-западной окраине Золочева, отразили атаку немецкой пехоты и бронетранспортеров. То ли это был отвлекающий маневр немцев, то ли они пытались какую-то нашу часть обойти и неожиданно наткнулись на нас, но мы их атаку отбили. И вдруг наступила тишина. После грохота боя внезапно наступившая тишина кажется оглушающей, аж в ушах звенит. Немного попозже мы услышали, что где-то вдали идет бой. А на нашем участке тишина сперва насторожила, а потом обеспокоила. Я послал разведчиков выяснить обстановку. Вернувшись через некоторое время, разведка сообщила, что ни немцев, ни пехоты, которую мы должны поддерживать своим огнем, не обнаружили. Снялась пехота, и в известность нас не поставила! А немцы могут появиться здесь в любую минуту. Я не только обеспокоился, но и скажу прямо – испугался. Опытные фронтовики всегда боятся тишины на передовой. Когда идет бой, все ясно, противник там, ты здесь. А когда тишина… Какая каверза таится за ней? Откуда ждать удара? Какими силами? Наши противотанковые пушки и так легко уязвимы, а без пехотного прикрытия – вдвойне. Появятся немцы с флангов или с тыла, не то что орудие развернуть не успеешь, сошники не выдернешь, как весь расчет перебьют! Не зря нас «смертниками» называют.

Так вот – тишина. Противника перед нами нет. Наши машины, без которых мы орудия не перевезем, далеко отсюда – в укрытии. А тут еще десятки ящиков со снарядами. Связи нет, кабель перебило. Радистов вместе с рацией еще вчера прямым попаданием снаряда разорвало на куски. Приказа нет. Вся ответственность за батарею, за людей – на мне, и почувствовал себя в этот момент я как-то неуютно. Так одиноко… Считайте, что я смалодушничал. На батарейцев своих посмотрел, и жалко мне ребят стало… Сколько своих товарищей, своих солдат я уже потерял за два года войны. А почти все бойцы на батарее мальчишки девятнадцатилетние. А тут не окружением «пахнет», просто вскоре уничтожат нас, а в полковых списках напишут –

«пропали без вести»…

Принимаю решение: затворы и панорамы с орудий снять и закопать, ящики со снарядами спрятать в стоящем неподалеку сарае, а орудия бросить в овраге и замаскировать ветками! Так и сделали.

Добрались до своих, которые отошли на пять километров(!), и я доложил командиру полка о случившемся. Глянул он так, что у меня мороз по коже прошел.

– «Орудия бросил! Под трибунал захотел?! Марш на передовую, в пехоту, и без матчасти не возвращайся!» Взял я своих батарейцев, и отправились мы в окопы к пехоте. Думал, что пропаду от стыда, с досады и злости на себя. Ну меня-то ладно. Виновен я. А батарейцы мои в чем виноваты, что я, их командир, в дезертиры записал? И залегли мы вместе с пехотой в траншеях и двое суток отражали немецкие атаки. Стрелять из винтовки с одной действующей рукой было непросто, но быстро приспособился. Я молил Бога, чтобы меня убило, совесть меня замучила, я хоть и не людей бросил, а орудия, но все-таки… Через два дня немцы стали отходить, бросая свою технику. Как ошпаренный, побежал я к тому месту, где свои орудия оставил. Глазам своим не поверил – стоят милые, им хоть бы хны. На радостях я стал пушки целовать. Выкопали мы затворы, почистили, ящики со снарядами из сарая вынесли и пошли наступать вместе с пехотой, уже при орудиях. Солдаты мои понимали, почему я принял решение оставить пушки, и знали, что я рисковал своей честью и головой. Все солдаты подошли ко мне, и парторг батареи сказал: «Товарищ капитан. Спасибо вам, если живыми останемся, детям своим о вас расскажем…»

Спустя много лет я понял, что командир полка Человеком был. Человеком с большой буквы. Он видел меня раньше в боях и знал, что трусом я не был.

Хлебнул он на войне, много перевидел и знал, что человек не железо, и нервы его не из стали сделаны. Бывает, дрогнет человек и согнется от усталости, перенапряжения, постоянного ожидания смерти. А у нас чуть-что, его перед строем под дулами автоматов ставят, в назидание, чтобы другим неповадно было.

А ему уверенность в себя внушить надо, выпрямиться надо помочь.

Сколько людей погибло без ума и без нужды. Без оружия, необученных и необстрелянных в «мясорубку войны» бросали, под гусеницы немецких танков, лишь бы дыру заткнуть, чтобы эти танковые гусеницы в раздавленных человеческих телах, в их крови забуксовали. За свою собственную вину и тупость, за халатность начальники чужими жизнями расплачивались.

По сей день я с благодарностью вспоминаю подполковника Черняка. Мог просто меня перед строем расстрелять, или, чтобы руки не пачкать, «отдать на заклание» особистам и трибунальцам.

Но во время боя я не видел в моих ИПТАПах, чтобы люди бросали орудия и бежали с огневой. Как с ума сходят, я видел… Как головы от ужаса седеют в одно мгновение – тоже видел… Была бомбежка, упали мы, четыре человека в ровик, и офицеру, лежащему сверху, осколками оторвало голову и ноги.

Когда кончили бомбить и мы все в чужой крови вылезли наверх, у лейтенанта-управленца вся голова стала седой. Но явной трусости у нас в батареях не было, все знали, что нас ожидает, и были готовы к своей участи. Артиллеристы-противотанкисты были обречены каждодневно и ежечасно смотреть смерти в лицо и ей не сдаваться.

– Расскажите об организации боя в ИПТАПе. Расскажите об особенностях тактики ведения боя с немецкими танками.

– Если нас «выбрасывали» на танкоопасное направление в составе полка, то командир полка сам выбирал места расположения батарей. Все батареи, кроме одной, выдвигались на прямую наводку, часто впереди пехотных позиций. Одна батарея оставалась в резерве на закрытой позиции. Эффективно мы могли поражать танки только с дистанции 500 метров. Две батареи на флангах были развернуты орудиями так, чтобы поражать бортовую броню немецких танков.

Но, как правило, полк «дробили», и каждая батарея действовала самостоятельно. Ночью прибывали на указанный нам участок обороны, я выбирал огневые позиции для каждой пушки, рыли окопы, щели, ровики, ниши для снарядов, оборудовали запасные позиции, протягивали связь, маскировались. Для солдат это был тяжелейший труд. Зимой до седьмого пота долбили мерзлую землю, весной и осенью – пытались оборудовать позиции среди липкой грязи и глины. Копание в земле – одно из самых ненавистных воспоминаний любого артиллериста. Ложных позиций на батарее мы не делали, это было принято в тактике ведения боя только в составе полка. К рассвету батарея уже была зарыта в землю, машины уходили в тыл, ну а нас ждал жестокий бой, не на жизнь, а на смерть. В некоторых полках было принято оставлять на огневой позиции только по три человека из расчета: командир, наводчик и заряжающий, остальные в это время ждали в траншее, когда надо будет заменить выбывших из строя товарищей. Это делалось, чтобы избежать лишних потерь, но, по моему мнению, толку от подобной методики было мало. На открытой огневой позиции спасения нет нигде, ни в траншее или окопе, ни возле орудия. У нас в 640-м полку была традиция, что,

например, комсорг и замполит полка, а также большинство штабных во время боя приходили в батареи, подносили снаряды и заменяли раненых и убитых в расчетах, залегали с пулеметами впереди пушек. Хорошо это или плохо – не мне судить, но это был акт самопожертвования и характеризовал боевой порыв «иптаповцев». На НП полка оставались всего несколько человек, по-настоящему необходимых для организации боя и координации взаимодействия батарей. Пушки расставлялись на расстоянии 30-50 метров друг от друга, чтобы можно было подавать команду голосом и также обеспечить плотный заградительный огонь на определенном участке. Четвертое фланговое орудие ставилось в метрах 300-х от основных позиций батареи. От каждого орудия был протянут телефонный кабель, и к каждому расчету прикреплялся телефонист с полевым аппаратом.

Снарядные ящики располагались в следующем порядке: близко к орудию слева – бронебойные, справа – подкалиберные, а шрапнельные, ОФ метрах в двадцати позади от пушки, их подтаскивали поближе по мере необходимости. Все снаряды были заранее очищены от остатков заводской смазки. Орудия наши даже зимой никто не перекрашивал, например в белый цвет. Перед орудиями занимали оборону мои разведчики с пулеметами, на «местную» пехоту мы, к сожалению, не особо надеялись. В запасе на каждой батарее были противопехотные и противотанковые мины. Если перед нами не было пехотных позиций, то эти мины разведчики за ночь выставляли перед каждым орудием. Если надо было сменить позицию – пушки перекатывали на руках, на поле боя «студер» не загонишь.

Ружья ПТР применяли только в бригадах ИПТАБР, там у них была отдельная рота противотанковых ружей. Готовились к бою тщательно. На карту, без преувеличения, ставили наши жизни. Можно образно сравнивать ИПТАПы с гладиаторами, но когда на тебя движутся, изрытая смерть, бронированные коробки немецких танков, тут не до ассоциаций с Древним Римом.

Несколько раз было, что выбранная ночью, в темноте, позиция оказывалась неудачной, но времени сменить ее уже не было, и приходилось вести бой, не меняя расположения орудий. Цель для поражения выбирает командир батареи, он же дает приказ на открытие огня. Если комбата убивало, то командир взвода или орудия самостоятельно вели бой. Задачи у ИПТАПов были разные.

Дивизионные орудия ЗИС-3 ведут огонь с закрытой позиции.

Конечно, наше основное предназначение было – борьба с танками. Но часто нас использовали для поддержки огнем наших наступающих войск или ставили для уплотнения обороны рядом с полковой артиллерией. Увольте меня от обсуждения вопроса об эффективности пушек в борьбе с пехотой или танками, я не хочу рассуждать, что лучше, ЗИС-2 или ЗИС-3, и о мощности различных артсистем. Оставим эти нюансы специалистам-оружейникам. Я практик, и теоретические выкладки – не мой профиль. Кстати, на фронте мы на эту тему старались не говорить. Что дали, с тем и воюешь.

По поводу немецких танков. До сорок четвертого года в основном мы воевали против танков Т-3 и Т-4. Впереди шел тяжелый танк, а за ним «клином» – средние и легкие танки. А дальше, в сорок четвертом – стало гораздо сложнее. Я участвовал в нескольких боях, где немцы массированно применяли «тигры» и «пантеры», неприятное, скажу вам, «удовольствие». Немцы были умные и толковые вояки, они по нашему подобию, в лоб танковые бригады на гибель не бросали. Хотя у них разделения на бригады не было, они батальонами воевали. Обычно немцы пускали вперед средние танки, стрелявшие с ходу, без остановок, а сзади стояли или «тигры», или самоходки. Ждали, когда мы начнем пальбу и раскроем свои огневые. А дальше дело техники. На расстоянии километра мы тяжелому танку фактически вреда причинить не можем, а самоходки или тяжелые танки нас просто спокойненько так расстреливали. Такой кошмар, как САУ «фердинанд» или «мардер», еще надо умудриться как-то пережить. Смотришь в бинокль, как «тигр» тебя стволом «крестить» начинает, и душа куда-то проваливается. Немецкие танкисты были великолепно подготовлены. Особенно в плане огневой подготовки. Поэтому предварительный расчет в ИПТАПах

шел один к одному, каждое наше орудие перед гибелью должно было подбить один немецкий танк. Все последующее зависело от везения, провидения, удачи и степени подготовки артиллерийского расчета. Ну и, конечно, очень важно количество немецких танков, атакующих батарею. Один раз батарея выдержала бой с тридцатью (!) немецкими танками. Мы там многих потеряли, но немцы не прошли! Другой случай. Пошли на нас всего четыре немецких танка, началась дуэль. Прозевали, как с тыла, по оврагам, к нам в спину зашел огнеметный танк. Я до сих пор не пойму, почему немец тянул с огнеметным залпом, он был уже в пятидесяти метрах от нас. На счастье, этот танк застрял в глубокой воронке, как бы завалился набок, и два моих разведчика подорвали его гранатами, удостоившись за это орденов Славы.

Пехоту в танковых атаках немцы использовали редко, это только в кино густые немецкие цепи идут за танками, поливая «от пуза» все впереди из автоматов. Что ты из автомата за триста метров убьешь? Пехота немецкая лежала на земле и ждала, когда танки прорвутся на позиции батареи, а уж потом, бегом продвигалась дальше. Бронетранспортеры часто поддерживали танки. Один раз у меня расчет орудия выбыл из строя, так я встал к пушке и сжег три БТР. А вот классический пехотный десант на танках, это чисто красноармейское изобретение. Пехоту немецкую на броне во время атаки я крайне редко видел. Это почти стопроцентная гибель. Мой младший брат Аркадий воевал командиром танкодесантной роты, несколько раз ранен и успел заслужить два ордена, пока его не комиссовали по инвалидности, после очередного тяжелого ранения. Так он мне после войны рассказывал, какие потери несли танкодесантные роты. Это трудно передать, хуже любой штрафной роты. А немцы берегли и людей, и технику, это факт, и ничего тут не поделать. Это только у нас «кровь людская – водица».

В бою трудно предугадать, куда пойдет танк, многое зависит еще от мастерства механика-водителя, тем более мы не знали всех складок местности перед нами. Самый удобный момент поймать немца в прицел, когда он остановился для проведения серии выстрелов с короткой остановки. Главное, подпустить танки поближе, как мы говорили, на расстояние «пистолетного выстрела», тогда есть шанс выжить. А «тигры» надо бить сразу из нескольких орудий с расстояния 100-150 метров. Последний бой против атакующих немецких танков был в начале марта 1945 года. Они нарвались на три полка ИПТАП, собранных вместе, так что им не повезло, а мы вышли из этого боя с малыми потерями. К апрелю сорок пятого нас перебросили в Чехословакию. Там

немцы закапывали «тигры» в землю. С двумя такими огневыми точками моя батарея столкнулась в горах. Пехоту из дивизии ВДВ «власовцы» прижали к отвесным скалам и орали им: «Десантники-комсомольцы, ваш последний прыжок!» Мы появились вовремя, развернули орудия и выручили пехоту. Вместе с пехотинцами пошли дальше, перемещая орудия «на руках» с их помощью, и нарвались на эти «тигры» – ДОТы, вкопанные в землю на высоте. Нас от верной гибели спас авианаводчик, приданный полку и находившийся в этот момент с моей батареей. Он вызвал штурмовики ИЛ-2, и они расчистили нам дорогу. А иначе я бы с вами сейчас не разговаривал…

Ну а всего в 640-м ИПТАПе моя батарея с мая 1944 года до марта 1945 года уничтожила 15 немецких танков и самоходок. Это неплохой показатель.

– Потери в ИПТАПах были весьма большими. Насколько велики были шансы выжить у артиллеристов ПТА?

– Наши потери были самыми большими среди артиллеристов. В пехоте погибало людей гораздо больше. Мой товарищ служил в дивизии, в которой после Керченского десанта в полках, не считая штабов, оставалось 37 человек. В нашем ИПТАПе было четыре раза такое положение, что все оставшиеся пушки сводили в одну батарею, продолжая выполнять задачу до последнего человека и орудия. От Тарнополя до Эльбы в батарее осталось всего несколько «ветеранов», помню их пофамильно: старшина Лисица, сержанты и рядовые – Иванов, Ткачук, Искандеров, Борисов, Авдеев, Нестеренко, Лебедев, Зиберов. Помню своих командиров огневых взводов Репина и Уланова, но они пришли на батарею уже после перехода польско-германской границы. Но вообще выжить в истребительно-противотанковом полку после трех боев с танками считалось редчайшим явлением. Мы это понимали и старались отдать свои жизни подороже и успеть уничтожить немецкие танки.

– Были ли какие-то особые приметы и суеверия на фронте у «иптаповцев»?

– Особых примет я уже не помню. Как и в пехоте, считалось, что нельзя брать у своих погибших никаких предметов. Даже когда сапоги с убитого кто снял, считалось, что его судьбу на себя примерил. Классическое суеверие – 13-е число.

А вот насчет предчувствий… Если человек вдруг «в себе» замкнулся, ходит хмурый, ни с кем не разговаривает – верный признак, что его скоро убьют. Или наоборот, вдруг кто-то начинает смеяться без повода – тоже «звоночек»! Многие чувствовали приближение смерти. От судьбы не уйдешь… Тем более в ИПТАПе.

– Какое было отношение к пленным и к немецкому населению?

– Вопрос про пленных сложный. Танкистов немецких живыми не брали. На траки гусениц немецкого танка посмотришь, а там мясо твоих товарищей, все кровью русской залито… Стреляли танкистов сразу, когда они покидали горящие машины, не давая убежать к своим или поднять руки и сдаться в плен. Немцы, кстати, поступали аналогично. А пленных пехотинцев никто у нас не трогал. Их жизнь была в руках нашей пехоты, а там как сложится.

Насчет местного населения. Я не помню, чтобы кто-то из солдат моей батареи ограбил гражданского или изнасиловал немку. Народ у меня был сознательный.

А вот идеализировать и «лить слезки» по поводу гражданских «бедненьких» немцев я считаю лишним. Простой пример. В мае 1945 года мы были недалеко от Праги. Рядом с нами расположилась гаубично-артиллерийская бригада РГК. Если я точно запомнил – 98-я бригада. Разговорился с евреем-лейтенантом из этой бригады, и он поведал, что три недели тому назад погиб в полном составе 3-й дивизион этой бригады. Большая группа отступавших немцев внезапно из леса вышла на позиции дивизиона, наши даже не успели занять оборону. С немцами шла толпа гражданских лиц, среди которых было много вооруженных подростков и женщин. И они безжалостно добивали и расстреливали наших раненых солдат из винтовок и дамских браунингов. Выжила одна телефонистка, получившая десять(!) пулевых ранений, и разведчик дивизиона, успевший залезть на дерево и видевший оттуда всю эту страшную и кошмарную картину. Я думаю, добавить тут нечего.

– Я знаю достоверно, что вас представляли к званию Героя Советского Союза за бои на Сандомирском плацдарме. Это документально отражено в письме Черняка. Может, причина того, что вы не получили Героя, – ваша национальность? Вообще, были ли какие-то конфликты на национальной почве?

– За Сандомир я получил орден Александра Невского и претензий за неполученное звание Героя ни к кому не имею. Тогда многим представленным к высшему отличию заменили «Звезду» на ордена. По поводу антисемитизма в армии – я с ним, к моему большому везению, не столкнулся. В нашей группе из 30 человек, вчерашних десятиклассников, ушедших в июне сорок первого в армию, было 12 евреев, выжил из них, наверное, только я один. Из русских ребят в той группе выжили только Женя Мухин и Вася Алексеев, воевавшие на гаубицах. Может, еще кто-

то уцелел, но просто не вернулся в Смоленск после войны и не подал весточки… В батарее «сорокапяток», кроме меня, был еще еврей, командир орудия, его тяжело ранило в октябре сорок второго. В полку ИПТАП в какой-то период тремя батареями из пяти командовали евреи. Одного вскоре убило, а другой – Гриша, был ранен в ноги и выбыл из полка. Вот, храню как память его фотографию, присланную из госпиталя. Не помню я конфликтов на национальной почве и у себя в батарее. Мой ординарец был дагестанец, а самый смелый разведчик, один из трех моих солдат, имевших по два ордена Славы, был башкир Галиман Искандеров. Два наводчика были казахи. Но, конечно же, большинство солдат были славяне. И никто не оскорблял другого по национальному признаку. Мы воевали, а не копались в анкетах и предубеждениях.

– Расскажите, какой бой был для вас самым тяжелым?

– Бой на Сандомирском плацдарме. Моя батарея переправилась первой вместе с пехотой через Вислу, в районе деревни Пюрку-Горн. Переправа прошла для нас удачно, батарея потеряла ранеными только трех солдат. Окопались и сразу были атакованы немецкой пехотой. Отбили атаку и прошли еще на пару километров вперед, расширяя плацдарм. Через некоторое время послышался гул моторов. Из леска, на горе, осторожно выползли два танка. Они шли, медленно переваливаясь на неровностях местности. Даю приказ: «Не стрелять!». Я сразу понял, что это разведка. Покрутившись некоторое время на приличном расстоянии от замаскированной батареи, эти бронированные «ящики» удалились. Спустя непродолжительное время появился «тигр» и, зная о своей неуязвимости, пошел прямо на батарею. И как только он подставил борт отдельно стоящему на фланге орудию, мы скинули маскировку с пушек, открыли огонь, и «тигр» был подбит. Сразу из леса выскочил другой танк, и, набирая скорость, ворвался на позицию флангового орудия и стал кружиться на месте, перетирая своими гусеницами все: пушку, людей, ящики со снарядами. В тот же момент в лесу, на горе, взревели моторы, немцы готовились к атаке. Интуиция меня не подвела. На батарею шло тридцать танков. Я понимал, что с тремя оставшимися орудиями мне не устоять, и этот бой – мой последний. В лучшем случае сможем подбить несколько танков, прежде чем нас сметут огнем и мы ляжем под гусеницами этого железного вала. Немецкий огонь становился плотнее, кабельная связь была разорвана осколками во многих местах. И как всегда, по какому-то подлому, но постоянному стечению обстоятельств осколки первых же немецких снарядов разбили рацию. Нужна была помощь, и причем немедленная. Немецкие танки

остановились в 700-х метрах и что-то выжидали. У меня появился какой-то шанс. Посылаю на берег разведчика с письменным донесением, даже не зная, успеет ли он добраться до штаба полка вовремя. Главное, чтобы по дороге его не убило. Расчеты замерли у орудий, застыли в готовности открыть огонь. Восемь танков, во главе с «тигром», пошли на батарею. Подпустили их на триста метров и открыли огонь. На долю секунды «тигр» опередил нас, и прямым попаданием был выбит расчет первого орудия. Находившийся на батарее капитан Рувим Долин кинулся к орудию, которое осталось без расчета, и один открыл огонь по приближающемуся танку. Его он подбил. Но, стреляя по второму танку, он промахнулся, и тут же был накрыт ответным выстрелом. Его подвиг не облегчил положения батареи. Пехота наша покинула окопы, «слиняла», одним словом. Огнем танков батарея была разгромлена. На мой окоп, где я находился со связистом, наехал немецкий танк и «проутюжил», засыпав нас землей. Нас, к счастью, быстро откопали батарейцы. Послышался гул самолетов, прилетели наши штурмовики. Самолеты заходили «в спину» к немецким танкам и бомбили их и наши позиции заодно. Атака немцев была сорвана. Так батарея была спасена от полного уничтожения. Мы потеряли убитыми 12 человек, и у нас было 11 раненых, разбито три орудия. Батарея уничтожила пять немецких танков. Как потом выяснилось, посланный мною разведчик добрался до цели, и командир полка запросил у вышестоящего начальства поддержку авиации. Еще сутки мы держались на этих позициях. К нам прибилось человек двадцать пять пехотинцев, остатки разбитого батальона, занимавшего оборону в двух километрах южнее нас.

Похоронили на месте боя своих товарищей. Двое из них, Паничев и Ендрихин, были моими хорошими друзьями… Надо было отходить к своим. Послал разведку, и они, вернувшись, доложили – обнаружены четыре орудия, два из которых разбиты. Расчетов нет, но имеются снаряды. «Студеров» не было, пришлось орудия тащить на себе. Раненых тоже. Едва вышли из деревни, столкнулись с немцами, пытавшимися нас окружить. В бешеном темпе, словно не было усталости, развернули орудия и заняли круговую оборону. Еле отбились…

И когда уже оторвались от немцев, в сумерках нас вновь обстреляли. Крикнул бойцам: «Ложись!», по звуку автоматной стрельбы понял, что бьют свои. Нацепил на какую-то палку кусок бинта и поднял над головой. Сдаемся, мол. Огонь прекратился. К нам вышел офицер с ПД в руках. «Кто такие?» – подозрительно глядя на нас, крикнул он. – «Мы свои, из боя выходим». – «Документы?!» Проверив документы, он добавил: «Мы думали,

что опять немцы прут. Только что две атаки отбили».

По рации, имевшейся у пехоты, связались со своими. К нам выслали машины. Погрузили на них раненых и снаряды, прицепили свое и два подобранных орудия и вскоре прибыли к своим. Черняк, встретив меня, прослезился.

«Я уже тебя похоронил, – сказал он. – В штаб армии доложили, что одна батарея ведет бой в деревне. А когда вы замолчали, мы решили, что все, ваша песенка спета. Приказ на ваш отход мы послали. Но видно, связной не дошел до вас». Вывел я к своим 48 человек.

Рогачев Александр Васильевич

Г. Сибиу. 18.9.44 г. Рогачев Александр (слева) и Пантелеев Иван

Родился я в семье рабочего 21 марта 1923 года в городе Ефремове, бывшей Московской, а с 1938 года Тульской области. Кроме меня в семье был старший брат Владимир, 20-го года рождения, и младший брат, 25-го года рождения. Оба прошли войну. Старший брат техником в бомбардировочном полку, а младший разведчиком. Матери завидовали: три сына и муж ушли на войну, и все с войны вернулись. Но братья мои рано умерли. Так что я доживаю последние дни, за всех своих родных.

Вечером 21 июня у нас в школе № 1, в которой я учился, был выпускной вечер, на котором мне должны были вручить аттестат о ее окончании. Я руководил струнным кружком, играл на мандолине, балалайке, гитаре. Мой небольшой оркестрик из восьми человек хорошо выступил на этом вечере. Настроение-то у нас было веселое, а у преподавателей и некоторых приглашенных родителей не особенно радостным. Многие из тех, кто присутствовал на этом вечере, чувствовали себя скованно. Преподаватели стояли скучные, задумчивые. Видимо, они чувствовали, что надвигается война. Об этом же писал в письмах старший брат Владимир, который со 2-го курса Московского гидрометеорологического института был в 1939 году призван в армию. Окончив курсы, он служил авиамехаником в истребительном полку, стоявшем у самой границы возле Бреста.

Некоторые предложения в его письмах были вымараны цензурой, но я помню, что в первых числах июня пришло письмо, где было написано: «Мама и папа, не надейтесь на скорую встречу. Приближается война, в которой нам придется участвовать». Родители, особенно мать, конечно, переживали.

В одиннадцать часов вечера я уже был дома и лег спать. А утром 22 июня нам объявили, что началась война. Числа 24-го мы с ребятами пошли в военкомат. Там столпотворение! Народу! Призывали старшие возраста. Женщины провожали. Гармошки играют, песни, плач. Мы кое-как к дежурному пробились, он говорит: «Ребята, вы не лезьте, не мешайте работать, ждите своей очереди. Сейчас пока призываются старшие возраста». Мы вернулись ни с чем, но вскоре вступили в истребительный батальон, помогали поддерживать порядок в городе. В конце июля я уже получил официальную повестку.

Когда я проходил предварительную комиссию в феврале 1941 года, я был зачислен во флот. Я этим очень гордился! Я так хотел стать моряком! Хорошо плавал, на реке же вырос, катался на коньках, на лыжах, спортом занимался, а когда повестку получил и пришел в военкомат, то мне говорят: «Нет, дорогой, пока флот подождет. Нужно пехоту пополнять». Ну, хорошо. Сформировали в первых числах августа отряд призывников, который возглавил лейтенант-орденоносец, раненный на Финской войне. Он нас должен был доставить в запасной стрелковый полк, где мы должны были пройти обучение и потом уже влиться в состав действующей армии. Маршрут и расположение этого полка знал только он. И вот мы из Ефремова примерно в середине августа тронулись пешим порядком. Прошли мы через Тульскую, Московскую, Рязанскую области, короче говоря, этот запасной стрелковый полк находился в г. Йошкар-Ола Марийской АССР. Мы пешком прошли все это расстояние! Шли по 25-30 километров в сутки. Ночевали в селах и деревнях. Иногда нам выдавали продпайки, а большей частью нас жители подкармливали. Отряд рос по мере того, как в него вливались призывники 22-го и 23-го годов рождения. И что характерно, несмотря на все трудности и сложности этого тяжелого перехода, никто из отряда не убежал. Все дошли до конечной точки маршрута!

Расположились мы за городом в цехах керамического завода. Началась наша учеба. Конечно, питание было скудным, условия были спартанскими – там были цеха для обжига кирпича, в которых мы построили двухэтажные деревянные нары. Одеты и обуты мы были в свое, гражданское. Но учили неплохо. Проходили тактику, теорию стрельбы, были и стрельбы на полигоне. Готовил нас младший лейтенант, командир роты,

фронтовик. Говорил: «Основная-то учеба на фронте будет, здесь подготовительная». Помню, он все командовал: «Давай, ребята, веселей, молодежь!» А настроение у нас было неважное: города сдают, армия отступает. Мы между собой так говорили: «Ну что это старики плохо воюют, не могут немца сдержать?! Вот мы пойдем, мы им покажем!»

В первых числах ноября наша подготовка закончилась. В середине ноября нам выдали добротное обмундирование – байковое нижнее белье, телогрейку, шинель, маскхалат, подшлемник, валенки. Каски не было. В городе Йошкар-Ола сформировали нашу 47-ю отдельную стрелковую бригаду, погрузили в эшелоны. Нам объявили, что бригада вливается в состав 1-й ударной армии и будет защищать Москву. Числа 15-го, что ли, эшелон прибыл на станцию Лихоборы. Пешим порядком пошли по Дмитровскому шоссе в направлении Яхрома – Дмитров. Шли тяжело, ночевали в лесах под елками, костров не разводили. Прошли 5 километров, потом привал 10 минут, падали и сразу засыпали. Команда «Подъем!» – еле-еле поднимались. Зимнее обмундирование тяжелое, да к нему еще вещмешок и оружие. Я был первым номером расчета ручного пулемета ДП. Так что я нес сам пулемет, а второй номер тащил две коробки с четыремя дисками. Выносливые ребята были, молодые… По 40 километров в день шли. На ногах кровавые мозоли. Они лопались, засыхали, потом эти портянки отдираешь… Так и шли.

Расположились по каналу Москва – Волга, заняли там оборону. Потом началось контрнаступление, и мы пошли освобождать села. Названия я их сейчас не помню, конечно. Из городов запомнились Солнечногорск, Клин, Шаховская. За Клин были очень тяжелые бои. Помню, мы вошли в дом-музей Чайковского. Фашисты все перевернули в нем вверх дном. Мы собирали ноты…

Бои в Подмосковье тяжелые. Снег глубокий, мороз. Наступаем на село – оно, как правило, на возвышенности – после слабенькой артиллерийской подготовки. Командир взвода командует: «Справа по одному перебежками, марш!» Какие перебежки?! Снег! Идем. Пули свистят. Пройдешь метров шесть, падаешь, выбираешь себе такое более-менее удобное укрытие, ведешь огонь. Ждешь, когда остальные подтянутся. Подтягиваются, а до немца еще метров пятьсот. Пока метров двести пройдем, во взводе народу-то осталось 15-20 человек. Неудачная атака. Что делать? Командир решает отойти назад. Под огнем отходим. Когда смотришь на эти потери, а там свободного места от трупов на поле не было, они как снопы лежат, горами, между которыми небольшие промежутки,

думаешь: «Долго ли такая будет идти битва? Почему из-за этой проклятой деревни столько людей положили, а никак не можем взять? Возьмем мы ее или нет?» Сидим, все в пороховой гари, обожженные, смотрим друг на друга и мысль такая: «Пусть убьют, только бы руку, ногу не оторвало. Убило бы и все». Вечером приходят маршевые роты: то пожилые приходят, то молодые. Они все спрашивают: «Как там, ребята?» – «Что спрашивать? Пойдем в атаку, узнаешь, как там». Ему, может, 35-40 лет, а нам-то – 18-19, но они смотрят на нас с почтением. Днем в две-три атаки сходим, и от этого пополнения никого не осталось. Вечером опять приходит маршевая рота, опять взвод пополняют до штатной численности. А мы, костяк взвода, так и воюем. Была такая более или менее стабильная группа из примерно десяти человек, из нее, может, один-два человека в день выбывало, а остальные каждый день менялись. Я потом расскажу про свой последний бой, в котором меня ранило. В этом же бою в ногу ранило замкомвзвода старшего сержанта Медведченко. Меня скатили, и санитар сказал: «Вот последние ветераны взвода – замкомвзвода Медведченко и пулеметчик Рогачев». Как кормили? Хорошо, но только к нам пища очень редко на передовую поступала. То мы оторвемся, то лежим под огнем, и пробраться к нам невозможно. Пока бойцы с кухни с термосом доползут, пока мы выйдем из атаки… Где-то какая-то передышка, и в этот момент, может, в день один раз, а то и ни одного… А так сухой паек – сухари, сахар. И вдруг приползает: «Бойцы, на обед». В термосе горох с мясом – ложку не воткнешь – замерзло. Что, будешь костер разводить, разогревать? Едим холодный. На Северо-Западном фронте три сухаря и пять кусочков сахара на день – все! Саперной лопатой павших лошадей рубили. Разведем маленький костерок, конину распарим – она как резина – ничего, жуем. Но знаешь, особого аппетита не было, и голода не чувствовали, потому что все время в напряжении, вымотанный и физически, и морально. О еде мысли возникают, только когда из боя выйдешь, да и то они забиваются ощущением разбитости, опустошенности. Настолько тяжело дается переживание, ощущение смертельной опасности. Правда, со временем чувство страха притупляется, оно как бы тебя опустошает, и остается одна ненависть. Хочется ворваться, убить, освободить, и вроде потом будет какая-то разрядка. А тут бьемся, бьемся, и все никак… Хотя мысль о бесполезности этих потерь она как-то в голову не приходила. Вот в 44-м году, когда стали вспоминать 41-й: «Господи, да как же мы воевали?! Зачем же мы несли такие потери?! Как же мы были неопытны!» А когда провели результативную атаку, тут как-то легко. Вроде не напрасно товарищи погибли, вот мы им показали. Вон они лежат

убитые. А то берем деревню – бьем-бьем. Возьмем ее, а убитых немцев вроде и нет. Ну, может, лежат 30-40 убитыми, а у нас человек 700. У наших бойцов и командиров такой вопрос: «Что же это такое? Мы потери несем, а немцы вроде нет». Говорили, что они убитых забирали и хоронили… Они очень умело воевали. У них армия была квалифицированная, с опытом боев, закалкой. Немцы умело ориентировались, выбирали позиции. Ну и ручной пулемет МГ-34 – это страшное, незаменимое оружие. У нас рота наступает, а у них отделение с одним пулеметом ее сдерживает. Огонь – сплошной, ливень. Несем потери, вперед-вперед, но пока их не уничтожим – не продвинемся. У них в случае чего машины наготове. Они гарнизон на машину сажают и в следующую деревню за 3-10 километров. Она опять укреплена. Немцы зимой в открытом поле не воевали, у них там блиндажи, окопчики, а мы поспим в лесу и опять в атаку по голому полю, по снегу. Вот так от деревни до деревни, все время своими ножками….

Да… МГ-34 очень метко бил, скорострельный. Расчет у него два человека. Обычно очень умело выбирали огневые, хорошо маскировались. Если я веду огонь, и они засекли – тут же меняй позицию, долго на одном месте не лежи. А мы же молодые, неопытные! Идет противник в атаку. Для того, чтобы прицелиться и поразить его, нужно 4-5 секунд. Пока ты прицелился, затаил дыхание, за это время он прошел какое-то расстояние. Поэтому, если противник идет на тебя, надо целиться в ноги, тогда в грудь попадешь. Если он от тебя бежит, то наоборот. А поначалу целишься в голову, а за 5 секунд он прошел, и пуля выше пролетела. Это азбука стрельбы. А в атаке идешь вперед, через 5-6 секунд нужно падать, когда упал, нужно откатиться вправо, влево на два, три оборота. И спрятаться за убитым или кочкой какой-нибудь. Когда встал снова в атаку, немец-то целится в то место, куда ты в первый раз упал, а ты сдвинулся на 1,5-2 метра. Он пока винтовку перевел, 5-6 секунд у тебя опять есть. А мы не знали, молодежь. Если сразу не убили, то потом, конечно, и подскажут тебе, да и сам поймешь, что да как. Опытным быстро становишься.

Что я могу сказать про Дегтярев? Хороший пулемет. Он без диска весил 8,500-8,700 грамм. Диск на 49 патронов тоже килограмма два весит. Когда диск отщелкал, второй номер должен тебе новый подать. У него длинная веревка, а на ней две коробки с двумя дисками. Перебежку сделал, залег и тянет к себе коробки за шнур. Пулемет был надежный, не замерзал, но мы его густо и не смазывали, а то придет пополнение, а затвор винтовки открыть не могут – густая смазка замерзла. Но вообще «мосинка» надежная была. А СВТ не любили – их постоянно заедало. Уход за

пулеметом заключался в удалении гари щелочью после каждого боя и смазке. Если морозы были, то смазывали жидким маслом, если нет, то обычным оружейным. Полной разборки не делали – не было необходимости. Так что в основном проверка пружин дисков, чистка и смазка ствола, затвора.

– В атаке где находится пулеметчик?

– Это решает командир взвода. Он может приказать расположиться по центру или на фланге. Когда перебегаем, то тут я уже держусь установленных ориентиров. Мы, молодые, всегда бежали вперед. Прикажут: «Перебежками, справа, вперед!» Пули свистят, выбивают снежную пыль. Пожилые лежат – на смерть не каждый встанет. Понятно, у них дома семья, дети остались, они прежде чем голову высунуть, подумают – а вдруг убьют? У нас этих мыслей не было. У молодежи была глупая уверенность, что меня не убьют. Убьют, может, соседа, а меня нет. Я Кольке, моему второму номеру: «Колька, долго будем лежать?!» Молодежь с 22-го – 23-го года первая вскакивала и вперед. Убежим вперед, а еще стрелки лежат сзади. А немцы, они как? По передним бьют не так интенсивно – этих они всегда успеют. Им надо задних отсечь. Мы лежим, ждем, когда стрелки подбегут. А их там помкомвзвода ходит, прикладом дубасит: «Что лежишь?! Вперед!»

– Когда бежали в атаку, полы шинели под ремень затыкали?

– Нет. Одевали ватные брюки, телогрейку, короткую шинель и маскхалат. Каски не брали, ни к чему, тяжелая, да и через капюшон маскхалата, каску, шапку и подшлемник команды подчас не слышно. Так что каску и подшлемник не брали, только когда сильные морозы, тогда подшлемник одевали. Противогазы мы сразу сдавали начхиму, но сумку оставляли. В ней были полотенце, бритва, бинты. Чтобы в случае ранения можно было оказать первую помощь. Офицеры варежки пристегивали к рукавам такими маленькими алюминиевыми долечками, к которым крепилась цепочка. А мы к рукавицам веревку и через шею – их не потеряешь.

– Кроме пулемета другое оружие у вас было?

– Нет. Пистолет мне не полагался. У второго номера был карабин. У него и у меня по противотанковой гранате и по две ручные гранаты. Противотанковые я ни разу не бросал, а ручные приходилось. На Северо-Западном фронте, когда наступали, артиллерии мало, наши применяли ампулометы. Ночью красиво – такие огненные шары летают. Их использовали перед ночными атаками, чтобы поджечь строение и создать ориентир.

Числа 20 января мы были выведены в лес под городом Клин. Наша 1-я Ударная армия перебрасывалась на Северо-Западный

фронт. В конце января 1942 года мы на машинах проехали примерно километров 200 по Ленинградскому шоссе, а потом пешком ночами шли к фронту. Наша армия должна была содействовать окружению Демьянской группировки немцев. Бои шли днем и ночью. Танков, артиллерии, авиации было мало. Немецкая авиация господствовала. Нас в основном сопровождали 45-миллиметровые орудия. Мы говорили: «Что же вы огонь не ведете?» – «А у нас три снаряда на пушку в день». Когда мы шли в атаку, они – пу-пу и все. Сильного огневого прикрытия не было. Небольшой минометный или артиллерийский налет, а потом шли в атаку. Все время перемещались лесными дорогами. Трактор тянул треугольник из бревен, прочищал дорогу. По обочинам образовывались снежные валы, высотой метра полтора. Мы шли по этой дороге, обстреливали нас, конечно. Пули свистели. Сосредотачивались у населенного пункта. Брали. Потом двигались дальше. Все время лесами. По хорошим дорогам мы вообще не шли. С конца января по конец февраля мы дошли до Рамушева и отрезали Демьянскую группировку. После этого нас перебросили под Старую Руссу и приказали взять ее к 23 февраля, ко дню Красной Армии. И мы с 23 по 27 февраля пытались ее взять… По три-четыре атаки днем, а ночью опять атаки. Потери были очень большие. Я таких кровопролитных боев, как на Северо-Западном фронте, потом очень мало встречал.

– Зимой 41-го года вши были?

– В боях под Москвой мы не мылись полтора месяца. Только в середине января нас отвели, поставили какую-то палатку. Старшина лично раздал литр горячей воды и два литра холодной. Ну, это только лицо помыть. Правда, белье сменили. Под Старой Руссой 2 февраля вступили в бой, а 27 февраля меня ранило. Все это время никакой бани, ничего. Так что вшей было столько, что можно было экспортировать. Всю Европу бы завалили. После боя такой зуд – ужас! Руку запустишь, пригоршню вытащишь и кому-нибудь: «Махнемся?!» В костер бросишь, они трещат…

А вот уже в 1943-м, когда я попал на фронт после ранения командиром взвода, а потом батареи «сорокапяток», нас раз в десять дней отводили в тыл или полком, или побатарейно. Там мы мылись, меняли белье. Ни летом, ни зимой вшей не было – забыли мы о них до Корсунь-Шевченковской операции. Там тылы отстали и опять завелись насекомые. Ну мы как делали? Село занимали. Старшина привозил чистое белье. Мы старое снимали, в кучу, и поджигали. Украинки причитают: «Господи, не бросайте, не жгите, отдайте нам. Мы выстираем, побьем этих вшей». Верхнюю одежду прожаривали в бочках с водой.

– Водку давали?

– Водку я на войне не пил, хотя давали по 100 грамм перед боем, если старшина успевал ее подвезти. Пожилые ее пили, а я свою менял на сахар. Опытные фронтовики говорили, что пить перед боем нельзя – если ранит, то замерзнешь. Вот выйдешь из боя – выпей. Но пока ты выйдешь из боя, старшина тебе уже выпить не оставит. Он там свои дела делал. Как он там раскладывал, я не знаю, но видел, что в роте может тридцать человек, а заявка подавалась на восемьдесят.

А уже в 44-45-м году зачем нам водка? Вина было много. Есть захочешь, выпил стакан вина и вроде голода не чувствуешь. У ординарцев всегда было вино во фляжках. Но вусмерть никто не напивался.

– Какое было отношение к пленным в этих боях?

– Приказ был строгий, ни в коем случае не издеваться, не бить. Когда они безоружные, смелых сразу много появляется… С ненавистью на них смотрели. И они на нас также. У них в основном под Москвой молодые мальчишки были и чуть постарше. Это потом уже пожилые у них пошли. Особенно в 44-45-х годах.

* * *

Так вот, 27 февраля я был тяжело ранен в ночной атаке. Днем сходили в атаку – неудачно. Вторая атака – опять большие потери, назад вернулись. Отбили немецкую атаку. Еще в две атаки сходили. Все безрезультатно. В эти атаки ходил, ни о чем не думал, а часов в 12 ночи нас опять подняли, и чувствую – неохота. Я не думал о смерти, но нехорошо мне было, почувствовал – что-то со мной случится… Непосредственно перед броском в первую траншею я вел огонь из пулемета, и стали мины бросать. Две мины взорвались. Я понял, что меня засекли, и в тот момент, когда я пытался переменить позицию, раздался взрыв. Я только пламя увидел и получил такой сильный удар в бок, как будто сзади меня ударили прикладом или дубиной. Я потерял сознание. Очнулся, смотрю на небе звезды… и тихо так… отдельная стрельба идет. Я лежу в непосредственной близости от немецкой позиции. Мы пошли в атаку в 12 часов ночи, около 3 часов какой-то легкораненый наш боец полз. Я тихо позвал его. Он подполз. Говорит: «Братишка, живой?» – «Живой. Помоги, друг». Из моей противогазной сумки он достал полотенце, сверху маскхалата меня перевязал. Крови я потерял много – осколок

мины, как потом выяснилось, сломав три ребра, застрял в нижней доле легкого. Он говорит: «Обнимай меня». Я за шею его обнял, и мы поползли. Сколько-то мы проползли. А на этом поле столько убитых было, что трудно было ползти. Я говорю: «Слушай, что мы мучаемся, ползем. Подними меня на ноги». – «Так убьют». – «Ничего не убьют. Мы встанем и пойдем». Он поднял меня. Из-за страшной боли я не мог выпрямиться. И мы пошли. А он был пожилой, какой-то пугливый. Чуть стрельнут – он сразу ложится. Я говорю: «Не падай, мы не встанем. Пули, которые свистят, они уже мимо пролетели». Метров пятьсот прошли до реки Ловать. Не помню, как скатились с крутого берега – сознание вырубалось. На берегу подошел санинструктор, сделал укол, посмотрел: «О-о-о, с 1-го батальона, 1-я рота – Рогачев, последний ветеран. Совсем мало народа осталось…» Меня на волокушу положили, и немецкая овчарка повезла меня через заснеженное поле в Нижнее Рамушево. Там погрузили на машину и в армейский госпиталь. В госпитале попытались вытащить осколок, но не смогли и отправили во фронтовой госпиталь. До него сначала ехали лесами по лежневке на бортовой машине ЗИС-5. Нас, раненых, погрузили, накрыли теплыми одеялами, к ногам химические грелки положили и повезли. Трясло нас на ухабах ужасно. Каждая кочка в боку отдавалась страшной болью, а ехали километров 50-60 до станции Акулово. Ребята стонут, кричат… Привезли на станцию ночью. Положили рядком возле железнодорожной насыпи на носилках. Когда в армейском госпитале мне операцию делали, все обмундирование срезали, а перед отправкой одели в какую-то гимнастерку. Ходит капитан с фонариком, определяет, кого куда. В этом поезде было два кригеровских вагона (пассажирские вагоны с подвесными сетчатыми койками) для командиров, а четыре теплушки для рядового и сержантского состава. Когда она ко мне подошла, а у меня сознание было в тумане, спросила – я ничего не понимаю и не слышу. Она фонариком посветила, а гимнастерка, которая на мне была одета, с черным квадратиком от кубаря в петлице. Видно, она была с какого-то младшего лейтенанта. Она говорит: «Его в кригеровский». И меня как командира положили в пассажирский на вторую койку.

Отъехали мы от станции под утро, а через час-полтора налетели «мессершмитты». Повредили паровоз, убили или ранили машиниста и разбомбили два последних вагона, в которых были раненые, медсестры и врачи. Большие были потери. Потом стояли, ждали, пока за нами не пришел паровоз.

Привезли меня в Ярославль. Я там лежал месяц. Врачи пытались опять сделать операцию, но ничего у них не получалось

– все время шло нагноение, кровь. Я постепенно терял силы, и они, видать, чтобы на себя грех не брать, отправили меня подальше в тыл, в Новосибирск. Положили меня в городскую больницу на Красном проспекте, дом номер 3, что напротив обкома партии. В этом госпитале я пролежал до 15 августа 1942 года. Поначалу я лежал в общей палате, в которой было примерно десять человек, а потом, когда я стал доходить и перестал есть, меня перевели в отдельную маленькую комнатку помирать. В этот госпиталь приезжали квалифицированные хирурги из госпиталя Бурденко и делали сложные операции. И вот какой-то хирург приехал. Стал делать обход. Говорит: «А здесь кто?» – «Безнадежный». – «Покажите его историю». – «Ну-ка, давай его на операционный стол». Я помню операционный стол, а потом уже очнулся в палате. Врач отрезал нижнюю часть левого легкого, в котором был осколок. Когда пришел в себя, я увидел на столе тарелку с манной кашей. Мне есть захотелось, я взял ложечку и потихоньку стал есть. Няня пришла, посмотрела: «Батюшки, он кашу съел. Значит, жив будет». Побежала к врачу. Через неделю меня перевели в общую палату. Там обрадовались: «А-а-а, Сашка пришел с того света!» И хотя я довольно быстро пошел на поправку, но у меня начался остеомелит, и гной продолжал сочиться из ранки.

Какое было настроение у раненых? Пожилые бойцы мечтали, как бы получить инвалидность и вернуться домой или хотя бы в какую-нибудь хозчасть попасть. Только бы не на передовую. А молодые, артиллеристы, танкисты, пехотинцы – все были настроены вернуться в свои части. Желание было одно – добить врага. Такое чувство было, что надо за все, что нам сделали с 1941 года, воздать им, отомстить, выгнать с нашей территории и закончить войну на территории врага. Ну, конечно, даже если кто и думал, что, может, мы и проиграем, что потери очень большие – вслух этого не говорил. В госпитале, как и в каждом подразделении, были соответствующие службы, которые следили за настроением и могли вызвать, спросить: «Что ты там язык распускаешь?»

Команду выздоравливающих направили в дом отдыха в город Бердск. Мы там набирались сил, я стал уже играть в волейбол, купался в речке, и в конце августа я предстал перед комиссией. Сидят три человека: начальник госпиталя, замполит и еще кто-то. Спрашивают: «Рогачев, как дела?». – «Здоров». – «Куда?» – «На фронт». – «У тебя же рана еще не закрылась. Покажи» Я показал. Ранка покрывалась корочкой, и опять сочился гной из ребер. – «Будем надеяться, что заживет. Может быть, тебя не на передовую? Какое у тебя образование?» – «Среднее. 10 классов». –

«А ты, может быть, загибаешь?» – Многие себе прибавляли, чтобы, может быть, куда-то пристроиться. – «Да нет. У меня сохранилась выписка из диплома». – «Дай посмотреть». Достал ее. Она такая грязная, в желтых кровавых пятнах. Когда я уходил на фронт, этот листок, не знаю зачем, взял с собой. Положил его в боковой карман брюк в пакет вместе с другими документами, так он со мной и прошел всю войну. Не знаю, как он уцелел… Посмотрели: алгебра – отлично, тригонометрия – отлично, литература, русский – отлично. У меня была только одна тройка, остальные 4 и 5. Что-то они между собой переговорили: «Ладно, Рогачев, команда 65». Я вышел в коридор. Другие выздоравливающие выходят. Кому куда: команда 70, команда 71. А я все сижу и жду, когда будет кто-нибудь еще в команду 65. Эти ребята группируются, им выписывают предписания, а я сижу и сижу. Уже народа совсем мало осталось. Я стал беспокоиться, спрашиваю: «Кто еще команда 65?» Никого. Потом выходят и выносят мне предписание в город Томск, на улицу Никитинскую, дом 23. Собрался. Особенно собираться и нечего было: на мне потрепанная фронтовая форма, маленький кисетик, табачок, небольшой вещмешок. Приехал я в Томск рано утром. Решил сначала осмотреть город. Дошел до университета. Полюбовался на реку Томь. Потом пошел по улице Ленина. Город живет обычной жизнью, газировкой торгуют. Вдруг сзади: «Товарищ боец!» – Стоит патруль, офицер и два солдата. – «Вы что здесь делаете? Ваши документы». Посмотрели: «Зачем вы здесь ходите? Улица Никитинская вот там». Делать нечего, надо идти. Нашел улицу, подошел к высокому каменному забору, за которым виднелись пушки, гаубицы 152-миллиметровые, еще старые, 37 года, и красивое белое здание. На плацу солдаты занимаются строевой подготовкой. Я хотел на фронт, а тут, оказывается, опять учеба, строевая подготовка. Мне так не хотелось, а что делать? Помаялся я перед воротами. Дежурный: «Что ходишь, боец?» – «Меня направили», – показал документы. – «Что пугаешься? Заходи». Вот так я попал в 1-е Томское артиллерийское училище. Ускоренный десятимесячный курс командиров взводов 152-, 122-миллиметровых гаубиц. Меня в карантин, а потом началась интенсивная учеба по тринадцать с половиной часов ежедневных напряженных занятий. Но я рвался на фронт. Как-то приехали отбирать в десантники. Я еще в Ефремове ходил в аэроклуб, но не окончил его, а брали только тех, кто окончил и имел прыжки с парашютом. Много народу на отбор пошло, все сказали, что прыгали, но на слово нам не поверили – отобрали только тех, у кого были документы, подтверждавшие, что он прыгал. Было желание пойти на фронт, продолжать сражаться, победить. Но

пришлось учиться – боевая подготовка, теория, практика, стрельбы. 20 апреля на выпускном экзамене я командовал боевой стрельбой – подготовил данные, командовал. Отстрелялся на «отлично». И мне присвоили звание «лейтенант», тем, кто сдал на «хорошо» и «удовлетворительно», – «младший лейтенант». Через пять дней нас откомандировали в распоряжение командующего артиллерией Красной армии в город Коломну Московской области. Дали нам денежное пособие – рублей 700, которые мы буквально за неделю израсходовали, Мы прибыли. Нас опять посадили за высокий забор в бараки на деревянные нары. Питание было плохенькое. Супчик такой… легкий, чтобы ребята не засиживались, а рвались на фронт. Каждый день из частей приезжали представители и вербовали. Нужно в такую-то часть, кто согласен – выходи. Часто приезжали из истребительно-противотанковых полков. Пожилые, офицеры-фронтовики, из попавших в резерв, всячески старались избежать попадания в эти части. Они привыкли с гаубицами в полутора-двух километрах от линии фронта стоять. А попасть в истребительный полк, да не дай бог на «сорокапятки»!.. Хоть и тяжело в тылу сидеть, а они не шли: «Мы не подготовлены». Когда нас, шестерых молодых ребят из Томского училища, допекло такое полуголодное существование, мы решили: «Довольно здесь в резерве сидеть, пойдем, ребята, в истребительный полк». Нас отвезли на машине километров семь от Коломны в Коробчеево. Там формировался 1513-й истребительно-противотанковый артполк. В окрестностях Коломны формировалось несколько истребительных полков, в том числе наш. Исполняющим обязанности командира полка был назначен майор Зыль Василий Константинович, впоследствии Герой Советского Союза. Полк получил материальную часть – 45-миллиметровые орудия образца 42-го года, и мы начали тренировки.

Комбат Рогачев (сидит на орудии слева) и его батарейцы

В марте 1943 года на Урале формировался Уральский добровольческий корпус. По штату каждой танковой бригаде был положен ИПТАП. Однако в Челябинской 62-й танковой бригаде истребительного полка не было. К нам под Коломну приехал командир корпуса генерал-лейтенант Родин Георгий Семенович. Нас подняли по боевой тревоге. Вывели в поле и дают задание – поразить амбразуру на дистанции 800 метров. С третьего снаряда мы ее поразили. Наша батарея отстрелялась отлично и остальные четыре тоже.

По итогам этих стрельб полк влился в состав 30-го Уральского добровольческого танкового корпуса.

Ну немного скажу о «сорокапятке». В полку было пять батарей по четыре орудия в каждой. Тянули их американские «виллисы», к которым цепляли прицеп, а к нему уже орудие. «Виллис» – замечательная машина, подвижная, мощная, низкая. Ее можно прямо на огневую подогнать. Сама пушка очень хорошая. Прицел с четырехкратным увеличением. Бой очень точный, как у винтовки. На 500 метров в амбразуру промахнуться практически невозможно. Если точно навел, снаряд летит, траекторию не меняет. Конечно, в бою многое зависит от наводчика. У него должны быть очень крепкие нервы. Вокруг него разрывы, пули свистят, рядом раненый товарищ падает на станины, а он должен хладнокровно наводить. Командир взвода в бою находится на полтора метра вправо от орудия, командир

орудия – слева.

Иногда «Виллисам» тоже надо было помочь.

Я командую, командир орудия повторяет мои команды: «Левее, ориентир такой-то. Прицел такой-то. Снаряд такой-то. Огонь!» А когда сам стреляешь, свой выстрел слышишь, он глушит, особенно бронебойный. И тебе не страшно – ты больше не слышишь, как стреляют, только видишь, как кто-то падает раненый или убитый. А потом ты так увлечен боем, вносишь поправки, командуешь, опять стреляешь и забываешь про то, что в тебя стреляют. Думаешь только о том, как бы поразить цель. У нас такого не было, чтобы во время боя у орудия находились только наводчик и заряжающий – там все номера нужны, и все работают. Расчет орудия состоял из шести человек. Я уже говорил, что слева от орудия стоит командир расчета. Место первого номера – наводчика – слева от казенной части орудия. Справа стоит замковый, второй номер, за спиной наводчика – третий номер, заряжающий. За ним 4-й и 5-й номера – правильные, стоят бок о бок. В расчете пулемета не было. Личный состав был вооружен автоматами немецкими и нашими. Я сам носил ППШ, ТТ и «вальтер». Оружия всегда было много.

В боекомплекте было десять подкалиберных снарядов, десять картечных и тридцать осколочно-фугасных с бронебойными. Никаких лимитов ни в 43-м, ни позднее мы не знали. Скорость осколочного снаряда – метров 800 в секунду. Его в бинокль хорошо видно, как он летит. У бронебойного – 1200, а у подкалиберного около 1300 метров. Подкалиберный снаряд пробивал 90 мм брони. С танками Т-3 мы расправлялись запросто. Конечно, лобовую броню тяжелых танков снаряд не брал, но у нас и задачи бить его в лоб не было. Стреляли, когда он борт подставит или по гусенице – ее разобьешь, он крутанется

и бей его в борг.

– По танку надо стрелять до тех пор, пока он не загорится, или важно, чтобы он просто прекратил стрелять?

– Важно первое, чтобы ты в него попал. В движущий танк попасть сложно. Если попал, пробил броню, то считай, ты его поразил. Обычно экипаж второго снаряда не ждет – выпрыгивает. Так что важно, чтобы он остановился и не вел огонь. Когда танк остановился – это уже легкая добыча.

Осколочно-фугасный снаряд по пехоте вполне эффективен. Конечно, фугасное действие его маленькое, поэтому чаще ставили на осколочное. Воронка от снаряда крошечная – десять сантиметров, но осколочное поражение очень большое. К тому же стрельба по пехоте идет в бешеном темпе. Он только голову поднял, а тут второй снаряд летит.

Приходилось стрелять на картечь. Я потом этот эпизод расскажу. Тут уже наводчик наводит орудие через ствол в ноги наступающей пехоте. Картечь наступающую цепь выкашивает как косой. Страшный огонь. Как первая цепь легла, вторая отползает. Поэтому давали не так много этих снарядов – 10 штук на орудие.

Когда приезжали на огневую, с «виллиса» сразу сбрасывали боекомплект, отцепляли орудия. Я указывал, куда машину поставить так, чтобы недалеко от огневой и в то же время чтобы они были укрыты складками местности или растительностью. Шофера отгоняли их, оборудовали капониры. Орудия батареи размещались на расстоянии не более 20-30 метров друг от друга. Потому что если их больше разнести, то управлять ими станет невозможно – команды подавались голосом. А иногда, например под Корсунь-Шевченковским, орудие от орудия стояло на расстоянии 5-6 метров.

Расчет «сорокапятки» тренируется в смене позиции.

Приехали, сразу проверяли точку прицеливания. Для этого на срезе ствола имелись четыре риски – вертикальная и горизонтальная. Через эти риски натягивали ниточки, ствол наводили на какую-нибудь крестообразную цель на расстоянии не ближе 500 метров, и потом совмещали с этой целью прицел. Если время было, обязательно смазывали подшипники колес солидолом, а то, если забудешь, его может заклинить. За этим строго следили. А так особого ухода за пушкой не требовалось. Затвор смазывали, но разборку не делали – это сложно. Бывало, что артмастера забирали орудия с изношенными стволами и привозили новые. Все.

Итак, прибыли на огневую. Я как комбат (а с конца июля 43-го года я уже стал комбатом) выбираю позицию для орудий. Это святое дело. От того, как я выберу позицию, зависит жизнь моих подчиненных и их отношение ко мне как к командиру. Конечно, то что я прошел пехоту в 41-м, мне очень помогало: «Наш комбат пехоту прошел!» Так бойцы говорили. Прежде чем орудие займет огневую позицию, я командую: «Командир орудия, за мной». Он ползет сзади метрах в пяти, ординарец справа. Сам выползал, выбирал, говорю командиру орудия, например Чичигину: «Вот

здесь орудие ставь». Когда сам лично проползу и укажу каждому, куда поставить, тогда командир орудия с уверенностью говорит: «Наш комбат выбрал огневую, теперь все от нас зависит».

Меня считали везучим, и бойцы меня очень уважали. В то же время в полку меня называли «штрафником». Все батареи выходят из строя, личный состав потом формируют из пяти батарей в одну, а меня назначают ее командиром. Остальные офицеры уже как бы на отдыхе, а я продолжаю воевать. Потом, когда у меня все пушки побьют, тогда уже весь полк выходит на переформировку. Они уже все отдохнули, а я только побуду недельку, и опять уже новая техника приходит.

Выбрали позицию. Отрывали окоп для орудия, но часто бывало, что этого и не успевали делать. Тогда саперными лопатками прокапывали канавки по ширине колес, чтобы орудие село прямо по нижний щиток. Окрашивались орудия в камуфляж. Позицию по возможности маскировали чем придется.

А в атаке это так делалось. Во-первых, орудия, когда поддерживаешь атаку, всегда заряжены бронебойными снарядами и поставлены на предохранитель. Передний щиток отброшен, чтобы уменьшить высоту орудия. То есть высота пушки становится чуть больше пятидесяти сантиметров. Остановились, подкопали под колесами – пушка села еще ниже. Быстро срезали несколько веток кустарника или там стеблей кукурузы – все, до первого выстрела тебя танкист не видит. Подпускаешь его на 400, 300, 250 метров и открываешь огонь – мы же не могли бить на километр, на 500 метров. Если поддерживали пехоту, вручную толкали орудие стволом вперед. Такая команда была: «Орудие стволом вперед марш!» Расчет берется за станину справа и слева, и покатили – она на колесах быстро движется. В стволе уже бронебойный заряжен, чтобы сразу бить по танку или по пулемету. Даже если не пропадешь, когда рядом пролетит огненный шар, хочешь не хочешь, руки задрожат. Сначала бронебойным дал, потом по шкале осколочно-фугасного снаряда внес поправку, и сразу накрываешь цель.

Как прицеливались по танку? У пушки образца 42-го дальность прямого выстрела 800 метров. Огонь открывали обычно метров с 400. Если танк идет бортом, ты в бинокль смотришь, определяешь примерно его скорость, рассчитываешь упреждение. Наводчику командуешь: «Наводить под основание башни, упреждение один танк». Если я скорость не угадал, снаряд пролетит или впереди, или сзади. Тогда скорректируешь и второй выстрел. На Курской дуге танков было очень много, и шли они в лоб. Били в основном по гусеницам, чтобы он развернулся. Пока танкисты сообразят, откуда огонь велся, чтобы башню повернуть,

им второй снаряд в борт, но они не ждут – выпрыгивают.

Стояли мы под Коломной до середины июня. За это время нам выдали новое обмундирование, все офицеры получили финские ножи с наборной ручкой, солдаты – финки с черной ручкой. У нас даже была мотострелковая бригада в бронежилетах. Тяжелый – весил он примерно килограммов двенадцать.

В середине июня зачитали приказ о том, что наш полк входит в состав 4-й танковой армии. Своим ходом доехали до Наро-Фоминска, а оттуда до города Козельска. Прибыли мы в Козельск 23 июля. А уже через несколько дней вступили в бой в составе Брянского фронта. Что сказать? Жара. Температура 25-27 градусов. Тяжко было. Понимаешь, убьют человека, через два часа труп уже пахнет. Такая вонь, а тут обед привезут – ничего в горло не идет, только воду пили. Непрерывные атаки. Авиации, и нашей, и немецкой, было очень много. В небе все время шли воздушные бои. Мы до того озверели от постоянных налетов, что я свои орудия ставил на бугорок и стрелял бронебойным по ним. Меня потом командир ругал: «Ты смотри, ты не зенитчик, ты снаряды не расходуй по самолетам».

В конце июля потребовалось срочно поехать в ночную разведку на машине – потеряли связь с пехотой. Выполнить задачу должны были разведчик, офицер и шофер. Командир полка подполковник Торохов Вениамин Кузьмич говорит: «Надо послать командира батареи». Начальник штаба: «Да нет, пошлем Рогачева, он фронтовик, в 41-м воевал». Тем не менее командир полка настоял, и в разведку уехал командир моей батареи Петров. Они уехали и пропали. Утром поехали на поиски и нашли только останки – они наскочили на противотанковую мину. На следующее утро меня вызвали в штаб и говорят: «Рогачев, принимай батарею». – «Да вы что?!» – «Не разговаривай! Приказ!» А буквально через несколько дней, 7 августа, мне пришлось принимать участие в тяжелейшем бою. Приказано было поддержать атаку танковой роты и пехоты на деревню Зуевская. Я явился к командиру танковой роты, доложил, что прибыл в его распоряжение. Штаб полка на время боя часто придавал отдельные батареи подразделениям и фактически нами не руководил – связи не было. Старший лейтенант говорит: «Сейчас пойдет в атаку пехота, я буду двигаться за ней на расстоянии 50-100 метров, интервал между танками 20-40 метров. Ты двигайся за моими танками не далее как метров в 50-80-ти. У вас обзор лучше, так что твоя задача подавить противотанковые орудия и танки». Я вернулся к командирам взводов, объяснил задачу, приказал зарядить орудия и подцепить их к машинам.

Атака на деревню началась примерно в полдень после

короткой артподготовки. В атаку пошла пехота, а за ней танки. Шли по высокой спелой ржи. «Виллисы» с трудом прокладывали себе дорогу. Подпустив танки на 300-400 метров, немцы открыли сильный огонь. Несколько наших танков загорелось. Мы отцепили орудия примерно в 300 метрах от окраины деревни и открыли ответный огонь. Пехота сначала залегла, а потом побежала назад. Танки стали маневрировать, постепенно смещаясь влево, а мы остались одни на открытой местности. Мы успели сделать траншейки для колес и откинуть щиток. Орудия практически утонули во ржи. Я приказал командиру второго огневого взвода сосредоточить огонь орудий по минометной батарее, которая вела по нам сильный огонь, а сам управлял огнем первого и второго орудий по танкам и противотанковым орудиям. От разрывов мин и снарядов загорелась рожь. Дым мешал стрелять, но отчасти прикрыл нас от немцев. А тут еще танк горит справа в двадцати метрах. Немцы пошли в атаку при поддержке танков, а у меня все мысли о том, что у него боекомплект 100 снарядов. Как рванет и куда башня полетит? Огонь веду, а правым глазом смотрю, когда же он взорвется. И он, когда рванул, башня подлетела, но, слава богу, не упала на орудие. Огонь, дым, пламя. Ой, страшно!

Подпустили мы пехоту метров на 50-60 и открыли огонь на картечь. Конечно, пустили в дело и автоматы. Они откатились. В это время наша пехота опять пошла в атаку при поддержке оставшихся четырех танков и заняла деревню. В этом бою батарея уничтожила два средних танка, три штурмовых орудия, четыре миномета и порядка двух взводов пехоты. При этом мы потеряли два орудия вместе с расчетами, одно орудие было повреждено. Целым осталось только первое орудие, вместе с которым я находился. Погибли два водителя «виллисов» вместе с машинами. Мы лежали, обессиленные от жары и от этого боя, возле орудия. Чувствую, кто-то бьет меня по плечу, открыл глаза – вроде командир полка: «Жив?! Рогачев!» – «Пить!» Откуда-то появился бочонок с водой. Мы с наводчиком первого орудия Михайличенко вдвоем припали к этому бочонку. Сколько воды выпили, не помню… За этот бой я был награжден орденом Красной Звезды…

Сколько всего на моем счету? Я не считал, но за всю войну больше двадцати танков и бронетранспортеров моя батарея сожгла.

Уральцы – героические люди. Они шли вперед, невзирая ни на что. Смелости и отваги много было, но опыта военного мало, поэтому потери были очень большие. Из тех пятерых ребят, что со мной командирами взводов пришли, никого не осталось… В августе армию отвели на переформировку. Перед этим произошел

такой случай. Немцы отошли за реку Нугрь. Мы выдвинулись вперед и начали окапываться, занимая позиции у малозаметной, но нанесенной на карту дороги. Окопы копаем во ржи, метрах в пяти от кромки поля. Копают все – от командира батареи до станинных. Водители для «виллисов» тоже укрытия копают. Рожь высокая, нас за ней не видно, а первый выстрел бронебойным сделал, и она ложится – можно стрелять осколочным. Вдруг видим, «виллис» едет мимо нас прямо к немцам. Остановился. Вылезает майор: «Эй, бойцы, кто ваш командир?» – А там все разгоряченные, командиры взводов торопят солдат, ругаются, немцы того гляди в контратаку пойдут – видно, пехота накапливается, бронетранспортер подошел. Старший сержант Чичихин, вологодской богатырь: «Что кричишь? Кого тебе нужно?» – «Ты как разговариваешь?! Кто командир?!» – «Лейтенант Рогачев». – «Давай его сюда!» – «Товарищ комбат, там вас какой-то майор зовет». – «Какой еще майор? Какие у него погоны, артиллерийские или пехотные?» Майор уже кричит: «А ну немедленно ко мне!» Я выбегаю на дорогу, жара, пот градом, портупея, полевая сумка, бинокль болтаются: «Командир батареи лейтенант Рогачев!» – «Какой полк?» – «1513-й истребительный». – «Что вы делаете?» – «Оборудуем огневую. Немцы готовятся к атаке». – «А впереди кто?» – «Никого нету». – «Как никого? А где штаб Родина?» – «Вы проскочили поворот. Вам надо было километрах в полутора отсюда направо свернуть. – «А точно?» – «Точно». – «А ну, садись в машину». Он развернул «виллис», мы отъехали метров 500 в тыл, где его поджидали еще несколько машин. В них сидели какие-то люди в защитных комбинезонах без знаков различия. Я подошел, смотрю, сидят Жуков, командующий фронтом Петров. Жуков спрашивает: «Кто такой?» – «Лейтенант Рогачев, командир 3-й батареи 1513-го истребительного полка». – «Что вы делаете?» – «Оборудуем огневые позиции». – «Где штаб 30-го Уральского корпуса?» – «Так вы проскочили». Он как на них зыркнул – «Давай, продолжай. Смотри, никого не пропускай». – «Будем стоять насмерть». Они умчались, а я вернулся на батарею. Вскоре прибыл посыльный на мотоцикле с приказом сосредоточиться в таком-то районе – нас отводили на переформирование.

Когда Жуков попал в опалу и про него начали говорить, какой он подчас был плохой, как не жалел людей, я под Новый 72-й год написал ему поздравительную открытку. Пожелал ему доброго здоровья, написал, что мы, офицеры, его ценим и всегда помним. Напомнил про этот случай на Курской дуге. Попросил его книгу с автографом. Вскоре меня вызвали и вручили ее. Там многие генералы безуспешно пытались получить автограф, а я

получил… Пойми – без потерь войны не бывает, а ему ставились такие задачи, при выполнении которых невозможно было считаться с потерей какого-то полка или дивизии. Так что я всегда ценил Жукова.

На отдыхе стали немножко в себя приходить. Пришло пополнение – новые расчеты, новые пушки. Полк получил звание гвардейского и сменил номер на 357-й.

Примерно в начале октября собрали офицеров и объявили, что полк будет переформироваться в истребительно-противотанковый, но на Су-76. Его офицеры должны будут пройти трехмесячную переподготовку. Было сказано, что те офицеры, которые желают переучиваться, должны дать согласие, остальные будут откомандированы в распоряжение командующего артиллерии Красной Армии. Я подумал, поговорил с оставшимися в живых ребятами и решил, что на этих самоходках я воевать не буду. Мы же видели во время Курской битвы, чего она стоит, эта Су-76. Пушка ЗИС-3 малоэффективная, броня тонкая, сверху она даже не прикрыта от минометного огня. Горели они… Их так и называли – Горьковские свечи. «Сорокапятка» на земле, чуть что, можно спрятаться, а из самоходки не выберешься.

В конце ноября я был откомандирован. Приехал в Москву в управление кадров. Думал, что удастся устроиться в батарею 152-мм орудий или хотя бы на самоходки с этим орудием. Я же на них учился. Не тут-то было! Оказывается, когда истребительные полки формировали, был издан приказ, устанавливающий нам полуторный оклад, премиальные за каждый подбитый танк (командир орудия – 500 рублей, наводчик – 300, и так далее), но также запрещавший использовать артиллеристов ИПТАП в других родах артиллерии. Даже после госпиталя они должны были направляться только в истребительно-противотанковые части, никуда больше. Мы об этом не знали. Мне дали предписание направиться в распоряжение командующего артиллерией 5-го механизированного корпуса, а там меня назначают опять командиром истребительной противотанковой батареи 45-миллиметровых орудий 1-го мотострелкового батальона, 2-й механизированной бригады, 5-го мехкорпуса. Разница между ИПТАПом и противотанковой батареей мотострелкового батальона существенная не в плане выполняемых задач, а в плане подчинения. ИПТАП подчинялся командующему артиллерией корпуса. Он ставил задачи, а уже командир полка распределял батареи для их выполнения. Здесь же батарея непосредственно подчинялась командиру батальона, который придавал ее той или иной роте.

Расчет «сорокапятки» ведет огонь.

Но он же не артиллерист! Своих-то он и бережет, и награждает, а ты им только расчищай дорогу и не вздумай отойти.

В бригаде был дивизион 76-миллиметровых пушек, но вакансий в нем не было. Правда, пообещали перевести, но так этого и не сделали. Пришли орудия и расчеты. Помню, много было грузин – боевых ребят. Командир орудия – Какабадзе, наводчик – Барбакадзе, заряжающий – Сарадзе. Славян тоже много было. С учений вечером идем. Я командую: «Песню запевай!» Сначала грузинскую споют, потом белорусскую, потом украинскую… Интернационал был.

Поначалу новое пополнение боялось – «сорокапятка», «Прощай, Родина». Я им говорил: «Чего вы боитесь? «Сорокапятка» – это же артиллерия, не то что пехота!»

Под Новый год по тревоге погрузились в эшелоны и поехали на Украину. Разгрузились в районе Фастов – Казатин и пешком совершили ночной марш до города Сквира, а это примерно тридцать километров. Оттуда нас на машинах перебросили под Белую Церковь.

В начале января нам объявили, что корпус входит в состав создающейся 6-й танковой армии. Вместе с ней мы участвовали в Корсунь-Шевченковской операции. Начали наступление от большого села Тыновка. С командиром моего батальона Иваном Рыковым у меня отношения не сложились. До войны он был майором милиции в Саратове, был призван, и уж как-то так сложилось, что назначен на должность командира батальона, хотя не имел соответствующей подготовки. Он был трусоват и все время свой командный пункт располагал не менее чем в километре – полутора от передовой. У связистов провода не хватало! Только и знал, что командовать: «Батарея, вперед!!!» Руководил, не зная обстановки. Я все время говорил: «Что вы командуете, где мне орудия ставить?! Я-то лучше на месте вижу. Хотите, чтобы меня уничтожили в бою? Я же вам никакой пользы не принесу». – «Как ты смеешь мне противоречить?!» и так далее. И вот под Тыновкой пошли в наступление. Впереди на высоте стояли скирды соломы, под которыми немцы сделали пулеметные гнезда. До них было примерно полтора километра, но мои разведчики их обнаружили. Обнаружили мы и взвод 75-миллиметровых орудий и еще до начала артиллерийской подготовки открыли по ним огонь, заставив расчеты разбежаться. Комбату я сказал, что нельзя на высоту бросать нашу пехоту, поскольку, когда пехотинцы поднимутся на высотку, пулеметы их скосят. А он под этим делом меня не послушал, дал приказ: «Батальон, вперед!» Пулеметчики подпустили нашу пехоту метров на 50-100 и расстреляли в упор. Батальон потерял убитыми и ранеными почти 400 человек. Высоту мы взяли. Шли мимо – лежат молодые и пожилые… У меня такая злоба закипела. Я по его адресу прошелся. Ему стало известно, что я, командир батареи, считаю его виновником гибели людей. За эту операцию ни я, никто из батарейцев не были награждены. Он порвал двенадцать наградных листов! Когда бои закончились, ко мне приехал представитель из особого отдела корпуса: «Александр Васильевич, я хочу с тобой поговорить. Ты был в бою?» – «Был». – «И какое твое мнение?» – «Мнение как оно было, таким и осталось. Никто его не изменит. Безрассудно бросил батальон на пулеметы». – «Кто виноват?» – «Командир батальона!» Мы уже вышли на реку Прут, когда пришел приказ построить личный состав батальона для участия в заседании военного трибунала. Построились на полянке между домами. Стол, сукно. Выходят и объявляют: «По такому-то делу проведено расследование и установлено то-то и то-то». Рассказывают, как он себя вел, как злоупотреблял спиртным, как погубил батальон и так далее. Сорвали с него погоны, ордена, а он их себе три или четыре

штуки уже повесил. Приговор: «Командира батальона майора Рыкова разжаловать и приговорить к высшей мере наказания – расстрелу». Мы обалдели. Ну он, конечно, выступил: «Прошу мне дать возможность оправдаться, в бою искупить вину кровью». Они ушли на совещание. Потом выходят, объявляют: «Трибунал решил майора Рыкова разжаловать, лишить наград, высшую меру наказания заменить тремя месяцами штрафного батальона». Вот после него назначили толкового комбата. Ну вернемся к Тыновке. В первый день мы все же прошли километров двенадцать. В последующие тоже двигались успешно. В корпусе был создан передовой отряд в составе 233-й танковая бригады, самоходного артиллерийского полка, 1-го мотострелкового батальона и моей истребительно-противотанковой батареи под командованием заместителя командира корпуса генерала-майора Савельева Михаила Ивановича. Этот отряд должен был первым достичь Звенигородок и соединиться там с танковым корпусом, замкнув Корсунь-Шевченковскую группировку в кольцо. Мы пошли в наступление по тылам. Успешно справились с задачей, и нас поставили держать внешний обод окружения. Бои были очень тяжелые. Лысянка, Душакивка, Бужанка, Босивка – эти села на всю жизнь запомнил… Особенно запомнилось село Малый Виноград. Мы его взяли 10 или 11 февраля. Через него шла дорога на Душакивку, Бужанку, был мост через Гнилой Тикич. Основные силы командование перебросило в направлении села Босивка, что находилось километрах в пяти, а мне приказано было остаться. Заняли оборону. Кроме моей батареи там было человек 50-60 из остатков какой-то стрелковой дивизии, два танка и две 122-миллиметровые гаубицы. Заняли позиции на окраине села. Орудия замаскировали на высотке, поросшей яблонями. Чуть внизу стояли дома и шла дорога к мосту через реку, за которой были немцы. Левее от моей позиции был холм, скрывавший расположение орудий от наблюдения с противоположного берега. Перед тем в этих местах шли бои, видимо, наши отступали и побросали много оружия. В том числе стоял штабель ящиков со снарядами к «сорокапятке». Мы притащили по пять-шесть ящиков на орудие. Подобрали несколько пулеметов и ПТР. Вооружились до зубов. Немцы не заставили себя ждать. Когда они пошли через мост, мы его подорвали. Берега реки были болотистые, и танки не прошли, а один, который увяз, мы подбили. Нас обстреливал шестиствольный миномет, но мины рвались метрах в 30-40 от батареи. Им никак не удавалось точно засечь наши позиции. Они попытались переправиться в другом месте и войти в город по нашему берегу, но им пришлось огибать высоту, что прикрывала

нас слева, после чего они оказались под огнем танков и моих орудий. Помню, что немецкая пехота подошла совсем близко. Наши пехотинцы не выдержали и побежали. И знаешь, когда ты видишь, что они бегут, а ты не можешь бежать, потому что ты не имеешь права бросить орудия, и против своего желания начинаешь смеяться: «Ты посмотри, как они бегут! Смотри! Давай! Давай! Не отставай! Быстрее в тыл!» И материли их: «Что вы бежите?! Почему вы бросаете нас, а сами бежите?!» А тут, когда немцы показались на пригорке, метров за 250, я приказал: «Бронебойным!» Выстрел звонкий, мощный, а когда мимо летит огненная жутко свистящая болванка, то кажется, что точно в тебя. Страшно… Вот так мы семь дней держали эту позицию.

– Что самое страшное на фронте?

– Самое страшное – это когда тебя бросает пехота. Они бегут, а ты остаешься в одиночестве, и нет связи с другими подразделениями. Ты лихорадочно пытаешься понять, что дальше делать, как действовать. Тут уже вся надежда на собственный опыт – бежать со всеми или оставаться. Некоторые бойцы ворчали: «Наш командир, он видишь, какой упрямый. Не хочет бежать». А потом понимали, что орудие не бросишь. Если мы оставили орудия, то командиру батареи и командиру взвода – расстрел. Бывало, что побросают оружие, а командиры приказывают – иди и верни. А где его найдешь? Частично его разбили, частично разбирали те, кто остались, чтобы усилить свое вооружение. Помню, бежали минометчики, побросали минометы в ручей, а потом пришли и ныряли за ними в ледяную воду. Вот мы посмеялись.

– С политическими органами нормальные были отношения?

– В полку был замполит, капитан Лепилкин. Донской казак. Но я же его не видел. Они же в штабе. А где этот штаб? А где бой? Когда отводили, собирали вместе, он приходил, партвзносы собирал.

Потом пошли в наступление. Распутица была такая, что мы на «виллисах» не могли двигаться за своей пехотой. В каждой ложбинке – море. Орудия переправляли, цепляя их к танкам, а сами стояли на станинах. Так же и «виллисы» перетягивали. В итоге пехота села на танки, «студебеккеры», а нам было приказано остаться, пока дороги не подсохнут. В апреле пошли догонять своих. Форсировали Прут, заняли оборону в междуречье рек Прут и Жижии. Огневую мы заняли в кукурузе, на окраине какой-то деревеньки недалеко от берега реки Жижии. Впереди, левее наших позиций, метрах в ста пятидесяти возвышался холм, а на нем стоял монастырь, который был занят немцами. Батарея

была придана батальону штрафников. Меня вызвал подполковник, командир этого батальона: «Смотри. Через этот холм проходит дорога. Это единственное направление, с которого могут пойти танки. Твоя задача любой ценой держать эту дорогу, не пропустить их. Иначе нас раздавят. Пока танков нет, я советую не вести огонь с основных позиций. Если хочешь их бить, то бей с других позиций».

Мы попытались хорошенько оборудовать позиции, но через сантиметров семьдесят начала проступать вода. Жара страшная, влажность, комаров море, а до немцев, я уже сказал, всего сто пятьдесят метров. Вот ты целый день лежишь в ровике, цели высматриваешь. И постоянно куришь, чтобы комаров отогнать (давали нам в день пачку суворовского табачку. Мы такие сигареты скручивали). А немцы по этой высотке ходят, перебегают, из пулеметов бьют. Штрафники повадились персиковые деревья обтрясать. А немцы их минами отгоняют. Помню, прибегает один: «Слушай, комбат, помоги! Вон видишь, пулемет бьет». Мы справа метрах в пятидесяти среди домов оборудовали запасные огневые позиции с укрытием для орудий. Ночью туда пушки перетащили. Как только рассвело, открыли огонь по уже выявленным целям. Немцы пока сообразили, что у них под носом батарея, мы огонь прекратили и бегом на основные позиции. Они давай из минометов лупить. Орудия в укрытиях, их уничтожить можно только прямым попаданием. Огонь прекратился, я разведку послал выяснить, что с орудиями. Вернулись: «Все в порядке, комбат. Орудия целы». Ночью вернули их на основную позицию. Командир батальона говорит: «Ты знаешь, Рогачев, кончай свои штучки. Они свирепеют. Ты держи дорогу».

Там у моих солдат куриная слепота началась. Приходилось по ночам отправлять их в тыл, где им давали витамины.

Расчет «сорокапятки» ведет бой в городе. Судя по наличию

«сидоров» и отсутствию противогазов фотография сделана в реальной боевой ситуации.

У меня все было нормально, может быть, потому, что нам давали офицерский доппаек. Вечером, когда стемнеет, приносили ужин в термосах, но аппетита не было. Стакан вина выпьешь, чем-нибудь закусишь. Были американские консервы с ветчиной ломтиками. Вот съешь два ломтика, и только водичку попиваешь.

За бои на плацдарме я был награжден орденом Красной Звезды.

Перед наступлением нас отвели и пополнили. 20 августа в составе 6-й танковой армии мы вошли в прорыв. Яссы, Берлав, Тягуч, Берлад, Букеу, Бурзеу, Фокшаны, Урзечени, Бухарест. Население поначалу нас встречало настороженно, подобострастно улыбаясь. Мы отвечали нашим радушием. Они удивлялись, ведь у них шла пропаганда, что русские придут и будут насиловать, убивать, грабить. А у нас был приказ, когда перешли границу с Румынией, мирное население не обижать, не мародерствовать. Потом они нам сами помидоры, кукурузу – мамалыгу свою выносили – ешьте! Вино целыми кувшинами. Плохие отношения были с венграми. Венгры очень коварные и злопамятные. И они бились ожесточенно до конца, до предела своей территории. А когда их к границе прижали, они стали сдаваться.

В Бухаресте нас король Михась с балкона встречал. По этому поводу было приказано немецкие трофейные шмотки, которые мы одевали, поскольку одежда быстро изнашивалась, сбросить, одеть только свои гимнастерки. В Бухаресте остановились. Город жил обычной мирной жизнью – магазины работают, рестораны. Нам выдали леи. Причем один рубль стоил 100 лей. Я получал что-то около 2000 рублей. На эти деньги можно было купить особняк. Но на руки денег выдавали мало. Часть сдавали в Фонд обороны, на облигации подписывались, какую-то часть денег я матери высылал. Вот на эти деньги я себе часы купил наручные. А некоторые ребята там загуляли. Наше командование, почувствовав, что, не дай бог, разгуляется русская душа в мирной обстановке, приказало покинуть Бухарест и двигаться в направлении Венгрии.

Тут вот произошел бой, который я могу назвать самым неудачным своим боем. Мы атаковали румынское село. Пехота залегла под огнем пулемета, стрелявшего с чердака двухэтажного здания, стоявшего метров на 250-300 ближе к нашим позициям, чем остальные дома. Перед этим домом проходила гравийная дорога, в кювете которой спрятались от огня пехотинцы. Меня

вызвал командир батальона и приказал выдвинуться на прямую наводку и уничтожить пулемет. Прежде чем выкатывать орудие, я перебежками с ординарцем и командиром минометной батареи старшим лейтенантом Сергеем Верхолашиным (он придерживался меня, считая, что я везучий и со мной его не убьют) двинулся к дороге. И нет бы нам взять чуть левее, где росла кукуруза и можно было скрыться в ее зарослях. А мы побежали по открытому полю с чахлой травой и редким кустарничком. До кювета мы не успели добежать, когда огонь пулемета сосредоточился по нам. Упали. Перед носом фонтанчики пыли. Мы лежим и ждем, понимая, что сейчас убьют или ранят. Сергей лежал слева от меня, ему пуля попала в глаз. Он закричал.

Я отправил ординарца с приказанием первому и второму орудию выдвинуться ко мне. Когда ребята начали выкатывать уже заряженные орудия, пулеметчик убил одного и ранил двоих из расчета первого орудия. Я к этому моменту уже перебежал в кювет и оттуда начал командовать. Третьим снарядом мы попали в окно, откуда стрелял пулемет. Огонь прекратился, а за домом по полю немцы побежали в село. Поле голое. Эти два орудия открыли по ним огонь, а я приказал подтянуть остальные орудия. Снаряды рвались, немцы бежали, падали… не знаю, сколько мы там убили… Не надо было мне в этот кювет бежать – задержал выдвижение первых двух орудий, Сережку ранили, в расчете потери. В общем, неудачно действовал.

– Как хоронили погибших?

– В 43-м году хоронили нормально. Делали сколок с карты с указанием места захоронения и кто похоронен. Хоронили в своем обмундировании. После того как могилу засыпали, ставили дощечку с надписью. За этим следили достаточно строго. Ну а в 41-м когда как… Смертные медальоны мы выбрасывали.

На нем надо было написать все свои данные, и было такое суеверие – напишешь, значит, убьют. А часто бывало так, что убитый лежит, а у него ни документов, ни жетона – похоронили, а кому-то отправили извещение – пропал без вести.

* * *

Шли через Трансильванские Альпы. У них высоты 2-2,5 тысячи метров. Дорога шириной метров шесть вилась над обрывами по сто – сто пятьдесят метров. Немецкая авиация свирепствовала. И хотя зенитки были в колоннах, потери мы несли большие. Все же мы прорвались и двинулись в направлении города Турда. Под этим городом я был ранен в уличном бою. Я в бинокль высматривал цели, а стрелок или снайпер с крыши ударил и попал в правое бедро. Правда, кость осталась целой и

через месяц я опять был в строю. Потом были бои за Будапешт. Мы шли за пехотой, сформированной в штурмовые группы, помогали огнем. Мне приказывали двигаться к какой-то из рот. Она продвигается, потом посыльный от командира прибегает: «Комбат, там пулемет бьет». Я к нему подбегаю. Вместе смотрим, как с этим пулеметом справиться, как орудие перетащить, как мне стрелять. Уличный бой – самый страшный бой. Ты не знаешь, откуда по тебе откроют огонь. Вот ведет противник огонь со 2-го или 3-го этажа. Мы же пушку посередине улицы не поставим. Напротив, например, витрина магазина. Бьем витрину, вкатываем орудие в магазин. Стреляем по противоположной стороне. Делаем пару выстрелов осколочно-фугасным «с колпачком» – взрывателем фугасного действия, чтобы снаряд взрывался внутри здания, а потом еще бронебойным для страха добавили. Огонь прекратился, но они же все ходы знают. Мы его ждем, а он появляется совершенно в другом месте и неожиданно открывает огонь.

Пришлось нашей армии участвовать в отражении немецкого наступления под Балатоном.

В последних числах марта мы пересекли австрийскую границу в районе города Кесег, после чего наш корпус лесами пробрался в район города Винер-Нейштадт. Вошли мы в город на Пасху. Немцы совершенно не были готовы к появлению наших частей. Сопротивление оказали нам только власовцы. К слову, мы ненавидели их больше, чем немцев. И рассчитывать им в бою, где ты и судья, и прокурор, и исполнитель законов войны, было не на что. Если попал – все. Некоторые выходили, бежали, руки подняв, а его на батарее из автомата – и все. А то в плен брать, куда-то отводить… Я в этом городе в бою лично семь человек убил из автомата. Мы катили орудие, а они засели в подвале дома и отстреливались. Пошли я и еще два человека. Ворвались и перестреляли их там.

Я воевал против немцев, венгров и румын. Если сравнивать их как противников, то самые сильные, конечно, немцы. На второе место по ожесточенности, по упорству я бы поставил венгров. Все остальные – слабые, а румыны это вообще… мамалыжники. Когда в 1944-м они перешли на нашу сторону, их пускали вперед. Мы стоим в готовности. Смотрим, как они пошли в наступление. Потом венгры и немцы переходят в контратаку – они бегут. Уже знаем, что сейчас нам будет команда «Вперед!». Они убежали, теперь мы в атаку. И, допустим, на ночь в охранении румын не оставляли.

Захватив город Винер-Нейштадт, двинулись на Вену. Ворвались на окраину Вены, завязались уличные бои.

Командиром батальона у нас был Гончаров Иван Тимофеевич, 1925 года рождения. Он все говорил: «Не отрываться! Артиллеристы, за мной! Вперед и вперед!» Улочки узкие, по ним машинам с орудиями не пробраться. Пехота дворами, какими-то палисадниками проскочит, а нам по улице надо ехать. А там из окон такой огонь ведут, нельзя носа высунуть. Мы отстали. Но батальон задачу выполнил – захватил Центральный железнодорожный вокзал. За это Гончаров был удостоен звания Героя Советского Союза. Впоследствии погиб у меня на глазах. После Вены мы атаковали какое-то горное село. После артподготовки и атаки штурмовиков ворвались на его окраину. Пехота залегла. С церкви по нам вел огонь снайпер, а за домами появились танки. Мы за винными погребами развернули орудия и открыли огонь по огневым точкам, а потом и по танкам. В это время Гончаров со штабом батальона перебегал чуть позади батареи – он смелый был. И буквально метрах в трех от меня снайпер его сразил.

После Вены пошли освобождать Чехословакию. В ночь на второе мая в ночном бою за город Вишков я был тяжело ранен. Мы отражали контратаку. Я стоял с биноклем и руководил огнем. Снайпер стрелял из дома неподалеку и, видимо, хотел попасть в голову, но попал в руку. Пуля перебила кисть. Я думал, что рана пустяшная, но оказалось, что очень серьезная. Меня отправили сначала в армейский госпиталь в Вену, потом в Будапешт. Там мне делали несколько операций, чтобы спасти руку. Началось заражение, дошедшее почти до плеча. Врачи сказали, что если пойдет дальше, то руку придется отрезать, но, слава богу, этого не произошло. Находился я на излечении до середины августа 1945 года. В августе меня комиссовали, дали 3-ю группу инвалидности на шесть месяцев с последующим переосвидетельствованием и отправили в Москву. Я решил поступать в Московский автодорожный институт. Два раза ходил к ректору на прием, поскольку экзамены уже кончились. Уговорил я его, и в порядке исключения, без экзаменов меня приняли на 1-й курс. Учиться было сложно, к тому же мы, фронтовики, хоть и молодые, но все же старше остальных студентов намного. Я же войну окончил в 22 года. Причем мне было присвоено звание старший лейтенант в марте 45-го, а до выписки из госпиталя об этом и не знал. Мы этим не интересовались, так же как и наградами. Не за награды воевали, а чтоб добить врага…

– После войны тяжело было в мирную жизнь возвращаться? Как вас воспринимали?

– Нас принимали с большой радостью и относились очень

радушно. Не было никакой отчужденности, равнодушия. Мы же не высовывались и не выпендривались. Ну, воевал и воевал. Пришел, теперь входи в мирную жизнь. А соскучились как! Так охота было учиться. Такой запал был хороший, несмотря на все трудности, все время был оптимизм, бодрость. Но вот, например, на фронте не болели. Ни простуда, ни болячки, ничего не приставало. Некоторые думали: «Хоть бы заболеть! Тогда бы немного в санбате покантовался, подлечился». Но не брали болезни. А как с фронта пришли, так сразу стали болячки доставать. То язва желудка открылась, то нагноение в раненом легком… В общем, здоровье войной было сильно подорвано.

– О чем писали домой с фронта?

– У меня такая привычка была, может быть, нехорошая. Первое письмо я написал в сентябре 42-го, когда попал в училище. Я считал так, что, когда я в бою, писать не совсем правильно. Потому что ты написал письмо, отправил, а через день тебя убьют или ранят тяжело. Дома получат письмо, что ты жив-здоров, воюешь в направлении города Н-ска, а тебя уже и нет. Я дал себе слово, что буду писать, только когда выйду из боя. Так что я письма отправлял раз в полгода, не чаще. Для родителей, конечно, это было тяжело. Начал писать более-менее регулярно, может, раз в месяц-два, только под конец войны, когда дела пошли веселее. Особо жестоких боев не было, да и какая-то уверенность появилась, что довоюем до конца войны, до победы. Стало ли тяжелее воевать под конец войны? Конечно, стали посещать мысли: «Хорошо бы дожить до победы». Но это никак не отражалось на моем поведении – я не стал ни осторожнее, ни трусливее – не было этого. Так же командиры взводов и командиры орудий – каждый так думал, но держал эти мысли при себе. А открыто это ни в чем не выражалось, и все шло по-прежнему – никто поблажек себе не просил и хуже воевать не стал.

– А на войне к религии изменилось ваше отношение?

– Видишь, нас воспитывали безбожниками. До пятого класса мать меня водила в церковь, на Пасху. Она скажет: «Вон там святой, поцелуй ножку». Я подходил, стенку целовал. А потом, когда уже стал пионером, стал атеистом. На фронте даже и в голову не приходило, чтобы обращаться к защите Бога, например, во время обстрела или налета просить о помощи. Хотя и бомбили, и на волосок от смерти ходили в день по 10-15 раз, но никто не читал молитвы. Да я их даже не знал. Может, из старшего поколения кто, а мы молодые – нет.

– В батарее были перебежчики или самострелы?

– В 41-м году нам говорили, что были случаи самострелов в

соседних батальонах, но в нашем я не помню такого случая. А в этом, в истребительно-противотанковом полку или батарее это вообще исключено. Никогда!!! Помню, командир полка выстраивал пополнение: «Мы истребительно-противотанковый полк. Мы ведем войну против танков, и шансов уцелеть у нас мало. У кого нервы слабые или кто считает, что лучше воевать в другом месте, – выходи из строя, ничего не будет. Откомандируем в другие полки». Никто не вышел.

– Посылки посылали?

– Да. Когда границу перешли, то было разрешено посылать десять килограммов. В Румынии, конечно, некогда было, когда мы по пятьдесят километров в день проходили. Вот когда лежал в госпитале в Будапеште, нам давали форинты, или мы их называли пенги. Я получал 1500 пенгов. В частной пивной кружка пива стоила три-четыре пенга. Ходил по магазинам. Купил материал на костюм и отослал. Кожаное пальто себе сшил за 300 или 400 пенгов. И еще у меня был аккордеон. Мне его подарили солдаты, когда меня ранило. Так он батарейный был, его в Вене взяли. Я-то играть на нем не умел, но потом научился – слух был.

– Примет или предчувствий не возникало?

– Я не суеверный. Я уже рассказывал, что почувствовал себя нехорошо под Старой Русой, перед тем как быть раненым. Больше никаких предчувствий не было. Но постепенно тоньше стал чувствовать опасность. Вот, например, после боя я говорю командиру взвода: «Пойдем в ручье помоемся». – «Давай». Я иду довольно быстро, он за мной. Проходим по лесной полянке: травка, лежат поваленные березки.

Я смотрю, а мощно так в голове: «Почему это на полянке так лежат березки?» И чем ближе подхожу к этим березкам, у меня ноги все медленнее идут, как свинцом налиты. В какой-то момент я поднимаю ногу и что-то меня держит. На носок сапога смотрю, а это проволочка растяжки. Я посмотрел влево – вот она стоит, противопехотная, как бутылка шампанского со срезанным горлышком…. Я стою как аист и жду. Раз… два… три… Взрыва нет. Я потихонечку опускаю ногу. Потом смотрю, а немцы установили растяжку несколько дней назад, а поскольку роса была обильная, кольцо немножко заржавело и, когда я легко натянул, чека не поддалась, не вырвалась. Взводный: «Комбат, ты чего остановился?» Я говорю: «Валя, подойди-ка сюда». Он подходит ближе, как глянул: «Ой, мина! Назад!» А я: «Куда назад? Дай веревку». У нас была тесьма. Я когда перевязывал проволоку-растяжку, руки немножко дрожали. Потом дернули, и взрыв. Меня потом в штаб вызывали, начальник штаба гвардии майор Зыль полоскал: «Ты что, сапер! Ты кто такой?! Ты командир

батареи! Ты должен был сразу вызвать саперов!» Ну мы же в училище проходили подрывное дело, вот и решил воспользоваться полученными знаниями.

– Стреляя по немцам, вы видели перед собой мишень или врага?

– Врага. Допустим, огневая точка ведет огонь из пулемета. Попали – она замолчала. Продвинулись вперед, зашли посмотреть на результат. Вот они лежат, и пулемет разбит. Наша работа! Возникало ощущение удовлетворения. Не зря стреляли.

– Как вы относитесь к войне? Нет желания вернуться в то время?

– Когда лежишь, долго не можешь заснуть, вспоминаются эпизоды боев. Я отчетливо вижу каждую высотку, каждую лощинку. Вот опушка леса, деревня, где ребята погибли, вот здесь мы выдвигались… Вспоминаются лица бойцов, с кем эти четыре года шел. Они ну как живые передо мной стоят, хотя уже прошло почти шестьдесят лет. Вернуться туда я не хочу. Такая мысль не посещает. Но часто думаю: «А правильно ли я в том бою позицию выбрал, орудие поставил? У меня в расчете трех человек убило. Может, если бы на другое место поставил, тогда бы они и не погибли?» Такой анализ идет до сих пор. Я чувствую себя морально ответственным за каждого раненого, убитого, потерянного бойца. И думаешь: «А нет ли здесь твоей вины?»